

Е.Ю. Иванова-Малофеева

**РЕФОРМА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**
(середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.)

• ИЗДАТЕЛЬСТВО ТЕТУ •

Министерство образования и науки Российской Федерации
Тамбовский государственный технический университет
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Е.Ю. ИВАНОВА-МАЛОФЕЕВА

**РЕФОРМА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.)**

Тамбов

• Издательство ТГТУ •
2005

ББК ТЗ(2Р-4Т)
И20

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой Российской истории
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
Л.Г. Протасов

Доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина

Иванова-Малофеева Е.Ю.

И20 Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 196 с.

Монография посвящена малоизученной теме в истории государственного управления – реформе государственной деревни 1837 – 1841 гг. С использованием богатого исторического материала Государственного архива Тамбовской области исследуется реализация реформы в отдельно взятой губернии.

В работе рассматривается состояние казенной деревни Тамбовской губернии до и в период ее реформирования; выделяются причины, цели, основное содержание реформы; анализируются результаты проведения ее основных мероприятий.

ББК ТЗ(2Р-4Т)

ISBN 5-8265-0335-1

© Иванова-Малофеева Е.Ю.,
2005

© Тамбовский государственный
технический университет
(ТГТУ), 2005

© Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Держави-
на, 2005

Научное издание

ИВАНОВА-МАЛОФЕЕВА Елена Юрьевна

**РЕФОРМА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ
В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.)**

Монография

Редактор Е.С. Мордасова

Компьютерное макетирование И.В. Евсеевой

Подписано к печати 10.01.2005

Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Объем: 11,39 усл. печ. л.; 12,00 уч.-изд. л.

Тираж 450 экз. С. 779^М

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советский пр., 106, к. 14

Знание исторического опыта необходимо для того, чтобы лучше понимать современные события, понимать возможность будущих перемен.

Земельный вопрос в России всегда был одним из самых насущных и сложных, он до сих пор не разрешен до конца. В первой половине XIX в. Россия была аграрной страной; ее крестьянское население и теперь, по сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки, составляет значительную долю в общем числе граждан государства. В течение долгих лет в крестьянине видели, в основном, объект какого-либо внешнего воздействия. Однако крестьянство является самостоятельным историческим субъектом, носителем собственных традиций, сословием «в себе», поэтому следует рассматривать взаимосвязь между крестьянским миром и государством. Особое место в социально-экономической структуре России принадлежало казенной деревне.

В представлении большинства вся деревня до отмены реформы 1861 г. была крепостной. Советская историография акцентировала внимание на изучении помещичьей деревни и классовой борьбы в ней, но, учитывая особую роль государства в социально-экономической истории России, особенно в периоды модернизации страны, следует признать, что история государственной деревни включает в себе немалые исследовательские возможности. Реформа государственной деревни не относится к числу преобразований, рожденных только желанием и волей властвующих, она была вызвана необходимостью изменить устаревший и невыгодный для всех порядок. Россия имеет собственные традиции реформирования: проводить преобразования вынужденно, опираясь на разветвленную бюрократическую систему, часто не имея обратной связи с обществом. Эти проблемы актуальны до сих пор.

Хронологические рамки исследования охватывают временной промежуток от середины 30-х до середины 50-х гг. XIX в.: от подготовки реформы, до завершения реализации ее главных мероприятий и ухода со своего поста министра государственных имуществ П.Д. Киселева, с чьим именем связано проведение преобразований в казенной деревне.

Цель исследования – рассмотреть состояние государственной деревни Тамбовской губернии до и в период ее реформирования, выделить причины, цели, основное содержание реформы; как все это воплотилось в действительности; что реформа изменила в казенной деревне данной губернии, выбранной в числе первых для проведения преобразований. Обращение к малоиспользованному или вовсе неиспользованному в научном обороте местному архивному материалу вместе с известными данными, приведенными в исторических трудах, позволяет детально рассмотреть проблему.

Ведь эпоха Николая I – это время бюрократических, но реформ. Преобразования в государственной деревне – серьезный шаг, приближавший общество и саму власть к решению общекрестьянского вопроса в России. Многофакторность анализа проблемы дает возможность проследить, что изменилось за определенный промежуток времени до реформы П.Д. Киселева и в период ее проведения, что осталось неизменным, а что было абсолютно новым; оценить, насколько преобразования в государственной деревне объективно осознавались реформаторами и крестьянами, как сочетались традиции и новации.

Историография проблемы весьма невелика. Положение государственных крестьян не стало предметом систематического конкретного изучения ни в дореволюционный, ни в советский периоды развития исторической науки. Наибольшее внимание всегда уделялось изучению помещичьей деревни, а по казенной существуют в большинстве своем общие обзоры или упоминания в контексте рассмотрения крестьянского вопроса. Мало внимания в историографии уделялось черноземному центру России, хотя этот район долгое время был основным производителем сельскохозяйственной продукции.

Реформу П.Д. Киселева принято было считать прологом к главному преобразованию в социальной жизни российского общества – отмене крепостного права. Поэтому ее зачастую не подвергали глубокому анализу, ограничиваясь достаточно общими характеристиками происходивших в государственной деревне перемен. Этому способствовала слабая изученность материалов нестоличных архивов.

В XIX в. вопрос о государственной деревне упоминался в самых общих обзорах, вроде нескольких глав в книге Л.В. Ходского «Земля и земледелец», или в отдельных исследованиях о поземельном владении, к примеру, Н. Благовещенского «Четвертное право»¹.

Об особом положении казенных крестьян упомянул В.И. Семевский, крупная монография которого «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» частично была посвящена государственным крестьянам XVIII в.ⁱⁱ

В период деятельности Министерства государственных имуществ (МГИ) в его Журнале помещались небольшие статьи о различных категориях государственных крестьян и о проектах, предшествовавших реформе П.Д. Киселева. Написанные министерскими чиновниками на основании ведомственных архивов и законов, эти очерки носят характер канцелярских сводок без анализа и исторической оценки. Поэтому скорее их можно использовать в качестве источника, чем как историографические работыⁱⁱⁱ.

Историки либерального направления, к числу которых можно отнести А.П. Заблоцкого-Десятовского, В.И. Семевского, М.И. Полиевктова, считали реформу государственной деревни шагом к осуществлению в России идеи постепенного мирного прогресса, а личность и деятельность П.Д. Киселева оценивали как воплощение либерального идеала. В четырехтомной биографии П.Д. Киселева, А.П. Заблоцкого-Десятовского автор реформы назван апостолом гуманности и права, неутомимым борцом за крестьянское освобождение, последовательным противником и революции, и реакции. Труд А.П. Заблоцкого-Десятовского дает характеристику тяжелому положению государственной деревни накануне реформы 1837 – 41 гг., освещает внешнюю историю реформы и двадцатилетнюю деятельность МГИ. Автор этой работы использовал для ее создания обширный исторический материал, находившийся в министерских фондах и личном архиве П.Д. Киселева, но не производил критики источников^{iv}.

Семевский В.И., В.С. Иконников, М.И. Полиевктов в своих исследованиях лишь повторили вслед за А.П. Заблоцким-Десятовским оценку П.Д. Киселева и его деятельности^v.

Иной точки зрения придерживались представители народнического направления. В 1882 г. в народнических журналах «Устои» и «Отечественные записки» появилась рецензия Н.А. Морозова на книгу А.П. Заблоцкого-Десятовского. Он развенчивал киселевскую политику компромисса. Отдавая должное личным способностям П.Д. Киселева, он отмечал, что реформа государственной деревни имела множество противоречий. Киселев П.Д. был представлен не великим деятелем, а великим чиновником, который заменял народную самостоятельность бюрократической дисциплиной и опекой. Реформа, по мнению Н. Морозова, не принесла крестьянам облегчения, попечительство вызвало их недовольство, а труды П.Д. Киселева, его усилия и замыслы пропали даром. Но автор рецензии не подкреплял своих выводов научным анализом, его намерение осмыслить неудачные результаты киселевского управления ограничивалось психологическим объяснением личных недостатков реформатора^{vi}.

Однако народническая критика оказала влияние на ученых-историков. В 1883 г. появилась большая рецензия И.Е. Энгельмана на книгу А.П. Заблоцкого-Десятовского, где отмечались сложность, дороговизна и бюрократизм административной системы П.Д. Киселева. За Киселевым отрицалась самостоятельная политическая инициатива, он был назван человеком исполнительным, а его политика попечительства – уничтожением крестьянской самостоятельности^{vii}.

Обострение аграрного вопроса в конце XIX в. и революция 1905 – 1907 гг. оживили интерес к историческому прошлому российского крестьянства. Представители неонароднического направления в историографии, М.Н. Покровский и Н.А. Рожков, стоявшие на позиции экономического материализма, стремились дать классовую оценку управлению казенной деревней, подчеркивали крепостнические тенденции хозяйственной политики управления. Покровский М.Н. приравнивал взаимоотношения между государством и его крестьянами к частновладельческим отношениям барина и его крепостных. Рожков Н.А. видел в политике П.Д. Киселева преобладание фискальных мотивов и крепостнические традиции. Суждения обоих авторов однобоко оценивали результаты реформы, но это была первая попытка подойти к анализу положения государственных крестьян и киселевской реформе с учетом социально-экономического развития соответствующего периода^{viii}.

Того же направления, хотя и более эклектичны, работы русских историков либеральной школы, специально посвященные государственным крестьянам и реформе П.Д. Киселева. Написанные под влиянием революции 1905 – 1907 гг. и в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права, авторы этих работ использовали материалы Заблоцкого-Десятовского, официальные министерские отчеты и мемуарные источники (М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, С.А. Князьков, Ю.В. Готьё)^{ix}. Эти авторы стремились рассматривать личность и деятельность Киселева в рамках соответствующей исторической эпохи, связывали их с фигурой Николая I и его политикой, с теорией и практикой полицейского государства, с попытками ликвидации крепостного права. Они довольно подробно рассматривали положение государственных крестьян накануне и после реформы Киселева, указывали на ее зависимость от преобразований и на ее связь с реформой 1861 г.

Но историки начала XX в. были ограничены узким кругом опубликованных источников и испытывали на себе влияние предшествующей литературы на эту тему. Они отмечали такие недостатки киселевской реформы, как ее бюрократизм, мелочную регламентацию, отрицание самостоятельности в крестьянском управлении, но в общем разделяли положительные оценки либеральной традиции и идеализировали П.Д. Киселева как политического деятеля.

Последние, заслуживающие внимания, сочинения досоветского периода, касавшиеся государственных крестьян и реформы П.Д. Киселева, появились во время проведения столыпинской реформы. Одна из работ представляет собой исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян С.П. Кавелина. Не являясь научным исследованием, она все же давала сводку накопленного печатного материала и обобщающую положительную оценку киселевской реформе в духе либеральной традиции^x.

Совершенно иную направленность носила работа исследователя-экономиста К.И. Зайцева, посвященная вопросу о самоуправлении государственных крестьян в XVIII и первой половине XIX вв.^{xi} Автор подошел к вопросу с историко-юридической точки зрения, разработал свою тему на основе фондов V Отделения собственной его императорского величества канцелярии и сделал свои выводы в духе народнической позиции о крестьянской общине. Считая, что крестьянское самоуправление имело давние традиции и было вполне жизнеспособно, Зайцев рассматривал законодательство П.Д. Киселева как насильственное вторжение в независимую жизнь крестьянского мира. Киселевская реформа, по его мнению, была продуктом полицейского государства с преувеличенной функцией управления и мелочной, всеобъемлющей опекой над подданными. По оценке К.И. Зайцева, управление государственной деревней, созданное П.Д. Киселевым, было похоже на аракатеевское учреждение, выраженное в сентиментальной форме.

Небогатая литература досоветского периода, посвященная реформе П.Д. Киселева, заключала в себе не очень много исследовательских моментов. О личности и деятельности П.Д. Киселева она рассказывала больше, чем о хозяйственном, правовом и культурном положении государственных крестьян. В суждениях и оценках авторов преобладала субъективно-психологическая точка зрения. Социально-экономические основы реформы освещались мало. Либералы высоко превозносили личность и деятельность П.Д. Киселева, народники решительно и резко их осуждали. По мнению одних, реформа оказала значительное влияние на положение государственной деревни и подготовку актов 1861 г., по мнению других, она осталась бесплодной.

Но складывается впечатление, что дореволюционные исследователи много внимания старались уделить плюсам реформы государственной деревни, а советские – минусам.

В советской историографии изучение хозяйственных процессов заняло одно из центральных мест. Большое внимание уделялось и крестьянству как субъекту исторического процесса, но упор делался на изучение положения крепостных крестьян, а к государственным обращались гораздо реже. Однако в тех немногих работах, которые были посвящены последним, например, в монографии С.В. Токарева о «картофельных бунтах» 1840-х гг., значительное место уделялось анализу социально-экономических процессов в недрах государственной деревни^{xii}. Обнаружилось стремление не только расширить количество привлекаемых источников, но и заново поставить вопрос о казенных крестьянах с точки зрения марксистско-ленинского учения о развитии общества. Особенно много внимания уделялось крестьянским волнениям как показателю развития революционного движения в царской России.

В 1950-е гг. в советской историографии появились работы о социально-экономическом развитии казенной деревни и крестьянском протестном движении в период проведения реформы П.Д. Киселева как показателю развития революционных настроений в царской России. Таковы монографии Я.И. Линкова, Б.Г. Литвака, М.А. Рахматуллина, статьи Н.М. Дружинина и П.Г. Рындзюнского^{xiii}.

Интересен труд И.Д. Ковальченко «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.», посвященный экономическим аспектам жизни российской деревни^{xiv}.

В монографии характеризуется роль этих губерний в общероссийском производстве сельскохозяйственной продукции, оцениваются размеры посевных площадей и урожайности в разные временные периоды. Делается вывод, касающийся и хозяйственного положения казенной деревни, о том, что с 1830-х гг. снижается уровень развития экстенсивного земледелия, но никакой существенной интенсификации земледелия вплоть до 1860-х гг. не происходит.

В статьях М.К. Рожковой, рассказывающих о положении крестьянства и развитии сельского хозяйства в первой половине XIX в., негативно оценивается реализация экономической программы реформы П.Д. Киселева. Реформа, по ее мнению, не только сохранила в неприкосновенности феодальные отношения, но даже усилила эксплуатацию крестьян. Крестьяне оплачивали все расходы по реформирова-

нию казенной деревни и стали объектом неограниченных претензий со стороны многочисленных чиновников^{xv}.

Противоположную точку зрения выдвинул И.А. Булыгин в своей статье к сборнику «Реформы в России XVI – XIX вв.». Преобразования в государственной деревне отнесены им к реформе ограниченного буржуазного типа, хотя не отрицается ее отчасти феодальный характер, что доказывает ее эволюционность, а не радикальность^{xvi}.

Особое место в историографии данной темы занимает фундаментальный труд Н.М. Дружинина – двухтомная монография «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева»^{xvii}. В ней анализируется положение государственных крестьян и казенной деревни перед реформой П.Д. Киселева, огромное внимание уделено оформлению законодательных актов реформы, описано состояние государственных имуществ и изменения, произошедшие в результате реформирования системы управления казенной деревней по всем крупным районам Российской империи. Наибольшее внимание в монографии уделено созданию новой административной системы по управлению государственной деревней и ее деятельности, но мало рассмотрены вопросы социально-экономического развития государственной деревни. Выводы о результатах реформы сделаны по России в целом, а не по регионам. По мнению Н.М. Дружинина, преобразование П.Д. Киселева имело, по преимуществу, административный характер. Выделены несомненные плюсы реформы: наделение крестьян землей, равномерное перераспределение земельного фонда, переселение малоземельных, уравнивание натуральных повинностей, упорядочение системы взимания податей, установление жеребьевой системы набора в армию, организация школ, больниц, благоустройство селений и прочее. По оценке Н.М. Дружинина, негативных моментов было куда больше. К примеру, сохранялась и поддерживалась крестьянская община, чтобы избежать ломки установившихся поземельных отношений, укрепились феодальные нормы в государственной деревне. Реализация реформы, по его мнению, похоронила прогрессивные идеи личных прав крестьян, самостоятельности сельского самоуправления и независимости выборного суда. Огромный аппарат правящего чиновничества был наделен в государственной деревне самыми широкими полномочиями. Расходы на «попечительство» были возложены на саму деревню, и это заранее предопределило узкие рамки агрономических, врачебных, образовательных и прочих начинаний. Поэтому, по мнению Н.М. Дружинина, реформа принесла крестьянству не облегчение от прежних поборов и притеснений, а новые, еще большие бедствия в результате деятельности громоздкой чиновничьей иерархии.

Поскольку Н.М. Дружинин пользовался в основном столичными архивами, то его данные по некоторым вопросам не совпадают с тем, что отражено в документах Тамбовского областного архива. О таких несоответствиях будет рассказано в последующих главах. Анализ состояния дел в государственной деревне в ходе проведения там реформы П.Д. Киселева, проводимый Н.М. Дружининым с точки зрения классового подхода, можно понять, зная время публикации его монографии. В целом же его труд является по сути единственным глубоким исследованием данной темы, учитывая к тому же территориальный и временной охват.

Помимо монографии «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева», Н.М. Дружинин затрагивал тему реформы казенной деревни и в других своих работах. Например, в книге «Социально-экономическая история России», где рассматривались экономические показатели развития государственной деревни и был сделан вывод о том, что к концу 50-х гг. XIX в. положение казенных крестьян было лучше, чем положение помещичьих^{xviii}. Или в статье «Социально-политические взгляды П.Д. Киселева», где анализируются идеологические установки будущего преобразователя государственной деревни, для чего использованы редкие источники из государственных и личных архивов, хранящих рукописи П.Д. Киселева и его современников^{xix}.

Советская историография в изучении темы о реформе государственной деревни поставила новые проблемы: закономерность и обусловленность реформы П.Д. Киселева, ее социально-политические основы, ее влияние на последующее решение крестьянского вопроса. Реформа рассматривалась как акт феодального государства. Применяя марксистско-ленинский исторический метод, исследователи обращали особое внимание на социально-экономические процессы в государственной деревне, степень развития и влияния на нее капиталистических отношений, связь между происходившими хозяйственными изменениями и крестьянским движением как проявление классовой борьбы. Большинство работ были узко ограничены локальными темами, ощущалась неполнота в постановке и решении общих вопросов. Однако изучение опиралось во многом на использование неопубликованного материала, поэтому объективно расширялась для дальнейшего изучения проблематика исследования и в научный оборот включались новые документы.

В современных исторических трудах реформа государственной деревни скорее не изучается, а упоминается. О реформе П.Д. Киселева и состоянии государственной деревни упоминают в своих работах

С.В. Мироненко, В.П. Яковлева, В.И. Буганов, А.Н. Медушевский^{xx}. Из работ, посвященных крестьянству вообще, можно выделить сборники: «Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире», «История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.», «Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв.» и монографию Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». В них подчеркивается, что крестьянство – совершенно особый слой в обществе, с его традиционностью, специфическим самосознанием, мироощущением. Изучаются интересные аспекты, создающие крестьянскую ментальность, и факты, влияющие на образ жизни и образ мыслей крестьян^{xxi}.

В истории крестьянства имеется немало «белых пятен», которые еще предстоит заполнить. Большую роль в этом отношении должно сыграть изучение фондов областных архивов, слабо затронутых рукою историка-исследователя. Государственный архив Тамбовской области хранит ценные, почти неизученные документальные материалы, которые помогают ознакомиться с положением государственной деревни до реформы П.Д. Киселева и в период ее проведения.

Источниковая база настоящего исследования представлена комплексом разнообразных рукописных и печатных документов Государственного архива Тамбовской области, ранее не включенных в научный оборот. Источники различны по характеру (от распоряжений министерства государственных имуществ до жалоб крестьян), содержанию и степени достоверности. Они несут комплексную и разностороннюю информацию, для удобства их можно условно разделить на следующие группы:

1) документы, иллюстрирующие состояние Тамбовской государственной деревни перед реформой: каталоги планов и карт уездов, сведения о численности душ, ведомости доходов с казенных оброчных статей и недоимочные ведомости, документы о крестьянских повинностях;

2) материалы о деятельности административных органов управления казенной деревней: переписка с министерством государственных имуществ (МГИ) и другими ведомствами, распоряжения, инструкции, донесения, списки чиновников, реестры, книги регистрации бумаг Тамбовской палаты государственных имуществ (ТПГИ), ее журналы присутствия;

3) документы о хозяйственном положении тамбовских казенных крестьян в период проведения реформы: сведения об экономическом состоянии государственной деревни губернии, сведения о численности крестьян, об оброчных статьях и торгах по ним, о промышленных заведениях, промыслах, общественных работах, об урожаях, образцовых фермах, садоводстве и огородничестве, об устройстве запасов продовольствия;

4) источники, характеризующие земельные проблемы государственных крестьян: сведения о поземельном владении по уездам в целом и конкретным населенным пунктам – в частности, межевые книги, документы об уравнении земли, размежевании, о действиях губернской посреднической комиссии по полюбовному размежеванию земель, дела о земельных спорах, прошения и жалобы крестьян, переписка ТПГИ с МГИ;

5) документы, содержащие в себе сведения о взаимоотношениях казенных крестьян с другими условиями: дела об отделении и размежевании земель, об общем владении угодьями, о судебных разбирательствах и просьбы крестьян;

6) материалы о бытовой жизни крестьян: книги уездных судов и их протоколы, сведения о сектантах, питейных заведениях, о сельских училищах, народном здравоохранении, сельском благоустройстве;

7) сведения о результатах, достигнутых в ходе проведения в Тамбовской губернии реформы государственной деревни: донесения окружных начальников, предложения губернаторов, материалы к отчетам губернаторов, официальные ежегодные отчеты ТПГИ по разным отделениям (хозяйственному, лесному и прочим).

Степень достоверности некоторых материалов оценить весьма сложно, так как до организации нового управления государственной деревней документация о казенных крестьянах велась небрежно, бессистемно, со множеством пробелов. С конца же 30-х гг. XIX в., следуя логике работы бюрократического аппарата, она более или менее приводится в порядок. Все, что можно было выразить количественно, стало фиксироваться в документах без искажения (численность населения, цены, урожайность, доходы-расходы, сведения по благоустройству, здравоохранению, образованию и прочее). Материалы же, несущие в себе отпечаток субъективности, следует рассматривать более критично (жалобы, просьбы, оценки событий и людей, донесения отдельных должностных лиц и так далее). Но все-таки архивные источники – главный, наиболее разнообразный и достоверный исторический материал.

Не вовлеченные прежде в научный оборот данные, которые были использованы в работе над монографией, помогли осветить положение государственной деревни в период проведения в Тамбовской губернии реформы П.Д. Киселева, отразить и по-новому оценить результаты преобразования системы управле-

ния и проведения «политики попечительства».

Материалы данного исследования дают возможность использовать его при изучении истории Тамбовского края, в осмыслении проблем аграрного развития России, при составлении вузовских спецкурсов по истории сельского хозяйства, крестьянства или реформ.

Часть I

ТАМБОВСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ

Глава 1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНИИ

Тамбовская губерния, входящая в черноземный центр России, – это переходная полоса между промышленным севером и земледельческим югом империи. Саму губернию можно условно разделить на две, почти равные по территории, части: северную, с обширными песками и болотистыми лесами, и южную, более плодородную, с редко встречающимися лесами. Северная часть стала осваиваться русскими с XVI в. как территория оборонительной полосы в степи от татарских владений. Именно здесь появляются в XVI – XVII вв. первые города: Темников, Шацк, Козлов. Южная часть губернии долго не имела постоянного населения, поскольку это была совершенно дикая степь, по которой кочевали калмыки, азовские и крымские татары. К XIX в. население губернии стало многонациональным: русские, мордва, татары и прочие.

К 1830-м гг. Тамбовская губерния – это уже освоенный район. С 1802 г. административные границы губернии не изменялись. Крестьяне составляли почти 92 % от всего населения губернии¹. Процент оттока крестьян из губернии был наименьшим во всей империи: разница оттока и притока, как отмечает известный историк и исследователь статистических сведений В.М. Кабузан, составила 2,58 %; то есть за последние 20 лет до начала киселевской реформы из Тамбовской губернии ушло примерно 20 тыс. душ (по данным 8-й ревизии)². Кроме того, губерния относилась к числу районов с невысоким приростом населения, то есть численность населения здесь оставалась относительно стабильной.

Данные из «Свода сведений о поземельном владении Тамбовской губернии», составленного по результатам ревизии 1836 г., свидетельствуют: всех крестьян губернии было 726 тыс. душ, из них казенных – 353 тыс. душ (49 %) ³. Немного отличаются от этих цифры из монографии В.М. Кабузана: из 704 тыс. душ крестьян губернии государственные составляли около 340 тыс. душ (48 %) ⁴. И первый и второй источники апеллируют к данным 8-й ревизии 1833 г., но В.М. Кабузан использовал сведения, присланные в столицу, а для «Свода сведений...» подбирались данные, зафиксированные в местных статистических документах.

Существуют также разночтения в вопросе о численности всего населения Тамбовской губернии. Исследователь П. Кеппен считал, что к 1838 г. в губернии проживало 1 591 700 человек, из них 779 835 – мужского пола; те же цифры приводит в своей монографии А.Г. Рашин⁵. А в документе под названием «О выставке произведений Тамбовской губернии» отмечается, что к 1838 г. в губернии числилось до 1700 тыс. жителей обоего пола⁶. Крестьянское население в целом в это время составляло от 90 до 94 %.

Тамбовская губерния считалась одной из самых многолюдных. Как писал в XIX в. тамбовский краевед И.И. Дубасов, «Тамбовская равнина-пашня давно славилась на всю Русь обильными урожаями. Это – поистине русская черноземная сила. Оттого-то в Тамбовской губернии в сравнительно короткий период, начиная со второй половины XVI в., образовалось посредством колонизации такое население, которое по его численности относительно пространства губернии принадлежит к самым первым в России»⁷.

Тамбовскую губернию составляли 12 уездов: к северным можно отнести Козловский, Спасский, Темниковский, Моршанский, Шацкий, Лебедянский, Елатомский, к южным – Тамбовский, Борисоглебский, Усманский, Липецкий, Кирсановский. Всего селений в губернии было к 1838 г. 2552, из них казенных – 1121⁸.

К 1838 г., то есть к началу проведения реформы государственной деревни в Тамбовской губернии, ее территория составляла 7 149 631 десятина (дес.) земли, из них:

у помещиков – 2 368 783 дес.;

у государственных крестьян – 1 237 404 дес.;
в общих дачах казенных крестьян с помещиками – 348 453 дес.;
неразмежеванной в общем владении казенных крестьян и помещиков – 1 754 510 дес.;
казенной, отдающейся в оброчное содержание – 1 346 524 дес.⁹
Мужское население губернии к этому времени составляло 776 471 души, из которых:
дворян – 3978 (0,5 %);
священников и церковнослужителей – 4165 (0,5 %);
купцов – 6310 (0,8 %);
мещан, городских ремесленников и рабочих – 30 773 (4 %);
помещичьих крестьян – 372 841 (48 %);
казенных поселян – 353 499 (45,5 %);
всех прочих – 4905 (0,7 %).

Центральное положение Тамбовского края в империи, благоприятные, если сравнивать с более северными губерниями, почвенно-климатические условия, многонаселенность, большая доля государственных крестьян в структуре местного населения, – все это позволило столичным властям избрать Тамбовскую губернию наряду с тремя другими российскими губерниями в качестве первых объектов для проведения реформы государственной деревни.

До реформы 1837 – 1841 гг. нечастновладельческие крестьяне принадлежали к различным категориям, а все вместе назывались казенными поселянами. В их число входили однодворцы (232 320 душ), однодворческие крестьяне (1060 душ), экономические крестьяне (44 357 душ), свободные хлебопашцы (651 душа), ясачные крестьяне (29 467 душ), бывшие удельные, переданные в казенное ведомство (36 000 душ), ямщики (2036 душ) и прочие, проживавшие в Тамбовской губернии к 1838 г.¹⁰

Однодворцы составляли большинство населения государственной деревни в губернии. Их предки были служилыми людьми, составляли стражу в крепостях и по границе на земляных валах для обороны от набегов крымских татар и других неприятелей. В хранившихся у их потомков грамотах, выписках из межевых, писцовых и других книг на поместные земли значилось, что приходиться в южные уезды губернии они начали примерно с 30-х гг. XVII в. (в это время строятся города Козлов и Тамбов). Далее к ним присоединялись служилые люди, прибывавшие из других мест, которые селились на незанятых землях.

По различным способам присвоения земли однодворцы делились на четвертных, полудушевых и душевых. Четвертные владели дачами, то есть данными по дележу или дарованными царем земельными участками, по крепостям, выпискам из писцовых и других книг, купчим, уступкам, по прежнему владению их предков. Полудушевые раньше владели землей по четвертям, наследственно закрепленным за определенными семьями без права продажи, но, находя их количество по своим крепостям недостаточным на число душ, стали делить землю по душам. Душевые имели общинное владение землей, разделяя ее между собой уравнительно от одной ревизии до другой.

Четвертные однодворцы имели крепости, то есть документы на владение иногда вотчинной, а в большинстве случаев поместной землей. Земельные участки чаще всего содержали в себе менее 6 дес. на душу, однодворцы с четвертным правом владения считали этот размер надела недостаточным и начинали в присутственных местах земельные споры с другими казенными поселянами. Душевые и полудушевые однодворцы, против интересов которых действовали четвертные, не желали уступать в личное владение последних общинные земли. Претензии четвертных однодворцев на общинные земли для властей оставались как бы неизвестными, так как возбуждение дел против душевых и полудушевых однодворцев не поощрялось, пока их земли не будут отделены от помещичьих. В 1837 г. к числу известных спорных дел между разными категориями однодворцев относились дела по 16 дачам с 71 822 дес. земли и 6564 дес. леса в Тамбовском, Козловском и Моршанском уездах (в них проживало 10 602 души однодворцев)¹¹.

В Борисоглебском уезде однодворцы владели землей совместно с бывшими удельными крестьянами по трем дачам: 28 518 дес. земли и 2467 дес. леса на 4559 душ¹².

Общие дачи с помещиками были во всех уездах, где проживали однодворцы: 41 437 душ однодворцев владели в 184 общих дачах 18 5146 дес. земли и 32 553 дес. леса¹³.

Существовали общие дачи, в которых землей владели и однодворцы, и помещики, и другие казенные поселяне различных категорий: в 103 таких дачах у 53 195 душ государственных крестьян, 53 195 душ было 285 098 дес. земли и 33 371 дес. леса¹⁴.

Таким образом, земельная собственность однодворцев из-за сложной системы землевладения в большинстве своем находилась в общих дачах, иногда чересполосно с владениями других социальных

групп сельского населения, что давало повод к многочисленным спорам. Олнодворцы, являясь, как и все государственные крестьяне, частью податного сословия, пользовались определенными правами, перешедшими к ним от предков – служилых людей: собственностью на земельные участки, а не правом пользования казенными владениями, и возможностью иметь зависимых людей – олднодворческих крестьян.

Бывшие удельные крестьяне попали в число государственных, когда их в 1836 г. передали в управление казны¹⁵. Они основывали право владения тамбовскими землями, данными крестьянским обществам, на выписках из писцовых, отписных, дозорных и других книг в XVII в.

Первые поселения удельных крестьян появляются в губернии во второй половине XVII в. Часть этих крестьян прежде были крепостными татарами и по указу от 12 июля 1715 г. за то, что их помещики-мусульмане не принимали крещение, передавались в казну с землей с переименованием в дворцовые, потом в удельные. Некоторые же с землей были приобретены у помещиков в течение пяти ревизий до 1837 г. покупкой в уделы.

Этих крестьян, владевших по Тамбовскому, Кирсановскому, Моршанскому, Елатомскому, Темниковскому и Спасскому уездам вместе с помещиками 16-ю общими дачами, было 14 315 душ, пользовавшихся 43 324 дес. земли и 16 143 дес. леса¹⁶. Прямых свидетельств о том, что помещики стремились завладеть их землей, нет, кроме одного случая, когда крестьяне Кирсановского уезда деревни Иры жаловались властям по поводу «похищения» у них помещицей Киреевой мельницы, общего выгона и сенокосного луга.

В Тамбовском, Борисоглебском и Темниковском уездах бывшие удельные с прочими казенными крестьянами, всего 4435 душ, владели 21 619 дес. земли в 17 общих дачах с помещиками, причем, для бывших удельных крестьян во всех общих дачах были выделены участки по числу душ, и лишь немногие из них были чересполосны помещичьим¹⁷.

Таким образом, данная категория казенного крестьянства, образованная как из дворцовых, так и из частновладельческих крестьян, владела землей, лесом посредством общих дач с помещиками и другими казенными крестьянами. Их земельные участки были гораздо меньшими, чем олднодворческие: в среднем 3 дес. на душу против 6-ти.

Татары под именем служилых и пашенных селились в Темниковском и Шацком уездах еще со времен царствования Ивана Грозного, как свидетельствовали о том их жалованные и послужные грамоты, выписки из писцовых, отдельных и прочих книг на поместные и вотчинные земли в XVI – XVII вв. Многие из них несли тогда военную службу, и некоторые за ратные подвиги награждались переводом земли из поместья в вотчину.

Эта категория крестьян сохраняла одни из наиболее древних документов на право владения землями. Предкам мурз, иные из которых были князьями, и простых татар давались земельные участки, на которые они снабжались выписками из книг и грамот, каждой фамилии отдельно. Впоследствии, когда выписки за долгое время хранения утрачивали роль документа или терялись, это рождало множество проблем. Иные доказывали свое дворянское происхождение и право владения землей только по убеждению, что их предкам были дарованы вотчины. Часто татары, живя в одной деревне, не составляли единую общину и спорили о земле, показывая ее принадлежность тому или иному роду. В одном из документов губернской посреднической комиссии по полюбовному размежеванию так рассказано о земельном споре между татарами деревни Енгузаровой Темниковского уезда: они «требуют каждый на свой род оособо землю, представляют крепостные акты, рассуждают о них по собственному своему произволу и с великим между собой спором. Нет возможности склонить их на согласие, убедить в неправильном их суждении»¹⁸.

Земельное владение татар в губернии было более запутанным, чем у олднодворцев, так как большая часть последних владела землями часто уравнительно и по числу душ, чего у первых не было, но каждый двор владел особыми участками чересполосно по четвертям. Кроме того, татары не понимали разницы между вотчинными и поместными землями, не различали общинные и личные участки. Их владение землей было совершенно неуравнительным. Некоторые татары, владея землями в близких и отсутственных (не жили ни в них, ни рядом) дачах, иногда даже землями в других уездах и смежных губерниях, отдавали их внаем и жили только за счет средств, полученных с такого недвижимого капитала. Регистрировалось множество случаев, когда татары северных уездов Тамбовской губернии отдавали землю внаем не только в этой, но и в Рязанской и Пензенской губерниях, не имея по закону права владения таковой землей.

Многие татары лишь назывались крестьянами, так как, кроме своей усадьбы, не имели полевой земли, средства же для проживания находили в занятиях торговлей или нанимаясь на различные работы.

Положение татар осложнялось отрицательным отношением властей к неправославному населению, а большинство их были мусульманами: например в 1682 г. указом у некрестившихся мурз и татар половину их земель отписали в казну. В следующем году размеры их владений были восстановлены, но не их землями, а поместьями из вымороченных, то есть не имевших наследников, земель. С 1756 г. крещеным татарам было запрещено жить в селениях с мечетью и так далее¹⁹.

1833 души татар, проживавших в Шацком, Елатомском, Темниковском и Спасском уездах, находились в чересполосном владении с помещиками в 106 дачах, в собственности первых там состояло 7817 дес. земли и 504 дес. леса. Еще 3087 душ мурз и татар вместе с другими казенными крестьянами владели 14 362 дес. земли и 6172 дес. леса в Тамбовском, Шацком, Елатомском, Темниковском и Спасском уездах в общих с помещиками 43 дачах²⁰. Но точных сведений о размерах участков татар во время ревизии 1836 г. так и не удалось собрать из-за запутанности системы их земельного владения.

Таким образом, мурзы и нетитулованные татары, проживавшие большей частью в северных уездах губернии, владели земельными участками чересполосно с другими казенными крестьянами и помещиками, но особенно от этого не страдали, так как мало занимались хлебопашеством и не имели древних земледельческих традиций.

Экономические крестьяне, долгое время подчиняясь духовным властям, чаще других категорий казенных поселян переходили от одного ведомства к другому: с 1648 г. они были подчинены Монастырскому приказу, с 1677 г. переданы были в ведомство приказа Большого Дворца, с 1701 г. экономические крестьяне вновь передавались Монастырскому приказу, с 1721 г. они были подчинены Духовной коллегии и Святейшему Синоду, а после еще нескольких перемещений они были в 1764 г. отданы в управление коллегии Экономии, с тех пор и назывались экономическими. С ноября 1775 г. «Учреждением о губерниях» экономические крестьяне были зачислены в казенное ведомство²¹. С июня 1811 г. экономические вместе с другими категориями казенного крестьянства поступили в ведомство министерства финансов по департаменту государственных имуществ²².

Такой частый переход из подчинения одному ведомству к другому приводил к тому, что у подавляющего большинства экономических крестьян не было достоверных документов на право пользования землей.

Земли экономических крестьян принадлежали их селениям, исключая те участки, которые были некоторыми из них приобретены у частных владельцев (по праву покупки земель всеми людьми свободного состояния), и те маленькие земельные клочки, которые были куплены у бывшей в 1814 г. в Тамбовской губернии Комиссии по продаже казенных имуществ. Перечисленные два вида участков принадлежали не обществу, а отдельным лицам.

В Тамбовской губернии экономические крестьяне имели совсем небольшие территории общего владения с помещиками и другими казенными крестьянами: 237 душ имели с помещиками в Тамбовском, Елатомском и Темниковском уездах 4 общие дачи, где во владении экономических крестьян находилось 323 дес. земли и 279 дес. леса²³. По совместным дачам с помещиками в Тамбовском уезде экономические крестьяне делили землю по числу душ. В Елатомском и Темниковском уездах они прежде были церковными бобылями, жили при церквях и богадельнях, поэтому потом пользовались землей вместе со священниками и церковнослужителями чересполосно рядом с этими объектами. В Кирсановском уезде экономические крестьяне совместно с однодворцами пользовались землей чересполосно, деля землю по числу душ в одной даче (на 74 души тех и других крестьян приходилось 200 дес. земли)²⁴. Большая часть земель экономических крестьян принадлежала их общинам и не находилась в чересполосице с помещичьей. Так как эти крестьяне имели мало общих владений с помещиками, то они менее других категорий казенных поселян зависели от территориальных претензий помещиков.

Ясачные крестьяне по национальному составу принадлежали к мордве двух племен, проживавших в Спасском, Темниковском, малой частью в Борисоглебском и Кирсановском уездах: мокшанам и арчанам. В прошлом они подчинялись приказу Казанского Дворца. Как и экономические, ясачные крестьяне переходили из управления одного ведомства к другому: приказ Казанского Дворца, дворцовая канцелярия, провинциальные воеводы и казенное ведомство.

В местах проживания ясачных крестьян ощущался недостаток пахотной земли и было изобилие лесов. Поэтому они промышляли охотой и пчеловодством, почти не занимаясь земледелием. Наличие такого материала, как дерево, позволяло изготавливать колеса, сани, телеги и другие вещи. Но к 30-м гг. XIX в., из-за уничтожения части леса крестьянами и помещиками, такие специфические изделия стали мастерить только в нескольких селениях ясачных крестьян. Малоземелье компенсировалось за счет занятий промыслами. При недостатке пахотных площадей с части этих крестьян не брали налог хлебом, введенный указом от 10 мая 1737 г. сверх подушной подати²⁵.

Ясачные крестьяне имели выписки из различных старых книг, подтверждавшие право владения их сельских обществ определенными землями. Однако властям всегда было трудно контактировать с ясачными крестьянами, поскольку последние отличались от русских «особенным неграмотным наречием»²⁶.

Ясачные крестьяне совместно с помещиками владели тремя небольшими дачами в Спасском и Темниковском уездах. Владение со стороны крестьян было общинным и подтверждалось документами, данными лишь целым селениям. Иногда общества ясачных крестьян покупали землю у помещиков. К примеру, они приобрели у помещика Тимашева 265 дес. земли деревни Лепляйки²⁷.

Так как по Межевой инструкции от 25 мая 1766 г. ясачные земли, состоявшие в оброке, подлежало межевать к селениям ясачных крестьян по 8 дес. на душу, то это условие надо было по возможности соблюдать. Поэтому во владение сельских ясачных обществ часто входили непригодные для хлебопашества участки, чтобы хоть номинально и в малых масштабах покрывать малоземелье. Нередко размер земельного надела ясачного крестьянина ограничивался 1,5 дес. земли, не обязательно удобной для земледельческих работ²⁸.

Свободные хлебопашцы прежде были помещичьими крестьянами, освобожденными из крепостной зависимости после указов от 20 и 21 февраля 1803 г., по которым им были предоставлены особые права и обязанности. Они должны были вносить подушную подать в казну, нести рекрутскую и земскую повинности, подпадали под расправу и суд наравне с другими казенными крестьянами, но освобождались от платежа оброчной подати. Земля, на которую выдавались крепости, считалась их недвижимой собственностью.

В Тамбовской губернии свободные хлебопашцы были во всех двенадцати уездах, всего – 651 душа. Из них только в Борисоглебском уезде крестьяне были отпущены помещиком целым обществом, а в остальных случаях бывшие частновладельческие крестьяне были причислены к сословию свободных хлебопашцев отдельными семьями и с приобретенной ими землей.

Как и другие категории казенного крестьянства, свободные хлебопашцы имели общие с помещиками владения, находившиеся в Шацком и Елатомском уездах в двух дачах. Проживавшие там 35 душ свободных хлебопашцев владели 125 дес. земли²⁹. В большинстве уездов эти крестьяне имели земли в дачах совместного владения и с помещиками, и с другими казенными крестьянами, но земельные участки свободных хлебопашцев были очень небольшими. Исключением являлись три совместные дачи, по одной в Шацком, Темниковском и Спасском уездах: на 34 души свободных хлебопашцев приходилось 37 дес. земли и 120 дес. леса³⁰.

Ямщики по своему названию и роду занятий не имели прямого отношения к землевладельцам, но считались частью казенного крестьянства. Они жили главным образом в пригородных слободах Тамбова, Козлова, Борисоглебска, Шацка³¹. К 1838 г. в губернии было зарегистрировано 2038 душ ямщиков, во владении которых находилось в Тамбовском, Козловском, Шацком и Борисоглебском уездах 9100 дес. пахотной земли и 2294 дес. сенокосной (в среднем по 5,6 дес. на душу)³².

От других государственных крестьян ямщики отличались тем, что вместо денежного оброка исполняли натурой почтовую повинность³³. К описываемому периоду времени в их распоряжении было около 200 лошадей, которых они держали в вышеперечисленных городах и на станциях: четырех – в Тамбовском уезде, четырех – в Шацком, трех – в Козловском и одной – в Борисоглебском³⁴. Так как почтовая повинность была для ямщиков основной, то сумма их денежных сборов была меньше, чем с остальных казенных крестьян: в среднем на одну душу ямщика – 12 рублей серебром (руб. сер.), на душу другого казенного крестьянина – 14 руб. сер.³⁵

Итак, состав казенного крестьянства в Тамбовской губернии не был однородным в результате различных обстоятельств возникновения той или иной социальной группы: истории расселения, происхождения, этнической принадлежности и так далее. Официально сословие государственных крестьян было образовано указами 1719 – 1724 гг. Петра I и со временем разрасталось за счет вовлечения в это сословие некоторых прослоек земледельческого населения. Но юридический порядок в основы управления государственными крестьянами был внесен только при Павле I законом от 7 августа 1797 г., который регламентировал жизнь казенной деревни до реформы П.Д. Киселева и являлся определяющим для властей.

Согласно закону 1797 г., устанавливалось разделение поселений государственных крестьян на волости, в которые входило не более 3 тыс. душ. В каждой волости на два года избиралось волостное правление, состоявшее из головы, выборных от селений, входивших в волость, писаря. Каждое селение имело свой сход, в котором участвовали сельский выборный и десятские (по одному на десять дворов). Основной

заботой начальника волостного управления – волостного головы – было взыскивание с крестьян казенных платежей и повинностей. Волостной же голова, кроме фискальной функции, исполнял судебную, верша расправу над провинившимися при нетяжких правонарушениях, а также ведал опекой над нуждающимися в ней. Он должен был давать ежегодный отчет в своих действиях выбравшему его волостному сходу. Однако, как отмечал историк С.А. Князьков, волостной голова был выше схода, и, согласно установленным правилам, крестьяне на сходе вели себя тихо и смиренно, внимали приказаниям начальства и в точности их исполняли под страхом взимания штрафов за неповиновение³⁶. Таким образом, значение схода как органа самоуправления было минимальным, он созывался только для выборов крестьянских должностных лиц, заслушивания отчетов этих лиц, для формальной дачи согласия на продажу зерна из учрежденных волостных хлебных магазинов.

В хозяйственном отношении волости подчинялись губернской Казенной палате и ее чиновникам, ведь именно на ней с 1775 г. находилась обязанность управления казенными имуществами, в число которых включались и государственные крестьяне³⁷. Губернская Казенная палата отвечала за своевременное и полное поступление средств в казну и вела дела по рекрутской повинности, то есть по отношению к крестьянам выступала в роли сборщика податей.

По полицейским делам государственная деревня подчинялась нижнему земскому суду во главе с исправником, который уже только по своей социальной принадлежности являлся антагонистом крестьянам, ведь он избирался местными дворянами из своей среды, а они постоянно вступали с казенными крестьянами в конфликты из-за земли. Нижний земский суд взыскивал с государственных крестьян податные недоимки и наблюдал за исполнением ими натуральных повинностей.

В уездах, как писал С.А. Князьков, не было «никакого особого учреждения или власти, которые бы прямо заведовали делами государственных крестьян»³⁸. В Казенной палате этим занималось лишь одно отделение, а фактически – один советник палаты, в обязанность которого входил контроль за многими другими делами, помимо проблем казенной деревни. Над Казенной палатой стоял департамент государственных имуществ в министерстве финансов, но он должен был заботиться исключительно о поступлении сборов с государственных крестьян. То есть казенная деревня долгое время представлялась властям в образе курицы, несущей золотые яйца, но ничего существенного не делалось, чтобы обеспечить ее безбедное долготлетие. Поэтому государственные крестьяне всецело на местах оказались в руках низших местных властей, прежде всего исправников.

В среде казенных крестьян не было уверенности в своих гражданских правах, которые попирались всеми, в том числе и самим государством, которое могло без согласия по закону лично свободных крестьян перевести их в разряд военных поселенцев или сделать крепостными, передав во владение тому или иному помещику. По мнению С.А. Князькова, крестьянские мирские сходы, избиравшие свое начальство, выбирали низших агентов правительства, «которые являлись более ответственными перед исправниками, чем перед своими избирателями»³⁹. Богатые крестьяне делились с начальством плодами эксплуатации доходных статей общины. Они фактически и решали все дела общины.

Все это подтвердила ревизия 1836 г., проводившаяся в губерниях перед реформой государственной деревни. Как отмечал Ю.В. Готье, ревизия открыла плачевную картину. Во всех губерниях сельское управление было в полном расстройстве, это был хаос, над которым возвышался лишь произвол исправника. Положение государственных крестьян было хуже положения владельческих: так, министерство финансов, интересы которого, узко понимаемые, совпадали с интересами откупщиков, покровительствовало деятельности последних среди государственных крестьян. Что же касается недоимок, то, несмотря на самое жесткое их выколачивание, они не уменьшались⁴⁰.

Действительно, судя по сохранившимся документам Тамбовского архива, Казенная палата крайне мало уделяла внимания именно управлению казенной деревней, а лишь вела учет выплатам крестьянских налогов. Кроме сведений о податях с государственных крестьян, трудно найти в местных материалах что-либо о жизни казенной деревни до реформы П.Д. Киселева, когда органы новой системы управления обязаны были фиксировать все детали событий, происходивших в жизни казенных поселенцев.

В выводах Ю.В. Готье, если применить их к состоянию дел по Тамбовской губернии, есть значительная доля справедливости. Так, накануне реформы государственной деревни питейных заведений в казенных селениях губернии было почти в четыре раза больше, чем в помещичьих⁴¹. Большую часть натуральных повинностей, раскладывавшихся на государственных и частновладельческих крестьян, исполняли первые. А общая сумма недоимок с казенных крестьян губернии к 1837 г. составляла 5 380 575 рублей ассигнациями (руб. асс.) или в перерасчете на серебро – 1 537 307 руб.⁴²

Государственная деревня была обособлена в административном отношении, но экономически связана с господствующей крепостнической системой хозяйствования. Социально-экономическое развитие казенной деревни подчинялось тем же закономерностям, какие наблюдались в помещичьих имениях.

Общими для них были: экстенсивное развитие хозяйства, часто приводившее к конфликтам из-за земли, отсталая система обработки почвы, невысокий уровень развития животноводства. Даже мировосприятие у государственных и помещичьих крестьян во многом было общим. Российские сложные природно-климатические условия имели своим следствием необычайное трудолюбие русских крестьян. Однако, как отмечает современный историк Л.В. Милов, «отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скептицизма к собственным усилиям»⁴³. Чувство обреченности свойственно всем крестьянам.

Однако думается, что безразличное отношение к своему хозяйству и перспективе своей жизни и жизни членов семьи было более характерно для помещичьих крестьян Тамбовской губернии. Ведь государственные имели, в отличие от крепостных, права, законодательно закрепленные за ними: были лично свободными, владели имуществом, могли приобретать землю, то есть казенные крестьяне имели большую хозяйственную самостоятельность, чем частновладельческие.

Но менталитет российского крестьянина, те условия, в которых ему приходилось существовать, техническая отсталость аграрного сектора экономики, правовая незащищенность, – все это резко ограничивало рамки возможного экономического прогресса государственной деревни.

В 1830-е гг., как отмечено в общих описаниях Тамбовской губернии «Сведений о размещении войск в Российской империи», 7/10 земельных пространств – это пашни и луга⁴⁴. Земледелие по всей губернии играло ведущую роль и определяло хозяйственную и бытовую жизнь деревни. Черноземные поля давали хорошие урожаи: в среднем озимой ржи – сам-8, а ярового овса – сам-6⁴⁵. Северные уезды, хотя и менее плодородные, перерезались судоходными реками: Мокшею, Цною, Окою, Воронежем, Вышею, – которые служили транзитными путями из южных степей в центр и более северные районы⁴⁶. Торговые связи Центрального Черноземья с промышленными районами и Северо-Западом России были долговременными и уже традиционными, чего нельзя сказать о связях с Волжским регионом. Это не означало изоляцию региональных рынков друг от друга, а лишь раз доказывало, что к началу промышленного переворота в России главные производители продуктов потребления – крестьяне – слабо втягивались в рыночные отношения. Поэтому, по мнению И.Д. Ковальченко и Л.В. Миловой, торговые связи между различными районами страны не оказывали значительного влияния на рыночную конъюнктуру⁴⁷.

Задерживало экономическое развитие государственной деревни и ее малоземелье. Тамбовская губерния принадлежала к числу малоземельных, увеличение численности деревенского населения, отсутствие прогрессивных методов обработки земли, претензии помещиков на земли государственных крестьян постоянно уменьшали казенный земельный фонд в губернии. Малоземелье казенной деревни отрицательно сказывалось на ведении хозяйства и уровне жизни крестьян. Немало неудобств приносила чересполосица. Внутриобщинная чересполосица предполагала разверстку земли с целью уравнивания членов общины в пользовании землей не только в количественном, но и в качественном отношении, для этого каждый домохозяин получал принадлежащую ему долю не в одном, а во многих местах и мелкими полосами. Этот вид чересполосицы являлся одним из страховочных элементов в ведении крестьянского хозяйства. Однако чересполосные земли казенных крестьян и помещиков не могли принести положительного эффекта ни одной стороне. Раздробленность таких участков, их малые размеры обесценивали их, подавали повод к постоянным земельным спорам.

Таким образом, к концу 1830-х гг. казенные крестьяне составляли почти половину сельского населения Тамбовской губернии. Большинство из них являлись однодворцами и поэтому считали землю, на которой жили и работали, своей собственностью. История заселения губернии в дальнейшем повлияла на развитие конфликтов между различными социальными группами из-за земельных пространств, а также способствовала появлению внутри сословия государственных крестьян разных групп, отличающихся друг от друга по национально-религиозному составу, традициям землевладения, основным видам деятельности и так далее. Для казенных крестьян существовали определенные законом и традициями права и свободы, однако при отсутствии должного управления и угрозе потери всех прав и свобод в условиях крепостнического государства им не гарантировалось стабильное социальное и экономическое положение. Хозяйство государственной деревни, как и хозяйство частновладельческое, развивались в рамках одной экономики, взаимозависели, подчинялись потребностям государства и пока ограниченного в масштабах рынка.

ГЛАВА 2 Состояние землевладения и землепользования казенной деревни

Множество споров внутри сословия казенных крестьян, а также между казенными крестьяна-

ми и помещиками вызывало общее владение, то есть неразделенная собственность нескольких лиц на одну и ту же землю. При генеральном межевании владельцам общих и чересполосных дач было разрешено оставаться в общем владении, если они не придут к согласию по вопросу их раздела. Такое условие как бы устраняло насильственные земельные переделы, чего на самом деле не удалось остановить, но создавало затяжную по времени и малоразрешимую сложную ситуацию. Тамбовскую губернию населяло множество социальных групп, из которых помещики и однодворцы были убеждены в своем праве собственности на землю. Однако государство эту привилегию безоговорочно признавало за первыми, но не за вторыми, рассматривая их земли как казенную собственность, а государственных крестьян в качестве пользователей этой земли.

В Тамбовской губернии неразделенная между помещиками и государственными крестьянами земля находилась в 531 даче общего владения, содержащих в себе 1 754 510 дес. Из них земельных дач – 505, в которых удобной земли (пашни, сенокосных лугов) – 1 426 495 дес., неудобной – 56 752 дес., из этого количества во владении 134 321 душ казенных крестьян находилось 757 390 дес. Кроме того, 271 263 дес. составляли пространство 26 общих и выездных лесов¹. Таким образом, около 2/5 угодий, которыми владели казенные крестьяне, состояли в общих неразделенных дачах с помещиками, примерно 3/8 общего числа казенных поселен совместно с помещиками пользовались земельными и лесными угодьями в рамках таких общих дач.

Выезжими лесами считались дачи, принадлежавшие казне или частным лицам, в которых посторонним было предоставлено право рубить лес для своего употребления, но не на продажу. Общими считались леса, принадлежавшие нескольким владельцам без выделения участков всем владеющим сторонам. Такие леса разделялись между всеми селениями, к которым они были приписаны по писцовым книгам по количеству пашенных земель, используемых жителями этих селений. Леса общего владения помещиков и казенных поселен размежевывались так, чтобы казенные части, по возможности, примыкали к судоходным рекам, чтобы удобнее было сплавливать лес. Преимущественное право на это закон оставлял за государственными крестьянами. А для помещиков устанавливался срок на представление властям документов о владении общим лесом; если срок был пропущен, то частную лесную дачу отбирали в собственность казны, тем самым ставился заслон захватам территорий без законных на то оснований частными лицами².

В Тамбовской губернии большинство лесов были хвойными, лесной материал классифицировался и как строевой, и как дровяной³. Однако к началу киселевской реформы лес, особенно выездный, представлял из себя лишь остаток некогда существовавших лесов. Как писали проверявшие состояние дел в губернии чиновники, всюду была видна жалкая картина его истребления и опустошения. Даже если в лесу произрастал кустарник, то его часто уничтожали вместе с вырубкой леса для заготовки дров или для того, чтобы устроить пастбища для скота. Лесничие обращались с просьбами к властям поспешить выделить в частную собственность лесные участки, чтобы оставшиеся пространства при «бдительном попечении лесного хозяйства» можно было бы или засадить молодыми саженцами, или сохранять здоровые деревья для лучшего употребления, чем вырубка на дрова⁴.

Лес уничтожался не только теми, кто имел право владения им, но и теми, кто такого права не имел. Часто в пригородных слободах и некоторых селениях вместе с казенными крестьянами жили купцы и мещане. Эти люди в большинстве своем не имели никаких документов на земельные участки, которыми они пользовались. Для собственных нужд они рубили лес казенных крестьян, а также пользовались их выгонами на правах обитателей казенных селений.

В северных уездах губернии было много полян, пустошей, диких полей, которые были непригодны для земледелия. Все они были разделены на мелкие дачи, многие из которых имели в себе менее 15 дес.⁵ Чаще всего такие дачи принадлежали татарам, которые владели ими отсутственно, то есть не проживая на этих землях, одни – самостоятельно, а другие, жившие в отдаленных селениях, других уездах или смежных с Тамбовской губерниях, отдавали свои участки внаем. Пустоши и прочие неудобные земли в прежние времена раздавались в поместья и вотчины, поэтому даже ни к чему не пригодные территории могли находиться в общем владении помещиков и государственных крестьян. Иногда из-за этих земель возникали споры, но они не разрешались властями, так как еще Межевая инструкция от 25 мая 1766 г. устанавливала, что если такие земли будут находиться в разном владении, а хозяева не смогут полюбовно их разделить, то и межевать их особо одну часть от другой не надо.

Государственные крестьяне различных категорий владели землей по праву первых поселений на территории Тамбовской губернии, по числу душ, но в большинстве случаев, по крепостным документам на четвертные дачи, по актам купли-продажи от лиц равного им сословия или от частных лиц. Ведь указом от 12 декабря 1801 г. казенным крестьянам, как и купцам, мещанам и вольноотпущенникам, дозво-

лялось приобретать путем покупки землю.

Свое право владения государственные крестьяне основывали иногда на жалованных грамотах, но чаще на выписках из писцовых, межевых и других книг. Очень немногие из этих актов жаловали землю за службу, из поместий в вотчину, и то в северных уездах, большинство же были даны на поместные земли предкам татар и однодворцев при первом заселении свободных земель в качестве награды за службу и вместо денежного жалования. Такие владения были единоличными. Документы выдавались и на приобретение в разное время казенными крестьянами земли у равного им сословия или от помещиков. Подобные акты давали право владения землей лицам одной семьи или нескольким родственникам, редко – крестьянским обществам.

Большинство казенных крестьян свято хранили документы, подтверждавшие их права на те или иные земли. Это были купчие крепости, отказные, раздельные и другие записи, духовные завещания, подтвержденные в гражданских палатах, уездных судах и бывших воеводских канцеляриях, крепостных конторах, Поместном приказе и приказных избах. Лишь с помощью подобных актов государственные крестьяне могли подтвердить свое право владения и пытаться противостоять помещичьему захвату казенных территорий. Однако некоторые документы могли быть подвергнуты властями сомнению в отношении их подлинности, так как часть была написана без соблюдения определенных правилами форм, на «незаконной бумаге», многие из актов присваивали земли в личную собственность по одному убеждению крестьян, что прежде какими-либо земельными участками владели их предки, и так далее. Или, к примеру, некоторые однодворцы покупали землю у своих односельчан, переселявшихся в Оренбургскую и Саратовскую губернии в 1825, 1829, 1832 и других годах. В их купчих было упомянуто, что те земли достались их продавцам от предков, но документов на покупателей нет, а в купчих о них

Начиная с 1831 года Государственного Совета от 29 апреля 1831 г. по вопросу, какие земли переселяющиеся однодворцы могут продавать или передавать в частное владение и кому, определялось, что при совершении таких актов должны быть представлены от продавца законные документы о частной собственности на землю. Если же эти земли являются поместными, и были даны предкам однодворцев до 1724 г. под поселение и за службу, то они должны оставаться в распоряжении общины, которая за переселенцев будет отбывать до определенного времени все лежавшие на них повинности. Единоличные земли переселявшихся однодворцев могли быть переданы в личную собственность остающимся. Но документы, связанные с такими операциями, часто оформлялись или неправильно, или без достаточных сведений, или вообще незаконно.

Казенным крестьянам, жившим близ границы Тамбовской с Рязанской и Пензенской губерниями, иногда принадлежали дачи отсутственного владения, то есть земли, на которых практически не жили, а владели как бы на расстоянии.

Крестьянские земли, как уже отмечалось, часто находились в чересполосном владении с помещиками. Земля как основной источник питания и денежного дохода была объектом непрерывной борьбы между крестьянами и помещиками. Средний размер надела на ревизскую душу в Тамбовской губернии можно уместить в рамки от 3 до 6 десятин. Система крестьянского землевладения комбинировалась: общинная с периодическими переделами и четвертная, основанная на индивидуальном праве собственности.

Приведем данные, которые были собраны при ревизии накануне реформы государственной деревни.

Таблица 1

Распределение казенных земель в Тамбовской губернии⁶

Категории земель	Число ревизских душ-владельцев	Количество дес. всей земли	Количество дес. на душу	Количество дес. удобной земли	Количество дес. на душу
Общинные	в 234 240	1 363	5,81	1 034	4,42

единственном владении		218		061	
Общинные в чересполосном владении	31 602	219 917	6,04	189 363	5,99
Четвертные в единственном владении	25 134	163 881	6,56	133 068	5,71
Четвертные в чересполосном владении	29 058	188 019	6,47	147 093	5,06
Всего	320 034	1 935 035	6,04	1 504 025	4,69

Судя по этим данным, имело перевес уравнительное общинное землевладение: из 320 тыс. отмеченных ревизией владельческих душ около 266 тыс. пользовались землей на общинных началах, в их распоряжении находилось примерно 60 % всей земельной площади.

Государственные крестьяне, которые дробили и теряли землю, страдали от неравномерного обеспечения земель и от растущего малоземелья, переходили от индивидуального владения к общинному. В одних случаях они оставляли в наследственном семейном владении основные угодья, а всю остальную землю соединяли и делили поровну, соответственно количеству душ. В других случаях, они соединяли все свои участки, и пашенные, и сенокосные, и лесные, а затем подвергали их уравнительному переделу. Нередко такая же участь постигала и земельные участки, которые оставались от крестьян, переселявшихся в другие губернии: иногда они передавались родственникам как бы по наследству, иногда, как отмечалось выше, поступали в общественный фонд и равномерно распределялись между остающимися.

От степени обеспечения крестьян земельными наделами зависело их материальное положение, их способность удовлетворять потребностям государственной казны. Из-за чересполосного владения помещики пользовались своими преимуществами и ставили крестьян нередко в зависимое положение. Дела о спорных территориях лежали в судах годами. И часто крестьяне свои претензии на право владения тем или иным участком земли основывали на том, что их предки с давних пор проживали на данной территории и пользовались этой землей, документы же нередко оформлялись неправильно (если вообще таковые были), что давало возможность иногда помещикам отбирать спорные участки в свое владение. Однако, несмотря на многочисленные попытки захвата спорных земель помещиками, Тамбовская губерния меньше других пострадала от подобных действий и сохранила больше казенных земель. Этим и были обусловлены большие, чем в других губерниях, размеры среднего душевого участка.

На некоторые земельные участки казенные крестьяне имели даже планы, сделанные землемерами, а размеры и описания их земель были занесены в межевые книги. Но иногда и наличие документов на право владения государственными крестьянами землей не уберегало их от нападков на их владения помещиков. Сделать это было тем более просто, так как значительная часть казенных крестьянских наделов находилась в совместных дачах с частновладельческими.

Многие помещики имели земли в общем чересполосном владении с казенными крестьянами по разным крепостным актам, купчим, духовным завещаниям, по высочайшим пожалованиям. Жалованные грамоты давались еще предкам этих помещиков: на вотчины и поместья. Некоторые частные владельцы имели документы на свои земли без обозначения границ участков, числа десятин, описаний и планов. Часть же помещиков вообще не имела достоверных документов, подтверждавших их право владения той или иной землей.

Иные помещики вели свою родословную и право на занятые участки от первых поселившихся на территории Тамбовской губернии стольников, воевод, думных дворян, стряпчих и других чиновных людей. Другие помещики стали таковыми по прошествии времени, ведя свой род от поселившихся здесь в далеком прошлом однодворцев и татарских князей, доказавших свое дворянское достоинство и принявших православие. Такие помещики со временем обратили свои поместные земли в вотчинные. Были и такие чиновники и дворяне, которые, приобретая имения или породнившись с тамбовскими помещиками, вошли в состав владельцев чересполосных дач.

Помещики с их крестьянами на территории общих владений жили или в отдельных от казенных крестьян селениях, или в одних с ними. Близкое соседство позволяло помещикам, используя свои привилегии, часто присваивать казенные участки себе в личное пользование. Хотя существовали законы, оберегавшие государственное имущество, а главным образом, землю от захватов частными лицами, но в большинстве случаев благодетельные для государственных крестьян правительственные предписания оставались на бумаге, а обиженные забрасывали уездные суды жалобами на помещиков и просьбами вернуть утраченные земельные участки. Дела лежали в судах годами, просьбы крестьян не удовлетворялись.

Из документов земских и уездных судов и из показаний самих казенных крестьян следует, что многие помещики, состоявшие в общих с ними дачах, завладевали усадебными местами, выгонами, пашенными и сенокосными землями, лесом и другими угодьями государственных крестьян.

Некоторые частные владельцы присваивали себе ковыльные степи и подростный лес и, окопав их кругом своими загонами, владели ими. Другие увеличивали свои усадьбы и огороды своих крепостных крестьян из общего с казенными поселянами выгона или распахивали общественные луга под свои личные участки. Иные в чересполосных дачах присваивали себе лес и пользовались им, не позволяя делать того же государственным крестьянам.

Приговоры и решения земских и уездных судов по жалобам казенных крестьян на помещиков возвращали части обиженных некоторую долю незаконно отчужденных у них земель. Но, возможно, не желая связываться с помещиками по столь хлопотливым делам, местные власти отказывали крестьянам в их просьбах вернуть им земли, аргументируя это несоблюдением крестьянами судебного порядка или пропуском ими сроков для подачи жалоб.

При ревизиях и сверке документов иногда находились такие дачи в единственном владении помещиков, в которых по выпискам из писцовых и других книг часть земли по праву принадлежала государственным крестьянам. Однако их доля много лет назад или недавно насильственно была переведена помещиком в его частное владение. Почти всегда такие мероприятия оставались неизвестными для властей. Помещикам удавалось убедить и самих казенных крестьян в том, что отобранные у них угодья по закону должны принадлежать именно помещикам. И крестьяне соглашались, обращаясь иногда с жалобами в суды только доведенными крайним малоземельем до необходимости просить дополнительные участки земли.

Манифест о генеральном межевании от 19 сентября 1765 г. и другие земельные акты предписывали помещикам самовольно не распространять свои владения на соседние земли государственных крестьян и добровольно возвратить последним захваченные у них угодья. Кроме денежного взыскания с «захватчика», отобранная им земля возвращалась прежним владельцам, а часть его личных угодий изымалась под государственные дачи. Однако ни одного документа о передаче собственно помещичьих земель в казну за незаконное присвоение наделов государственных крестьян до реформы в Тамбовском областном архиве не найдено. Можно предположить, что таковых и не было. Отнятую у казенных крестьян землю иногда им возвращали, но законную земельную собственность помещиков власти предпочитали не трогать.

Некоторые помещики пытались, как бы законно, оформить захват казенной земли, имея на нее купчие документы. Но в таких документах не объяснялось, у кого и кем были куплены наделы, когда совершена операция купли-продажи и так далее. После генерального межевания в губернии выяснилось, что помещикам отмерено менее, а казенным крестьянам более земельных наделов, чем фактически находилось в их владении до этой акции. То есть частные владельцы присваивали себе казенные земли, и если бы не крупномасштабное размежевание, то многие противозаконные операции остались бы неизвестными властям. Большинство помещиков, владея до генерального межевания сверх принадлежащего им количества земли, старались продлить время до начала размежевания своих угодий от казенных, чтобы дольше пользоваться выгодами общего владения.

Итак, помещики никогда не были в проигрыше по земельному спору с государственными крестьянами. Пользуясь запутанностью во владении общих чересполосных дач, они использовали свои преимущества привилегированного сословия. Иногда помещики представляли присвоение себе казенных угодий как покупку, но она часто была весьма сомнительной. В большинстве же случаев это был неприкрытый захват. И жалобы в суды казенных крестьян совсем не всегда приводили к возврату ранее принадлежавших им земельных угодий. Хотя законодательные акты до реформы Киселева старались сохранить государственное имущество и не дать в обиду казенных крестьян, однако предписания часто оставались лишь на бумаге.

Общее чересполосное, следовательно, спорное, земельное владение существовало с давних пор. Правительство заботилось о том, чтобы споры из-за земли не возникали, для этого надо было общие владения по возможности перевести в единственные через раздел на особые участки. Размежевание спорных земель проводилось с давнего времени по актам 1680, 1685, 1731, 1755 г.г. и манифесту о генеральном межевании 1765 г. По всем, кроме последнего, документам спорные земли межевали дворяне. Естественно, что в большинстве случаев они были солидарны с местными помещиками, разделяли угоды в их пользу, скрывали от государственных крестьян некоторые земельные махинации.

До генерального межевания было рекомендовано всем владельцам земель не расширять границ своих угодий за счет соседей, исключая законные приобретения и полюбовные разделы. За лучшее признавалось самим владельцам до вмешательства властей измерить свои земли, а излишние участки поделить с соседями. Если судить по крестьянским жалобам в суды и письмам властям, то можно сделать вывод, что помещики самостоятельно не отдавали им излишки своих земель, а наоборот, присваивали себе казенные земли. Правительство не желало накалять обстановку вокруг земельной проблемы. Поэтому в Межевой инструкции от 25 мая 1766 г. говорилось, что, если владельцы чересполосицы пожелают размежеваться на отдельные участки, то власти должны утвердить подобные полюбовные разводы. Если же спор между владельцами относительно размеров их отдельных наделов никак не мог быть урегулирован, то размежевание не производилось, земля оставалась в общем владении.

Генеральное межевание проводилось на основании Землемеровой инструкции от 13 февраля 1786 г. и межевой инструкции от 25 мая 1766 г. Началось оно в Тамбовской губернии по указу от 29 октября 1781

в 1782 г., а закончилось по указу от 1 апреля 1797 г. в 1798 г.⁷

Подтверждение или опровержение прав владельцев на землю и рассмотрение вопросов об отделении из общего владения в единственное производилось в гражданских судебных местах. Если участвовавшие в разделе земель соглашались с решением судебных органов, то оно приводилось в исполнение уездными землемерами вместе с членами земских судов. Землемеры снимали на план межуемую общую дачу, все владельцы должны были письменно согласиться с ним или выразить свое неудовольствие. Все планы рассматривались Казенной палатой, которая их и утверждала. Таким способом отделялись земли государственных крестьян от помещичьих, и казенные крестьяне от большинства размежеванных совместных дач получили земли больше, чем было в их владении до того. Подобные размежевания выявляли земельные захваты помещиков; если им не удавалось договориться с землемерами и обмануть или подкупить поверенных крестьян, то приходилось уступать часть умышленно или неумышленно присвоенной себе земли казенным крестьянам.

Уездные суды при решении земельных споров между казенными крестьянами или казенными крестьянами и помещиками встречали массу затруднений. Например, часть помещиков приписывали себе владение тем или иным земельным участком, подделывая документы. Иногда в суды поступали документы на право владения одной и той же землей, но от разных лиц. Особенно тяжело было разбираться с многочисленными малыми участками от 5 до 10 дес. Мало кто владел тем количеством десятин, какое было указано в крепостных документах. Иногда имевшие крепости на 20 дес., владели наделом в 100 дес. или наоборот. Как правило, в первой ситуации находились помещики, а во второй – казенные крестьяне.

Приобретали крепости на землю в разное время и, большею частью, очень давно. Во многих документах не были определены места, где именно находился участок земли, переходивший от одного владельца к другому. У местных властей не было возможности все проверить и отличить те крепостные документы, по которым есть владение, от тех, по которым его нет. В некоторых актах о владении вообще не определялось количество десятин и четвертей, и доказать что-либо в судах казенным крестьянам было трудно.

Большинство дел о размежевании общих дач оставались в уездных судах нерешенными, так как земли не были сняты на планы уездными землемерами. Некоторые же решенные властями дела не приводились в исполнение потому, что после утверждения в Казенной палате обозначенных на плане наделов владельцами изъяснялось на них неудовольствие. По другим же совместным дачам, хотя и состоялось размежевание, но планы с обозначением участков не были выданы либо помещикам, либо казенным крестьянам, поэтому после запашки межи и по уничтожении межевых признаков разных владений при новых захватах частных лиц государственных земель нелегко было доказать принадлежность тех или иных участков казне. А казенные крестьяне, реагируя на подобную агрессию помещиков и не имея возможности разрешить полюбовно этот спор, начинали в земских и уездных судах новые тяжбы и следственные дела. Продолжались же они очень долго, иногда несколько лет, приносили массу убытков

истцам и не всегда оканчивались в их пользу.

Составить план дачи, который был подтверждением прав владения и документом о размере этого владения, оказывалось непросто. Тяжело было снять планы чересполосных участков в общих дачах, которых в Тамбовской губернии было большое количество. Иногда на одной десятина встречалось по два, три и более участков, принадлежавших разным владельцам. Такие наделы редко бывали правильной геометрической формы, чаще были искривлены ломаными линиями. А чем больше у дачи разных владельцев, тем было сложнее снять ее план. Кому какой участок принадлежит, должны были указывать сами владельцы, ибо часто встречались случаи, когда казенные крестьяне из-за запутанности документов и захватов помещиков не знали точно, принадлежит ли им тот или иной участок. Кроме того, измерение одной дачи в 4000 дес. продолжалось целое лето, а дач побольше – по 4 года и дольше. Размежевание до некоторой степени вредило государственному и частному имуществу: истреблялись засеянные поля, вытаптывались сенокосы, повреждались леса из-за большого количества народа, собираемого по поводу составления плана. Размежевание для удобства проводилось в летнее время, а привлечение к нему владельцев и свидетелей отрывало их от полевых работ, необходимых летом.

Часть помещиков, думая, что чем больше их владение, тем более они получают при размежевании совместных дач по своим крепостным документам или без оных, старались во время снятия плана чересполосного владения увеличивать собственную земельную долю, присваивая себе чужие участки. А казенные крестьяне, и без того имея уже немало претензий к частным владельцам, спорили и останавливали действия землемера.

По всем этим причинам снятие планов общих дач было делом весьма нелегким и продолжительным.

К размежеванию общих дач в уездные суды и Гражданскую палату иногда предъявлялись крепостные акты по одной и той же даче на неодинаковое количество четвертей и десятин от разных владельцев.

В уездных судах дела по ним рассматривались в меньшем, а в Гражданской палате – в большем количестве.

Разрешить споры в чересполосном владении было очень сложно. Документы на право владения или совсем отсутствовали, или неправильно оформлялись, или отражали недействительное состояние дел. Находившиеся при снятии планов с земли понятия по закону собирались из отдаленных и в настоящем деле не участвующих селений, живших действительно далеко и не имевших сведений, кому какой участок принадлежит в межуемой даче. На любые вопросы землемера и уездных чиновников они отзывались незнанием, как кому разделить советовали наобум. В чересполосных обширных дачах сами жители этих селений часто не знали, кому какой земельный участок принадлежит.

Итак, размежевание помещичьих и казенных земель проходило со многими сложностями. Все прежние законодательные акты, охраняя права государственного крестьянства, не справлялись с проблемами реальной действительности. Сама процедура составления планов совместных дач, подтверждения их заинтересованными владельцами, приглашения посредников в споре и свидетелей была неэффективной. Потому что землемеров, составлявших планы, старались подкупить иногда казенные крестьяне, но гораздо чаще – помещики, потому что земельные споры между владельцами не прекращались годами, а из-за этого план дачи не мог быть утвержден, потому что государственные крестьяне, которые в большинстве случаев не могли разобраться в тонкостях законов, прав, запретов и разрешений, иной раз и не знали точно, могут ли они претендовать на какой-либо участок, перешедший в пользование или собственность помещика, и так далее. Как бы ни хотелось властям снять большой вопрос о земельных спорах между частными владельцами и казенными крестьянами, однако большинство дел о размежевании дач общего владения оставались нерешенными, а полюбовные разделы случались редко.

Земельные споры, иногда тянувшиеся годами, возникали во многом из-за правовой безграмотности, были спровоцированы общим чересполосным владением. Законодательные акты, которые могли в ряде случаев защитить права казенных крестьян, на самом деле мало чем им помогали, а сами крестьяне не требовали защиты у властей, а лишь жаловались.

Множество вопросов, связанных с размежеванием дач общего владения, оставались нерешенными. Поэтому, кроме генерального, было решено провести в губерниях специальное межевание. Если первое определило только окружные границы дач, без выявления одному или нескольким владельцам они принадлежат, то целью второго являлось определение границ отдельных участков, находившихся в окружной меже.

Продажа государственной земли частным лицам прекращалась. Межевой инструкцией от 25 мая

1766 г. С 1806 г. устанавливалось обязательное размежевание земли между государственными селениями и помещиками. А с начала 1836 г. в губерниях были открыты Комитеты по специальному межеванию, работавшие в течение года и представившие свои соображения по поводу специального, то есть внутреннего размежевания⁸.

Тамбовский Комитет по специальному межеванию посчитал, что выписки из писцовых, договорных, отказных и других книг, на которых многие казенные крестьяне основывали свое право владения землей, как доказательство этого права учитывать нельзя. Выписки были названы «хартиями, полусотлевыми от времени, записанными крайне неразборчивым почерком»⁹.

По мнению Комитета, объяснение подлинного их смысла могло быть скорее предметом изыскания ученых архивистов, чем предметом разбирательства обыкновенного судьи. При проверке размеров земельных владений в этих «хартиях» выявлялись большие недоразумения и несообразности. Поэтому по предложению Тамбовского Комитета, при специальном размежевании, то есть внутри общих дач, доказательствами о владении землей должны служить только купчие крепости и другие акты, составленные до начала генерального межевания в губернии, по которым не возникало споров между владельцами. А так как земля в общих дачах была объектом непрерывной борьбы между помещиками и казенными крестьянами, то бесспорных актов о владении землей набиралось немного.

Предки казенных крестьян почти во всех дачах были первыми поселенцами и получали от властей выписки из писцовых и прочих книг на поместные земли. А их наследники, по мнению Тамбовского Комитета, не имели права представлять эти выписки как доказательство владения и требовать на них земли. Они должны были удовлетвориться в случае земельного голода излишками частных владений, на которые были помещиками представлены сомнительные крепостные акты. Однако помещики увеличивали в документах размеры своих владений, поэтому при предъявлении крепостных актов выяснялось, что во владениях помещиков не оставалось излишка.

За неуступленный другим излишек земли предполагалось наказывать. Когда при проверке у кого-либо из владельцев оказывался такой излишек, и тот, у кого он был, не желал уступить его нуждавшимся в земле, то первый штрафовался за каждую лишнюю десятину по 90 руб. ассигнациями в пользу последних и по 10 руб. ассигнациями – в казну, для расходов по специальному межеванию¹⁰. Это был тяжелый штраф, так как в Тамбовской губернии в чересполосных дачах, особенно в южных уездах, цена за десятину земли была много ниже 100 руб. асс. При этом помещики находились в более выгодном положении, чем казенные крестьяне, из-за своего материального положения. Таким способом многие частные владельцы по так называемым неосновательным крепостям могли без особых проблем получить значительные территории в свое владение. А казенные крестьяне, опасаясь денежного взыскания за то, что не предоставили властям ясных доказательств на владение, должны были уступить свои права на земли. Замена необходимого количества земли денежным штрафом в пользу казенных крестьян их не удовлетворяла и они не прекращали в судах спорить о земельных участках, отнятых у них помещиками, и терпели значительные убытки.

Таким образом, предложения Тамбовского Комитета по специальному межеванию не способствовали сохранению государственного имущества в губернии и не соответствовали законам, действовавшим с давних времен, по которым во всех вотчинах, поместьях, владениях, межевых делах и земельных спорах доказательством признавались выписки из писцовых, межевых, дозорных, раздельных и отказных книг, жалованные грамоты. При внутреннем разделе совместных дач (специальном межевании) межевщики должны были руководствоваться предъявленными всеми владельцами документами о праве собственности или пользования землей, даже если со стороны помещиков не будет дано согласие на размежевание¹¹.

В Тамбовской губернии бессистемно осваивавшиеся, хаотично раздававшиеся и перекупавшиеся земли со временем оказались в тесном чересполосном владении помещиков и разных категорий казенных крестьян. При генеральном межевании споры между владельцами земли разрешались на основании выписок из писцовых и прочих древних книг, они принимались за доказательство и при специальном межевании. В результате размежевания помещики должны были получить землю из общих дач по их действительным и бесспорным крепостям; казенные крестьяне – земельные участки по числу душ из общей дачи, становившиеся для крестьян дополнением к их владению, если у помещиков не было на них крепостных актов; остаток общей дачи поступал во владение казенных крестьян при условии, что раньше, до захвата помещиками, дача принадлежала предкам однодворцев, если таковая принадлежность не выявлялась, то остаток дачи считался принадлежащим казне и передавался не в личное владение крестьян, а в хозяйственное распоряжение управления государственными имуществами.

Однако рекомендации по разделу земли в общих дачах часто не использовались при решении спорных вопросов между различными владельцами.

Показателем того, что соседи-владельцы в рамках общих дач не могли окончательно договориться между собой, каким образом разделить землю, является неоднократное продление сроков специального межевания. И Тамбовская посредническая комиссия по полюбовному специальному размежеванию, начавшая свою работу с 23 октября 1839 г., не смогла ее довести до конца даже через тринадцать лет¹². Так, к 1852 г. в губернии еще оставалось неразделенными 215 общих чересполосных дач (583340 дес.), где во владении 39885 душ казенных крестьян должно было находиться 247577 дес.¹³

В общих дачах могли состоять как казенные крестьяне совместно с помещиками, так и казенные крестьяне между собой и помещики между собой. Следующие таблицы иллюстрируют состояние общего земельного владения в губернии накануне реформы П.Д. Киселева.

Таблица 2

**Сведения об общих дачах помещиков и казенных крестьян,
по которым в уездные суды были представлены
крепостные документы¹⁴**

Уезд	Число дач	Земли в них (в дес.)	Помещичьих крестьян (в душах)	Казенных крестьян (в душах)
Тамбовский	42	105 352	4542	9946
Борисоглебский	3	17 052	15	2847
Моршанский	6	48 370	5032	2743
Кирсановский	20	269 117	28 507	7856
Козловский	22	124 642	5812	14846
Темниковский	138	70 020	8442	2983
Усманский	24	142 168	2650	17469
Шацкий	8	8390	1601	111
Спасский	7	9266	459	607
Елатомский	73	71 464	3132	2265
Липецкий	25	120 050	2916	13730
Лебедянский	53	121 773	4618	15221
Итого	421	1 107 664	67726	90674

Таким образом, наибольшее количество общих дач находилось в северных уездах – 307. В южных уездах таковых было гораздо меньше – 114. Север губернии осваивался раньше по времени, здесь было большее количество людей разных сословий, получавших землю, потом перепродававших ее или осваивавших свободные степные пространства. Но, несмотря на меньшее количество общих и чересполосных дач, общее количество десятин в них в южных уездах превышало размер общих дач северных уездов: 653 739 дес. к 453 925 дес. соответственно. На территории южных дач проживало 38 630 помещичьих крестьян и 51 848 казенных крестьян. В северных же дачах: 29 096 частновладельческих крестьян и 38826 государственных крестьян.

В обеих географических зонах на территории общих и чересполосных дач казенных крестьян было больше, чем помещичьих, однако это не означало, что первая категория владела большим количеством земли, чем помещики.

**Сведения о дачах, где помещичья и казенная земля разделена,
но из-за споров осталась общей¹⁵**

Уезд	Число дач	Количество дес. всей земли	Помещичьи крестьяне	Казенные крестьяне
Борисоглебский	4	31 421	1719	1835
Кирсановский	4	38 232	896	4651
Козловский	18	93 685	5678	7777
Усманский	3	27 426	752	3990
Спасский	1	4284	459	1042
Елатомский	1	550	73	29
Лебединский	9	5206	1241	4232
Итого	40	200 804	10 818	23 556

Таким образом, на 1837 г. не во всех уездах Тамбовской губернии общие дачи были разделены. И даже разделенные были таковыми только по названию, так как владельцы не соглашались с результатами размежевания, между помещиками формального межевания не было, и межевых планов они не имели. Дачи были совершенно разного размера, иные в 8 раз были больше других. В 39 дачах из 40 казенные крестьяне составляли большинство населения.

Таблица 4

**Сведения о дачах казенных крестьян общего владения душевых
с четвертными¹⁶**

Уезд	Число дач	Количество дес. земли	Число казенных крестьян
ТАМБОВСКИЙ	3	43550	5476
ЛЕБЕДИНСКИЙ	1	115	—
Итого	4	43665	—

Итак, по данным окладных книг казначейства, лишь в двух уездах не были разделены земли между самими четвертными и душевыми однодворцами. На одну душу казенных крестьян приходилось в этих дачах примерно по 7,95 дес. земли, что было чуть большим, чем в целом по губернии у этой категории населения.

Для сравнения можно привести данные по частным владельцам.

Таблица 3

**Сведения о дачах, где помещичья и казенная земля разделена,
но из-за споров осталась общей¹⁵**

Уезд	Число дач	Количество всей земли, дес.	Помещичьи крестьяне	Казенные крестьяне
Борисоглебский	4	31 421	1719	1835
Кирсановский	4	38 232	896	4651
Козловский	18	93 685	5678	7777
Усманский	3	27 426	752	3990
Спасский	1	4284	459	1042
Елатомский	1	550	73	29
Лебедянский	9	5206	1241	4232
Итого	40	200 804	10 818	23 556

Таким образом, на 1837 г. не во всех уездах Тамбовской губернии общие дачи были разделены. И даже разделенные были таковыми только по названию, так как владельцы не соглашались с результатами размежевания, между помещиками формального межевания не было, и межевых планов они не имели. Дачи были совершенно разного размера, иные в 8 раз были больше других. В 39 дачах из 40 казенные крестьяне составляли большинство населения.

Таблица 4

Сведения о дачах казенных крестьян общего владения душевых с четвертными¹⁶

Уезд	Число дач	Количество земли, дес.	Число казенных крестьян
ТАМБОВСКИЙ	3	43 550	5476
ЛЕБЕДЯНСКИЙ	1	115	—
Итого	4	43 665	—

Итак, по данным окладных книг казначейства, лишь в двух уездах не были разделены земли между самими четвертными и душевыми однодворцами. На одну душу казенных крестьян приходилось в этих дачах примерно по 7,95 дес. земли, что было чуть большим, чем в целом по губернии у этой категории населения.

Для сравнения можно привести данные по частным владельцам.

Таблица 5

СВЕДЕНИЯ О ДАЧАХ ОБЩЕГО И ЧЕРЕСПОЛОСНОГО ВЛАДЕНИЯ среди помещиков¹⁷

Уезд	Число дач	Количество всей земли, дес.	Среднее количество десятин на дачу
------	-----------	-----------------------------	------------------------------------

Борисоглебский	23	81 192	3530
Кирсановский	32	78 283	2446
Козловский	28	38 956	1391
Усманский	30	30 024	1001
Спасский	17	24 256	1442
Елатомский	185	127 509	689
Тамбовский	97	90 805	936
Моршанский	9	62 789	6977
Темниковский	65	42 925	660
Шацкий	80	196 746	2459
Липецкий	4	4648	1162
Лебедянский	12	5407	451
Итого	582	783 540	1929

Таким образом, в отличие от однодворцев, неразделенные помещичьи дачи находились во всех уездах губернии. Дачи были разных размеров: самая маленькая – примерно 660 дес., самая крупная – около 6977 дес.

Среднее количество десятин на одну дачу помещиков – около 1929 дес. Такой средний надел не идет ни в какое сравнение с участками казенных крестьян. И все равно помещики старались присвоить себе, сколько было возможно, из казенного земельного фонда. Опять же, наиболее крупные дачи помещиков находились на севере губернии, в Тамбовском, Елатомском, Шацком уездах. Если судить только по данным окладных книг канцелярии, то окажется, что общих и чересполосных дач больше находилось во владении между помещиками, чем между помещиками и казенными крестьянами. С одной стороны – 582 дачи, с другой – 461 дача. Но дело в том, что сведения были собраны лишь по проверенным крепостям. Большинство же документов о правах на владение той или иной землей были сомнительными из-за их неправильного составления, подделок и так далее. Часть же в общих и чересполосных дачах помещики захватывали у государственных крестьян, не обосновывая эту акцию до крайней необходимости никакими документами. Поэтому все собранные данные – это только доля из всей суммы неразделенных имений и общих владений: сведения на 1 308 468 дес. из 1 754 510 дес. общих и чересполосных дач помещиков и казенных крестьян.

Итак, после указа о специальном межевании, вышедшего в январе 1836 г., в губернии начал свою работу Комитет, в течение года собиравший сведения о неразделенных владениях. После чего он высказал свое мнение о способах размежевания, удобных для населения губернии. Но предложения Тамбовского Комитета по специальному межеванию не охраняли от расхищения частными владельцами государственного имущества, не оберегали права казенных крестьян, а давали возможность помещикам узаконить их территориальные захваты у казны. Срок окончания специального межевания несколько раз продлялся: до 1839 г., 1841 г., 1846 г., 1851 г. Предполагалось, что соседи-владельцы должны договориться, каким образом разделить между собой землю. Однако этого не произошло. Специальное размежевание требовалось и для дач совместного владения казенных крестьян, и для общих дач, принадлежавших только помещикам, но наиболее острой проблемой была проблема размежевания помещичьих и государственных земель.

Глава 3 ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

Размежеванная или размежеванная, спорная или в единственном владении, земля для казенных крестьян была необходимым источником пропитания, доходов и занятости. Но не для всех. Земельные участки не обеспечивали достаточного для неубыточного проживания дохода многим государственным крестьянам. Крестьянское малоземелье и чересполосица не способствовали улучшению экономической обстановки. Снимать в аренду казенные оброчные статьи для увеличения своей земельной площади могли лишь зажиточные крестьяне: для заключения контракта требовалось предваритель-

ное внесение залога. Крестьяне не извещались о времени торгов, об условиях заключения договоров. Торги организовывались подкупленными чиновниками и использовались богатыми крестьянами, которых было мало, и городскими торговцами в своих интересах. По архивным документам видно, что большинство выставлявшихся на торги казенных оброчных статей бралось в аренду не государственными крестьянами, а купцами, реже – мещанами, отставными офицерами, разночинцами. Приведем данные конца 1830-х гг. (это уже время киселевской реформы, но положение не изменилось).

Таблица 6

Сведения о казенных статьях, отдававшихся в оброк в 1839 г.¹

Кому отдается	Количество земли, дес.	Цена (в руб. сер.)	Оброк с этой земли за 1838 г. (в рублях серебром)
Купец	1081	5158	5158
Купец	593	3610	2230
Купец	1664	6801	5805
Купец	794	3 041	3000
Купец	2174	8 289,8	8205
Одюдворец	3	10,8	10,8
Поручик	80	470	470
Мещанин	1101	3200	3200
Купцы	5400	22 110	16 225
Купец	6717	28 610	23 505
Обыватель села	8	22,5	22,5
Обыватель села	0,93	2,5	2,5
Обыватель села	0,27	2	2

Таким образом, можно заметить, что даже те крестьяне, которые арендовали казенные оброчные статьи, ограничивались участками с крайне небольшим количеством десятин. Кроме того, на их землях арендная цена была равна оброку за прошлый год, так что прибыль, если и была, то минимальная. Купцы же брали в аренду значительно большие земельные площади. И хотя цена на них была несколько выше, чем оброк прошлого года, но и доход с большого количества десятин мог быть совсем неплохим.

Некоторые государственные крестьяне выходили из положения, нанимая землю по частям, выплачивали тем, кто отдавал ее в аренду, сумму, иногда превышавшую ее реальную арендную цену в несколько раз. Купцы же получали значительную прибыль, переарендовывая свои участки.

Но и аренда была недостаточной: малоимущим крестьянам приходилось искать новые доходы. Прожить одним хлебопашеством на маленьких наделах не могли даже самые южные уезды губернии. Наименьшие средства, получаемые от земледелия, имели крестьяне северных, менее плодородных уездов, поэтому многие нуждались в подсобном заработке.

В Тамбовском, Шацком, Козловском, Борисоглебском уездах занимались вольной ямской гоньбой. Чистый доход крестьянина с парой лошадей составлял около 60 руб. в год². Выясняется, что при среднем земельном наделе чуть более 5 дес. крестьянин должен был заниматься ямским промыслом, значит, доход с земли был недостаточным для нормального проживания его семьи.

Часть тамбовских крестьян нанималась на прогон гуртов скота, получая за это от 60 до 100 руб. в год³.

В Шацком уезде крестьяне по казенным ценам нанимались на работу в ведомство путей сообщения⁴.

Почти везде были распространены извозы, которыми можно было заниматься, не отрываясь от хле-

бопашества. Дальние извозы, в Москву или Астрахань, были доступны не всем, так как требовали предварительной затраты денег и риска длинной дороги. Такие поездки могли осилить лишь многолошадные крестьяне с достаточными средствами. Поездка в Москву занимала до 10 дней, часть заработанных средств приходилось тратить по дороге. Поэтому, чтобы доход был хорошим, необходимо было вести много продуктов или товаров. Извоз в Москву давал доход до 1 руб. с каждого привезенного пуда⁵. Поездка в Астрахань была выгоднее в денежном отношении, но путь туда представлял и больше риска.

Еще одной формой приработка было обслуживание судоходства, как местного, так и дальнего: в губернии много рек бассейна Оки и Дона. Реки судоходны в весеннее время. По Мокше сплав судов шел 390 верст из Пензенской губернии до устья за 8 дней. Река Воронеж была судоходна от села Воскресенское Липецкого уезда до города Воронеж 100 верст, сплав – 15 – 20 дней. По Цне суда проходили от Моршанска до устья 175 верст: сплав весеннего каравана – 4 недели, взводка осеннего – 25 дней⁶. Моршанскую пристань называли «богатейшей и важнейшей в России»⁷.

Наиболее выгодной была работа бурлаков на Цне, здесь раньше открывалась навигация, и был короче путь на перевалочные склады в Рыбинске. Чистый доход от такого предприятия составлял по 20 – 25 руб.⁸ Многие, покончив со сплавом, уходили в степи наниматься на полевые работы.

Самой доходной была работа лоцманов, участвовавших в сплаве барок: с каждой барки получали от 250 до 300 руб.⁹ Но подобный заработок был доступен очень немногим, так как квалифицированных лоцманов много и не требовалось.

Государственные крестьяне лесного Елатомского уезда все летнее время строили речные барки. Хороший работник мог здесь получить за свое изделие до 150 руб.¹⁰

Наиболее же распространенной формой заработка был массовый отход казенных крестьян на летние полевые работы, и чаще всего в донские степи. Такое явление стало возможным из-за малоземелья, когда крестьяне за один сезон успевали поработать и на своих наделах, и уйти в другие регионы на заработки. За лето в донских степях крестьянин мог получить до 100 руб. на пахотной земле, а за покос – до 60 руб.¹¹

Крестьяне, никуда из своих селений не ходившие на заработки и жившие там безотлучно, сочетали работу на земле с занятиями местными мелкими промыслами. В лесистых районах Спасского и Темниковского уездов крестьяне выделывали мочала и рогожи, драли лыки, изготовляли решета, колеса, телеги, дровни, лопаты, гнали смолу и деготь, добывали уголь, золу. Тамбовские государственные крестьяне производили сукно простое, полотно, деревенскую посуду, занимались пчеловодством¹². Большею частью занимались этим самостоятельно, в рамках своей семьи, продавая изделия на ярмарках и базарах. Такой кустарный промысел приносил, хоть и небольшой, но доход.

Крестьяне же, имевшие очень мало земли, или разорившиеся, нередко сдавали в аренду свои наделы и, ликвидируя личное хозяйство, выселялись в степи. Летом такие люди нанимались в батраки к помещикам и к более зажиточным крестьянам. За свои труды батраки получали немного: за лето по 100 – 160 руб. на семейство¹³.

Однако количество неоседлых семей, переселявшихся с места на место, батрачивших или занимавшихся нищенством, в Тамбовской губернии было относительно невелико – около 1,4 % деревенского населения¹⁴. Это объясняется чуть большим, чем в других губерниях, размером земельного крестьянского надела и относительным плодородием почв.

В промышленном производстве было занято очень немного казенных крестьян. Твердые традиции крестьянского уклада жизни, ограничение свободы передвижения способствовали тому, что крестьянин пытался подрабатывать не где-нибудь на заводе или фабрике, а занятием кустарным промыслом. Да и промышленных предприятий в Тамбовской губернии было мало.

Промышленный переворот, начавшийся в 30 – 40-х гг. XIX в., повлиял и на хозяйственную жизнь государственной деревни. Новое мануфактурное производство брало свое начало в старых крестьянских промыслах, таких, как сапожное, войлочное, кожевенное и других. Для изготовления подобных товаров были необходимы некоторые предварительные расходы и наемный труд. В таких производствах организаторами выступали зажиточные крестьяне, бравшие работников или раздававшие исходный материал мелким производителям. Часть государственных крестьян становилась скупщиками или хозяевами, которые расширяли свою деятельность за счет наемной рабочей силы.

Особенно большой спрос был на наемных работников для кирпичных, чугуно-плавильных, железоделательных заводов, для крупорушек и суконной фабрики Лиона. Крестьяне поступали рабочими на эти предприятия и получали большею частью сдельную плату. К примеру, на крупяных машинах Мор-

шанского уезда за месяц можно было заработать мастеру – до 50 руб., подмастерью – до 25 руб., рабочему – до 12,5 руб.¹⁵ Однако, как отмечается в «Сведениях о размещении войск в Тамбовской губернии на 1838 г.» при описании губернии, «мануфактурная промышленность находится в посредственном состоянии»¹⁶. Поэтому возможностей подработать на производстве у государственных крестьян было мало.

Существовали и такие районы, в которых крестьяне вообще не занимались хлебопашеством и целиком посвящали свое время работам на промышленном производстве. К числу таковых можно отнести Градскую волость Козловского уезда. Она имела в составе своего населения мастеров совершенно различных специальностей: кузнецов, каменщиков, кирпичников, печников, столяров, колесников, сапожников.

Доходы от промыслов и работы на промышленных производствах играли важную роль в бюджете государственных крестьян. Занятие земледелием приносило в среднем до 15 руб. с каждой десятины земли¹⁷. Несложно подсчитать, что при обычном размере надела на одну мужскую душу в 5 дес. прибыль с участка одного крестьянина составляла около 75 руб. Дополнительный заработок был всегда не лишним, а в некоторых случаях просто необходимым: ревизоры, иногда проверявшие состояние дел в подведомственных казне землях, отмечали, что положение малоземельных крестьян настолько стеснено, что их средства недостаточны для уплаты податей, часть государственных крестьян нищенствовала, а некоторых заставляли за этим занятием даже в столичных городах. Иногда же дополнительный заработок приносил больший доход, чем занятия хлебопашеством.

Развитие промышленности вело и к социальным изменениям: появилась часть крестьян, продававших свою рабочую силу, и тех, кто мог их нанять – зажиточных крестьян. К числу последних можно отнести обладателей мелких мастерских, скупщиков, подрядчиков, организаторов дальних извозов, держателей постоянных дворов, съемщиков наделов, торговцев хлебом и скотом.

Экономические сдвиги обостряли соперничество за землю. Помимо посягательств помещиков на захват казенной земли существовало противостояние в самой государственной деревне среди различных крестьянских прослоек: нарастала борьба за общинные угодья. Стремление зажиточных крестьян установить личную собственность на пашни и сенокосы сталкивалось с желанием обедневших слоев вернуть наследственные земельные участки в состав общинного фонда. Под влиянием малоземелья крестьянская масса беднела. Часть из них уходила на промышленное производство. Промышленность отделилась от земледелия. С одной стороны, расширялось и укреплялось товарное производство, росла торговля, развивался внутренний рынок. С другой стороны, происходило расслоение казенного крестьянства, обострялась борьба за землю, развивалось товарное земледелие, росла местная переработка сельскохозяйственного сырья.

Итак, основным источником доходов, продуктов, средств на уплату платежей для большинства государственных крестьян был земельный надел. Как уже отмечалось, их земля находилась в общинном и четвертном владении. По четвертному за семьей казенного крестьянина закреплялось определенное число четвертей земли без права продажи. Общинное землевладение предполагало принадлежность определенного участка крестьянской общине. Эта община владела оброчными статьями: неподеленными пашнями, сенокосами, рыбными ловлями, мельницами, пристанями, перевозами и так далее. Они сдавались в аренду на основании приговоров сельского общества, а заключенные контракты должны были утверждаться Казенной палатой. Однако, оброчные статьи часто сдавались без письменных договоров, по устному согласованию с арендатором, без извещения губернской администрации. Съемщиками обычно становились городские купцы, соседние помещики или зажиточные однодворцы. Арендные цены были невысокими, а срок аренды продолжительным, так что сдававшие земельные участки большой выгоды от этого не получали. Масса же крестьян не в состоянии была арендовать большие по площади казенные арендные статьи.

Но не всегда одно хлебопашество приносило доходы, достаточные для безбедного проживания и уплаты налогов. Большой части казенного крестьянства приходилось искать дополнительные заработки. Это могли быть: кустарный промысел, работа на промышленном предприятии, уход на полевые и сенокосные работы в другие регионы и прочее. Изменения в экономике страны, произошедшие в период промышленного переворота, коснулись и государственных крестьян: увеличивалась доля уходящих работать на промышленные предприятия, все чаще проявлялось социальное расслоение, обострялась борьба за землю не только в спорах с помещиками, но и внутри крестьянской среды.

Размеры и способы взимания повинностей с государственных крестьян безусловно влияли на их хозяйственное положение. Налоги были самыми разнообразными.

На основании Положения 1833 г. сборы с государственных крестьян делились на четыре вида: по-

душную и оброчную подати, сборы на земскую повинность и на мирские расходы.

Собственно казенные подати государственных крестьян состояли из подушного сбора и оброка. Первую они выплачивали как подданные государства, вторую – как мелкие производители.

Введение в России подушной подати было связано с необходимостью содержать регулярную армию. Этот налог состоял из главной, или первоначальной, подати и из накладных сборов: на устройство путей сообщения, на содержание присутственных мест и так далее. Казенные крестьяне Тамбовской губернии по первой платили по 3 рубля ассигнациями (руб. асс.) на душу, а по последним: на устройство сухопутных дорог – по 25 копеек ассигнациям (коп. асс.), на водные сообщения – по 5 коп. асс., на рекрутские пайки – примерно по 13 коп. асс., несколько копеек на содержание присутственных мест¹⁸.

С 1840 г. налоги начислялись по курсу серебра (1 руб. сер. был равен 3,5 руб. асс.).

Подушная подать начислялась на все сельское общество государственных крестьян. Круговая порука должна была гарантировать отдачу казне всех денежных сумм.

Вторым видом денежного налога, который уплачивали государственные крестьяне, была оброчная подать. В «Сборнике постановлений по управлению государственных имуществ» сказано, что все крестьяне казенного ведомства не только должны платить подушную подать, но и оброчную с состоящих в их владении казенных земель.

Размер оброка определялся независимо от количества и качества тех земельных угодий, которыми пользовались плательщики. Правительство не скрывало, что этот оброк введен на государственных крестьян потому, что все другие группы крестьянства платят, кроме государственных налогов, и ренту своим владельцам, то есть государство выступало как собственник по отношению к казенным крестьянам так же, как помещики по отношению к крепостным крестьянам, используя свое право собственности на землю и крестьянскую потребность в ней. В связи с этим открывалась возможность периодически повышать размер оброка.

Все губернии были подразделены на четыре класса в зависимости от качества земли, размеров крестьянского земельного надела и развития промыслов. Тамбовская губерния относилась к I, наивысшему, классу. Из-за плодородных почв и чуть большего земельного надела государственные крестьяне выплачивали казне и больший оброк – 10 руб. асс. с души¹⁹.

Оброк платили за 354 784 душ казенных поселян и 2038 ямщиков, числившихся в губернии к 1 мая 1838 г., а 633 вольных хлебопашца губернии от этой подати были освобождены, так как владели самым минимальным количеством земли: на 563 души из 5 уездов приходилось 506 дес.²⁰

В связи с непрерывным ростом государственных расходов фискальные требования правительства постоянно возрастали, а оброчная подать через определенные промежутки времени неоднократно увеличивалась.

Третьим видом денежных сборов были земские повинности. Земские денежные сборы составляли резерв для покрытия государственных расходов и служили дополнением к подушной подати. При необходимости они также могли возрастать. Земский сбор содержал в себе собственно земскую повинность (для Елатомского, Спасского, Борисоглебского, Темниковского уездов – 12 коп. асс., для Усманского, Лебедянского, Шацкого, Липецкого – 14 коп. асс., для Тамбовского, Козловского, Кирсановского, Моршанского – 16 коп. асс.), суммы на содержание волостных правлений – 14,5 коп. асс., на содержание земской полиции – 21 коп. асс. с души²¹.

Мирские сборы были четвертым видом денежных повинностей. Они взимались с каждой ревизской души, плохо регистрировались по документам и служили способом для обогащения чиновников, писарей, сборщиков податей.

В состав мирского сбора входили вспомогательный сельский капитал – 21 коп. асс., сбор на народное продовольствие – 10 коп. асс.²² Этот вид податей вообще плохо регистрировался до реформы и служил способом обогащения для различных чиновников.

Таким образом, в Тамбовской губернии к 1838 г. с каждой мужской души взималось в среднем по 14 руб. 21,5 коп. асс.: казенные поселяне – 14,18 – 14,22 руб. асс., вольные хлебопашцы – 3,52 – 3,56 руб. асс., ямщики – 9,73 – 14,49 руб. асс.²³ Следует отметить, что доход государственного крестьянина с каждой десятины земли, на которой он работал, составлял примерно 15 руб. асс., а средний размер крестьянского надела по губернии – 5 дес. Около 75 руб. асс. – это крестьянский доход только от занятий земледелием. Если крестьянин работал на промышленном предприятии, то его годовой доход мог колебаться от 150 до 600 руб. асс. Если же он занимался промыслами, то его годовая прибыль могла быть от 60 до 200 руб. асс. Однако в Тамбовской губернии хлебопашество было самым распространенным занятием казенных крестьян. Имея исходные данные, легко подсчитать, что денежные повинности составляли примерно 19 % их годового дохода.

Большинство крестьян не стремились к получению высоких доходов, это было традиционно. В отличие от фермерского хозяйства западного типа, целью существования которого является получение прибыли, занятие крестьянским хозяйством в России – это средство к жизни и образ жизни без стремления к большим деньгам. В психологии российского крестьянина всегда существовала формула, согласно которой достатка должно быть столько, чтобы хватило свести концы с концами, то есть заплатить налоги и жить с минимальными потребностями.

Один из современных исследователей крестьянского образа жизни и менталитета О.Ю. Яхшиян рассуждает об этом так: в сознании русского крестьянина с давних пор сформировалось «устойчивое представление о двухуровневом предназначении крестьянской собственности – семейно-потребительском и тягловом. Тягловое признавалось необходимым и достаточным, семейно-потребительское – только необходимым»²⁴. Эти факторы являются в определенной степени показателем достаточно однообразного, лишённого излишеств, в широком смысле аскетичного образа жизни российского крестьянства. И недоимки росли не потому, что налоги были велики (ведь 19 % крестьянских отчислений в XIX в. полезно сравнить с примерно 40 % отчислений от дохода государственных служащих в современных российских условиях), а потому, что большинство крестьян не стремились значительно увеличить свой доход.

Государственные крестьяне исполняли и специальные повинности. Чаще всего это были денежные штрафы за самовольные порубки леса, за лесные пожары, за пропущенные (прописные) при ревизии души, за вовремя не представленных рекрутов. Такие налоги взимались с целых волостей и селений.

По подводной повинности крестьяне поставляли подводы для проезжавших чиновников, военных команд, казенных грузов и так далее. К примеру, в августе 1838 г., когда проведение реформы государственной деревни в Тамбовской губернии только началось, по ее территории проезжал министр государственных имуществ П.Д. Киселев; казенные крестьяне тех пунктов, через которые проходил путь министра, обязаны были предоставлять подводы для него и его канцелярии. Этот путь проходил через 12 населенных пунктов, от станции к станции сменялось 14 лошадей²⁵.

Далее, казенные крестьяне должны были предоставлять проводников из своего числа для препровождаемых рекрутов, для прогоняемых арестантов и так далее. Подводная и проводниковая повинности касались и помещичьих крестьян, но помещики, откупаясь от этого, перекладывали все на государственных крестьян.

Дорожная повинность обязывала строить и ремонтировать дороги. Делать это часто приходилось в летнее время, когда рабочая сила нужна была на полях. Надо было не только строить и обновлять дороги, но и возводить перила, ставить столбы с указанием верст. Некоторые села откупались взятками, их работа падала в двойном размере на другие селения. Кроме того, с каждой ревизской души взимался денежный налог на общее устройство путей сообщения, что отмечалось выше.

К специальным повинностям относились постоянная с обязанностью предоставлять жилье военным и стойковая с выделением стойщиков в местные административные учреждения, где они должны были стоять на дежурстве, ожидая поручений по развозке официальных бумаг.

Кроме того, государственные крестьяне обязаны были предоставлять по необходимости понятых при осмотрах, обысках и арестах.

Одной из самых обременительных для крестьян была рекрутская повинность. Она отрывала рабочие руки от хозяйства и самым отрицательным образом сказывалась на положении этого хозяйства. Оно, лишённое работника-мужчины, иногда превращалось в недоимочное или совершенно разорялось, а солдатские жены и дети влачили жалкое существование.

Часто с крестьян взыскивали налоги выше установленного оклада, недоимки преувеличивались, местным начальством изобретались новые сборы. При общей запутанности и бесконтрольности крестьяне не знали с уверенностью, сколько должны они платить годовых податей, сколько за ними числится недоимок и так далее.

Сбор повинностей сопровождался неравномерностью, неточностью в учете сельских органов, хищениями местного управленческого аппарата. Поэтому произвольные переборы при взимании налогов были орудием систематического грабежа казенного крестьянства, что несло убытки самой казне и тяжело переносилось населением, зависимым от государства.

Государственные крестьяне зачастую не могли сразу выплатить казне все причитающиеся с них долги. Поэтому недоимки постоянно росли. Кроме того, уездные казначейства доставляли в Тамбовскую палату государственных имуществ, а до нее другим контролирующим губернским органам, неудовлетворительные сведения о недоимках. От волостных правлений часто не было никаких данных на

этот счет. Счетоводство по документам находилось в беспорядке, а, к примеру, в Шацком уезде недоимочные ведомости вообще не велись до конца 1837 г. В ряде уездов волостных голов и писарей не было, а исполнявшие их обязанности ни о чем понятия не имели.

Мало-Проломское волостное правление Шацкого уезда подало отзыв, что оно никаких сведений о недоимках доставить в Тамбов не может, так как «бывший в 1835 г. волостной голова Храмцов не дает дел и их держит запертыми», после он был найден и с членами земского суда отправлен в волостное правление, где под надзором сдавал дела и все документы²⁶. Такой случай не был единичным. Видимо, местным чиновникам было выгодно скрывать размеры недоимок казенной деревни.

Недоимочность оказывала некоторое влияние на процесс обеднения казенных крестьян. Повинности, тяжелые сами по себе, вследствие различных злоупотреблений властей и неуравнительности с частновладельческим крестьянским населением, негативно сказывались на уровне развития экономики казенной деревни. Долги казенных крестьян накапливались многие десятилетия, средств же для полного и скорого их погашения у населения не было.

Платежи с государственных крестьян изымались неравномерно, их суммы плохо учитывались сельскими органами управления и сопровождалась произвольными переборами. Должностные лица часто взыскивали с крестьян налоги выше установленного оклада, изобретались новые сборы, недоимочные суммы сознательно преувеличивались. Земские натуральные повинности ложились главным образом на государственную деревню. Мирские сборы становились орудием грабежа крестьянской массы со стороны сельских должностных лиц.

Итак, не имея в большинстве своем обеспечивающего стабильное существование земельного надела, обложенные многочисленными повинностями, подчиненные своекорыстной власти должностных лиц разных уровней на местах, государственные крестьяне были лишены правовой поддержки, не находили для себя моральной опоры. И местные чиновники, и соседи помещики, и откупщики превращали их в жертву бесконечных поборов и вымогательств. Губернский же орган, на котором лежало хозяйственное управление государственной деревней, – Казенная палата – отличалась зачастую небрежным отношением к делу и обилием злоупотреблений.

Казенное крестьянство в целом беднело. И основным источником такой ситуации было несоответствие между относительно небольшим земельным наделом, в Тамбовской губернии его средний размер был близок 5 дес. на душу, и большими денежными платежами. А обеднение казенного крестьянства грозило громадными неплатежами в государственную казну и обеднением, в конечном итоге, самого государства.

Там, где в силу местных условий начиналось развитие промыслов или действовали промышленные предприятия, или росла торговля, крестьяне получали источник дополнительного дохода, их положение этим облегчалось, недоимок становилось меньше. Но там, где господствовало натуральное хозяйство, а крестьяне извлекали свои доходы исключительно от земледелия, их положение было особенно трудным.

Государство, если оно хотело сохранить материальные источники своей финансовой, политической силы, должно было расширить площадь крестьянского землепользования или дать возможность развивать его интенсивно, что было несвойственно для традиционного ведения хозяйства, облегчить тяжесть повинностей, ликвидировать практику административного грабежа, юридически защитить казенное крестьянство, экономически и культурно поднять государственную деревню. Иначе, оставляя нетронутой старую систему хозяйствования и управления, вернее – его отсутствия, оно пришлось бы к упадку крестьянского хозяйства, заморозке его развития, то есть стало бы уничтожать один из важнейших устоев своей мощи. Казенные крестьяне являлись значительной частью подданных государства и нуждались в его защите и покровительстве.

Часть II

Глава 1 В ПРЕДДВЕРИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Один из зарубежных историков, Т. Рэйнджер, писал, что крестьяне как исторический субъект являются и следствием, и причиной исторических перемен¹. Крестьянство – это саморазвивающийся слой, общество «в себе», обладающее высокой степенью экономической самообеспеченности, живущее по особым традициям достаточно замкнутой структуры. Эта структура могла бы начать разрушаться, а крестьяне превращаться в фермеров, как на Западе, если бы Россия вышла из рамок натурального и перешла к хозяйству денежному тогда, когда это сделала Европа. Такой экономический переход Россия осуществила только в первой половине XIX в. Потенциальная возможность экономической самостоятельности крестьянства всегда вызывала необходимость прямого политического контроля со стороны властей. Так как активно воздействовать на условия существования крепостных крестьян со стороны государства пока было невозможно, то в отношении казенных крестьян эта попытка могла быть безуспешной.

Чтобы сохранять стабильность, государство должно отвечать на кризисы, угрожающие экономическому развитию или социальному порядку. Поэтому оно периодически выступает с прокрестьянскими инициативами. Реформа П.Д. Киселева – тому свидетельство.

Неправомерно обозначать действие реформы государственной деревни 1837 – 41 гг. – в этот промежуток времени вышли в свет главные законодательные акты реформы, сама же она, однажды начавшись, не закончилась, так как принадлежала к тому типу прогрессивных дел, которые, раз осуществившись в жизни, коренному повороту назад не подлежат.

С конца XVIII в. в правительственных кругах появляются проекты, отражавшие стремление государственной власти превратить казенных крестьян в сословие «свободных сельских обывателей», наделенных юридическими, имущественными и личными правами. Все эти права не были четко определены законами, самобытность сословия государственных крестьян юридически не была утверждена.

Предпосылки, которые лежали в основе почти всех проектов по оптимизации управления казенной деревней, заключались в том, что земля должна была оставаться собственностью государства, а крестьянин мог выступать только ее съемщиком. Дворянство должно было сохранить свое преобладающее влияние во всей системе управления. Предполагалось ликвидировать злоупотребления местных властей, прекратить захваты казенных земель помещиками, но оставить в неприкосновенности право дворян на получение земельных пожалований. Этими проектами предусматривалось расширить правоспособность казенных крестьян. Однако остались в силе многочисленные ограничения, которые выражались в мелочной опеке крестьян со стороны правительства.

Первый раз, в виде опыта, улучшить систему управления государственной деревней решено было в двух губерниях: Санкт-Петербургской и Псковской². «Положением 24 июня 1826 г.», содержащим в себе предложения министра финансов Е.Ф. Канкрин, по примеру удельного ведомства для руководства казенными крестьянами были учреждены окружные управления, где увеличилось число чиновников, последовали распоряжения об «общественных запашках» и новом порядке взимания податей, для контроля над казенными крестьянами в их селения предусматривался ввод войск. Эти меры не улучшили положения крестьян, но вызвали неприязнь дворянской администрации. Вопрос о государственных крестьянах остался тогда неразрешенным.

Неудачной оказалась и попытка А.Д. Балашева, с 1819 по 1828 гг. занимавшего пост генерал-губернатора Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний, юридически защитить казенных крестьян и улучшить управление государственной деревней. Он утверждал, что главное неудобство – это то, что казенные крестьяне не имеют над собой начальства и не имеют себе защитника. В своей деятельности Балашев руководствовался проектом Д.А. Гурьева, министра финансов при Александре I: данная разработка реформы государственной деревни 1824 г. предусматривала переход казенных крестьян от общинной формы землепользования к потомственно-семейной. Однако доносы на Балашева в 1826 г., связанные с делом декабристов, закончили его реформаторскую деятельность.

Социально-политическая обстановка начала 30-х гг. XIX в. заставила правительство Николая I вновь приступить к изменениям в системе управления государственной деревней. Европейские события 1830 – 31 гг., повсеместные неурожаи в России, холерная эпидемия и связанные с ее последствиями крестьянские волнения, рост малоземелья и недоимочности казенной деревни, – все это вызвало необходимость подготовки плана выхода из кризиса в духе прошлых преобразовательных проектов и новых

идей по переустройству управления государственными имуществами и руководства казенными крестьянами.

В марте 1835 г. начал свою работу «Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян различных званий», который и вернулся к вопросу о государственных крестьянах. Председательствовал в нем граф И.В. Васильчиков, а членами Комитета являлись М.М. Сперанский, Д.В. Дашков, граф Е.Ф. Канкрин и П.Д. Киселев³.

Деятельность этого Секретного Комитета, по сравнению с предшествовавшими, была наиболее значительной. В Комитете 1835 г. вновь поднимался вопрос о взаимосвязи положения крепостных и казенных крестьян и о том, что решение крестьянского вопроса необходимо начать с последних. Конечная цель преобразования, удовлетворявшая государственную потребность в политическом спокойствии и экономическом процветании страны, мыслилась членам этого Комитета как «замена крепостного права свободными договорными отношениями и на государственных, и на помещичьих землях»⁴. Казна и помещики должны были остаться единственными владельцами земли, а крестьяне – лишь ее арендаторами. Вместе с тем, возникала необходимость в уравнивании положения частновладельческих крестьян с государственными путем введения инвентарей в помещичьих имениях, точно определяющих повинности и размеры наделов крепостных крестьян. Ввиду того, что вопрос о повинностях выдвигался на одно из первых мест, необходимо было иметь ясную картину специфики развития различных районов государства, что и предусматривалось программой сбора сведений по губерниям. Далее должно было последовать введение одинаковой величины барщины и оброка как для казенных, так и для помещичьих имений.

Все нововведения Комитет рекомендовал осуществлять постепенно, чтобы крестьяне, уже вышедшие из повиновения, не сочли их за проявление слабости правительства. Таким образом, замысел реформы был подготовлен. Однако с переходом к выработке практических мероприятий по осуществлению реформы между его членами возникли разногласия. Они касались характера будущего управления казенными крестьянами, определения количества губерний, отводимых для первоначального опыта, и того, возлагать ли работу на старые либо новые учреждения. Поэтому дальнейшие заседания не принесли положительных результатов.

Своим личным вмешательством Николай I решил вывести работу Комитета из тупика. Именно тогда, в феврале 1836 г., император предложил П.Д. Киселеву возглавить проведение реформы государственной деревни, рассматривая ее как первоначальное звено в решении крестьянского вопроса в целом.

«Начальнику штаба по крестьянской части», как называл Николай I Киселева, предлагалось советоваться по всем вопросам будущего преобразования с М.М. Сперанским. Киселев П.Д., к тому времени уже крупный государственный деятель, выступал противником крепостного права, но он понимал и то, что полное и немедленное уничтожение крепостной зависимости в ближайшее время не могло произойти, поэтому государство должно было взять на себя инициативу в вопросе реформирования отношений между собственниками земли и ее пользователями. Государство для казенных крестьян выступало таким же хозяином-феодалом, каким для крепостных крестьян был помещик. Но если помещик был относительно свободен в своих действиях по отношению к своим крестьянам, то государство должно было регулировать свои взаимоотношения с подвластным ему сословием не только в силу сложившихся традиций, но и опираясь на закон. Следовательно, сначала необходимо было ввести в «законные рамки» отношения в сфере управления государственными крестьянами.

Итак, Киселеву и Сперанскому было поручено составить общие замечания о реформе государственной деревни, которые подлежали обсуждению и окончательной редакции в Комитете. В течение трех месяцев, начиная с февраля 1836 г., происходили совещания Киселева со Сперанским и Васильчиковым. А в апреле Николаю I был представлен доклад Комитета, выражавший мысли Сперанского о возможности приступить к реализации реформы и образованию особого временного отделения при императорской канцелярии для текущей работы.

29 апреля 1836 г. было опубликовано два указа относительно учреждения V Отделения собственной его императорского величества канцелярии и о передаче в его ведение всех дел, относящихся к управлению казенными крестьянами и имуществами Петербургской губернии, выбранной для первоначального эксперимента. Сам П.Д. Киселев записал по этому поводу следующее: «Государь предлагает новое устройство казенных крестьян принять под личное свое заведование. Для производства дел учреждается временное отделение собственной его императорского величества канцелярии. Отделение это с начальником его подчиняется члену Государственного совета генерал-адъютанту Киселеву, который руководствуется личными по сему предмету наставлениями его императорского величества»⁵. Обо всех важных делах, поступавших в V Отделение, мог докладывать Николаю I только Киселев, ему же поруча-

лось составить проект преобразования управления казенными крестьянами для представления в Комитет⁶.

Киселев исходил из основных целей будущей реформы, принятых Комитетом: развить экономический потенциал государственной деревни, поднять ее упавшую платежеспособность, превратить ее в показательный пример для помещиков. С одной стороны, по мысли Киселева, государство должно было сблизить между собой различные прослойки казенного крестьянства и усилить хозяйственную и административную роль казны как вотчинника-землевладельца, с другой стороны, подтянуть частновладельческую деревню к экономическому и правовому положению реформированной государственной деревни.

Николай I поддержал основные идеи проекта реформирования казенной деревни, и в мае 1836 г. появилось обращение императора к государственным крестьянам. В нем отмечалось, что государь император изъявил высочайшую волю для улучшения быта преобразовать управление казенными крестьянами. Ближайшей конкретной целью V Отделения объявлялось стремление справедливым и рациональным распределением податей устранить и отвратить и в дальнейшем предотвратить накопление недоимок государственной деревни.

Итак, главными задачами реформы государственной деревни объявлялись укрепление гражданских прав казенных крестьян и государственное попечительство об их благосостоянии, с одной стороны, и улучшение экономического состояния государственной деревни как основы материального благополучия страны – с другой стороны.

Пройдет еще около двух лет до общей реорганизации управления государственными крестьянами. А пока необходимо было собрать по стране множество сведений, касавшихся всех сторон жизни казенной деревни. Летом 1836 г. ревизия государственных деревень была начата в Тамбовской, Московской, Курской и Псковской губерниях. Несколько раньше ревизоры стали собирать сведения по Петербургской губернии. Полученные данные должны были ответить на вопросы: в каком положении находится управление казенными крестьянами, в чем причины их хорошего или плохого быта, каков размер крестьянских угодий, как распределяются между общинниками и отдельными хозяевами земельные наделы, каковы степень развития и доходности промыслов, размеры податей и повинностей, качество и способы обработки земли, есть ли больницы, хлебные запасы и так далее.

В первой главе уже приводились данные, собранные по Тамбовской губернии. В статистическом отношении материалы ревизии 1836 – 40-х гг. небезупречны. Наиболее близкими к истине следует считать финансовые данные: сведения о налогах, недоимках. Относительно точны и данные о количестве населения (ведь перепись не проводилась каждый год). Современные разработчики новых методов статистического учета И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунская, анализируя множество исторических источников, пришли к выводу, что в документах по истории крестьянского хозяйства наименьшие расхождения были допущены в цифрах о численности населения⁷. Почти невозможно было учесть все, что касалось хозяйственной жизни казенной деревни, пока с 1840 г. не началось ежегодное описание того, какие изменения произошли в ней за определенный промежуток времени. Наибольшие неточности могли быть допущены при сборе материалов о размерах крестьянских земельных наделов, так как специальное межевание в губернии еще не было закончено, а постоянные споры из-за земли между казенными крестьянами и помещиками или между самими государственными крестьянами не давали возможности точно определить, каковы истинные размеры принадлежащих казне угодий.

Тамбовская Казенная палата не могла представить ревизорам требуемых сведений, а ведь на ней лежало хозяйственное управление государственной деревней губернии; большинство предъявленных данных были устаревшими, противоречивыми и неполными. Вся документация велась небрежно, а иногда просто безграмотно. Не исключено, что местные чиновники должны были скрывать правду, дабы не допустить разоблачений в собственной некомпетентности, волоките, злоупотреблениях.

Сами государственные крестьяне не ожидали ничего хорошего от ревизии, считая, что после нее размер налогов увеличится, а земельный надел может быть уменьшен. Поэтому и местные власти, и подчиненные им казенные крестьяне утаивали информацию о состоянии дел в управлении государственными имуществами или искажали ее.

Но положительные стороны ревизии, как отмечал академик Н.М. Дружинин, в значительной мере умеряют ее недостатки. Инструкции и наставления ревизорам о необходимости собрать как можно больше сведений обо всем, что касалось государственной деревни, давали возможность достаточно полно раскрыть ход дел, относящихся к состоянию казенных имуществ, управлению ими и подведомственными казне крестьянами. Этому в некоторой степени способ-

ствовало и то обстоятельство, что ревизоры при сборе данных могли проявлять свою инициативу. Они широко использовали метод личных опросов крестьян, принимали во внимание их коллективные заявления. Непосредственный опрос «сельских обывателей» позволял вносить коррективы в официальные сведения. Кроме того, определенный подбор ревизующих чиновников обеспечил им независимость в их работе. Как подчеркивал Н.М. Дружинин, ревизия 1836 – 40-х гг. по своей организации и итогам выполнения превосходила с качественной стороны все предшествовавшие ей подобные акции⁸.

В Тамбовской губернии, как и в остальных районах империи, ревизия открыла, что в пользовании государственных крестьян находились недостаточные земельные наделы, что казенный земельный фонд неравномерно разделен между уездами, волостями, селениями, отдельными хозяевами, что со стороны помещиков систематически осуществляются захваты угодий, принадлежащих казне, что местное управление государственной деревней во главе с Казенной палатой недостаточно хорошо отлажено, чиновники плохо справляются со своими обязанностями, не охраняя ни интересов казны, ни прав государственных крестьян.

Ревизия обнаружила, что орган крестьянского самоуправления являлся чистой формальностью. Мирские выборы проходили в обстановке полного беспорядка, голоса продавались и покупались за деньги и вино, уездные чиновники, представители земской полиции и состоятельные люди превращали сельскую общину в источник собственных корыстных интересов. Мирскую сходку созывали в случаях крайней необходимости, а решения, принимаемые на ней, подготавливались заранее. Ее участников «задабривали» вином и водкой, поэтому мирской сход превращался в сборище пьяных внутри питейного дома и около него. Выборные сельские органы не обеспечивали даже формального порядка. Поэтому, как отмечал Н.М. Дружинин, именно на мирском сходе закладывались основы того произвола и грабительства, которым подвергались государственные крестьяне и со стороны полицейских органов, и со стороны местных чиновников, и со стороны деревенских богатеев⁹.

На самом деле самоуправляющегося мира государственной деревни и не было, казенные крестьяне находились не под государственным, а под личным контролем местных властей, винных откупщиков и зажиточных арендаторов крестьянских земельных оброчных статей.

Центрами деревенской жизни традиционно оставались церковь и кабак. Сельский священник далеко не всегда мог удовлетворить духовные нужды крестьян. Он, иногда единственный грамотный человек в селе, использовал свои знания, зарабатывая на составлении жалоб, прошений, писем крестьянам. Часто формальное отношение к своим обязанностям приводило к упадку авторитета сельских священников. Крестьяне все чаще уходили в религиозное сектантство. «Религиозным ересям» были подвержены как отдельные крестьяне, так и целые семейства и даже деревни. Тамбовские сектанты чаще всего становились приверженцами духоборчества или молоканства¹⁰.

В питейном заведении не нужно было придерживаться строгих правил и соблюдать религиозные установления, на многое накладывавшие ограничения. Кабак был местом свободного общения, выхода настоящих эмоций, отдыха от тяжелого труда. У кабаков или в них происходили самые важные и наиболее яркие события жизни крестьянской общины: раздольные веселья, крестьянские сходки, мирские суды, коммерческие сделки, семейно-бытовые конфликты. Винные откупщики в государственных крестьянах находили главных потребителей своего производства. Не каждый помещик был безразличен к тому, насколько подвержены алкоголизму его собственные крестьяне, а о государственных можно было не особенно заботиться. Поэтому количество спиртных напитков, потребляемых казенными крестьянами, превышало количество этого традиционно любимого продукта употребления, поглощаемого помещичьими крестьянами (при почти равном соотношении по числу населения между этими двумя категориями сельчан).

По подсчетам Н.М. Дружинина, накануне реформы в Тамбовской губернии одно питейное заведение приходилось на 3745 человек в частновладельческих деревнях и на 1023 человек в казенных селениях¹¹.

В Тамбовском архиве сохранились данные о предприятиях по производству спиртных напитков по пяти из двенадцати уездов. Зная, сколько на этих территориях проживало государственных и помещичьих крестьян, сколько винокурен и пивоваренных заводов там находилось, произведя некоторые расчеты, можно составить следующую таблицу с данными на 1838 г.

Таблица 7

**Соотношение государственных и помещичьих крестьян
в потенциальном потреблении вино-водочной продукции¹²**

Уезд	Количество винокурен	Среднее число душ казенных крестьян на одну винокурню	Среднее число душ помещичьих крестьян на одну винокурню
Тамбовский	5	8956	9511
Темниковский	5	3326	4625
Липецкий	1	28 436	13 335
Шацкий	1	7617	46 248
Кирсановский	1	21 971	56 104

Следует отметить, что статистические сведения, доставленные в 1838 г. в канцелярию губернатора, нельзя назвать точными. Многие частные винокурни не фиксировались в документах, а крестьяне, крепостные и государственные, рассматривались производителями спиртных напитков в качестве главного потребителя помещичьего вина. По материалам, на основе которых была подготовлена эта таблица, выясняется, что потенциальных потребителей вино-водочной продукции среди частновладельческих крестьян было больше, чем среди государственных. Но это не так. Поэтому данные Н.М. Дружинина, который в своей работе использовал материалы столичных архивов, следует считать близкими к реальности.

Казенные крестьяне расходовали значительную часть своих денежных средств не только в питейных заведениях, но и для взяток должностным лицам, следившим за управлением государственной деревней. Притеснения крестьяне испытывали от вымогательств и произвола чинов земской полиции. Как представители власти они могли за любой проступок крестьянина подвергнуть его наказанию или же не делать этого. Долгое пребывание на одном месте должностного лица порождает эффект кормления, поэтому систематические сборы с крестьян денег и продуктов были естественными.

Лесничие и землемеры досаждали казенным крестьянам не меньше, чем земская полиция. От лесничих и их помощников зависело наделение крестьян лесом, разрешение рубить его и привлечение к ответственности за самовольные порубки. За сохранением лесных массивов чиновники почти не следили. Наблюдение за лесами было небрежное, оно не обеспечивало целостности этой части государственных имуществ.

А точного представления о размерах и границах казенных лесных угодий, о количестве и качестве как вырубленных, так и сохранившихся пространств, ни у лесничих, ни у губернской Казенной палаты, ни у самих государственных крестьян не было. В 1837 г. один из добросовестных чиновников, титулярный советник И. Соколов в «Общих соображениях о Тамбовской губернии», описывавших состояние, в котором находилась государственная деревня и казенные имущества губернии на момент ревизии, писал, что лесные богатства казны расхищаются с ужасающей скоростью, что местными властями ничего не предпринимается для сохранения и умножения лесов¹³.

Большой вес при межеваниях земельных пространств, при возникновении по этому поводу споров между крестьянами или между казенными поселянами и помещиками имели землемеры. Они могли и решить земельный спор, и определить границы наделов, и составить документ о владении или пользовании землей. От землемеров зависело реализовать либо свести на нет решение судебных органов. При размежевании они могли одним владельцам нарезать больше земли, другим – меньше. За счет подкупов помещики иногда получали в свою собственность землю из фонда государства. Деятельность многих землемеров не способствовала сохранению государственных имуществ.

Знаменитый мемуарист А.Т. Болотов, который владел имением в Тамбовской губернии и сам был управляющим казенными имениями в Тульской губернии в последней трети XVIII в., весьма красноречиво описывал, как происходили разделы земли и какую роль при этом играли межевщики. Покупая землю в Тамбовской губернии, Болотов в межевой канцелярии «назвал ее дикою и в дачах небывалою, почему она мне и продана». Когда выяснилось, что эта земля была государственной, новый тамбовский помещик решил об ошибке своей молчать, «владеть землею по-прежнему и распахать ее уже смелее»¹⁴. Межевщики, по наблюдению Болотова, были корыстолюбивыми, бесчестными и негодными людьми, все межующиеся старались им угодить и прислуживать. При постоянных спорах помещиков с

государственными крестьянами последних легко можно было обмануть и спутать, ссылаясь на писцовые книги, в которых было много разночтений из-за давности их составления. Однако, если казенные крестьяне имели средства для подкупа, то межевщик невольно становился их покровителем на фоне самоуправства помещиков, когда земельные границы никому толком не были известны. «Межевщик для корысти променивал своего брата дворянина на мужика», – писал Болотов и делился с читателями его «Записок», как удержать за собой излишнюю землю при межевании, если ею владеешь незаконно¹⁵. Хотя все, что описывал автор мемуаров, относилось к концу XVIII в., но за 40 – 50 лет в вопросах о межевании земли и состоянии государственных имуществ, а также в отношении властей к собственности казны мало что изменилось.

Крестьянская община государственной деревни владела оброчными статьями: пашнями, сенокосами, мельницами и так далее. Эти мирские оброчные статьи часто сдавались на различные сроки арендаторам. Договор об аренде необходимо было по закону составлять в письменном виде и утверждать в Казенной палате. Но заключение контрактов между сельскими выборными органами и арендаторами часто оставалось тайной для губернской администрации, так как соглашения были устными, деньги же взыскивались с богатых съемщиков за весь срок вперед без ведома мирской сходки и безотчетно расходовались, иначе говоря, присваивались себе сельскими головами, старостами, писцами. Намного лучше обстояло дело и с раздачей в аренду казенных оброчных статей. Большинство крестьян не изъявляли желания взять в содержание казенные оброчные статьи, довольствуясь тем, что у них было. Ведь при традиционной агрономии хорошую прибыль могло принести использование плодородного и большого по площади надела земли или крупной мельницы, но не у всех крестьян были для этого немалые денежные средства. Поэтому большинство арендаторов – это дворяне и купцы. Им охотнее отдавали в аренду казенные оброчные статьи (часто на длительный срок), так как они могли предложить тем, кто распоряжался торгами, некоторую сумму сверх цены за пользование статьёй, ведь залогом за аренду оброчных статей, предлагаемым поверенными от казенных крестьян было часто только «мирское доверие»¹⁶. Государственные крестьяне из-за отсутствия средств не могли себе позволить снимать в аренду казенные оброчные статьи с прибылью для себя и для государственной казны. Иллюстрацией к этому утверждению может послужить один пример: из 44 казенных статей, отданных в аренду в 1838 г., 37 получили помещики, купцы и мещане, а 7 – государственные крестьяне, из 7-ми мельниц лишь 2 достались казенным крестьянам¹⁷.

Есть интересные данные о том, сколько платили в губернии по документам за аренду мельниц казенные крестьяне, помещики и купцы. Например, на срок с 1824 по 1836 гг. брались в аренду мельницы: две за 680 руб. асс. – экономическим крестьянином и три за 600 руб. асс. – купцом. Или: с 1832 г. на 12 лет помещица снимает три мельницы за 75 руб. асс. всей арендной платы, а ясачный крестьянин арендует лишь на срок с 1836 по 1839 гг. две мельницы за 115 руб. асс.¹⁸ Это могли быть разные по качеству и количеству производимой продукции мельницы, но не исключено, что не вся сумма, собранная с более богатых арендаторов, была зафиксирована в официальных документах.

Все выше описанное и было тем негативным, что выявила ревизия. Государственные крестьяне не находили в лице местных чиновников ни юридической помощи, ни моральной опоры. Представители властных структур, часть сельских священников, откупщики превращали казенных поселенцев в источник дополнительных доходов для себя из-за поборов и вымогательств. Чиновники Тамбовской Казенной палаты небрежно относились к своим обязанностям, делопроизводство отличалось крайней запутанностью, многие статистические данные о состоянии казенной деревни были составлены только с началом ревизии.

Ревизоры не находили в государственных селах ни школ, ни больниц, ни богаделен. В некоторых уездах Тамбовской губернии никаких лечебных учреждений не было даже в 1839 г., а именно – в Темниковском, Козловском, Шацком, Липецком. Богаделен в губернии почти не было, инвалиды и престарелые находились на попечении собственных родственников¹⁹. Нередким в этих местах эпидемиям почти ничто не противостояло. А меры, принимаемые властями для локализации очагов болезней, приводили к возмущениям в крестьянской среде и недовольству среди мещан в городах, так как из-за карантинов и воинских оцеплений невозможно было реализовать на рынках собственную продукцию. Последние крупные беспорядки в губернии были спровоцированы мерами против эпидемии холеры 1830 г.²⁰

Ревизоры отмечали, что государственные крестьяне почти поголовно оставались неграмотными, при составлении прошений, жалоб, при совершении торговых сделок, договоров об аренде им была необходима посторонняя помощь. Казенные крестьяне фактически не имели правового статуса. Они не знали точных размеров своих податей и повинностей, их права ущемляла местная администрация, кре-

стьянское самоуправление контролировалось немногочисленными деревенскими богатеями, представителями земской полиции, землемерами, владельцами питейных заведений и уездными чиновниками, на земельные наделы государственных крестьян систематически покушались помещики. В казенной деревне царил нравственный упадок.

Материалы начатой ревизии и личные впечатления П.Д. Киселева от его поездки по нескольким губерниям, в том числе и по Тамбовской в августе 1838 г., еще более убедили реформаторов и императора в необходимости скорейших изменений в системе управления казенной деревней.

Вернувшись в столицу, Киселев сообщил Николаю I о результатах своей поездки. «По личному внимательному наблюдению моему, – писал Киселев, – безнравственность установленных властей и самих крестьян достигла высшей степени и требует усиленных мер для искоренения злоупотреблений, которые расстроили хозяйственный быт крестьян в самом основании, породили в них нерасположение к труду, и без того мало вознаграждаемому, и тем остановили, а в некоторых случаях уничтожили надлежащее развитие государственного богатства. Огромные недоимки, накопившиеся после всемилостивейшего манифеста 1826 г., служат тому доказательством, а запутанность сих недоимок и особенно меры, употребляемые к сбору оных, часто с людей и селений, не подлежащих взысканию, производят в оных равнодушие, а в других беззаботливость к исправному выполнению повинностей и, угрожая конечным разорением крестьян, могут поселить в них чувства, доселе добродушному народу русскому не свойственные»²¹.

Киселев дал отрицательную характеристику состояния народного образования и отметил нежелание духовенства обучать грамоте крестьянских детей. А причину увеличения количества раскольников он видел в стремлении крестьян к круговой защите, а не в убеждении их в догматических началах. Он утверждал, что вообще крестьяне покорны, в особенности те, основным занятием которых является земледелие.

К более независимой и самостоятельной категории крестьян Киселев относил тех, кто имел небольшие промышленные заведения, зажиточных однодворцев и старообрядцев. Невежество крестьян и злоупотребления низовых звеньев администрации он считал основными причинами прогрессирующего обеднения казенной деревни. Поэтому в создании именно добросовестной администрации Киселев видел залог успеха, а разрешение аграрного вопроса, изменение податной системы и прочее он считал естественным следствием этой меры²². Киселев не снимал со счета и экономического положения государственной деревни, обращаясь для этого к существующему законодательству, материалам ревизии и прежним проектам по крестьянскому вопросу.

Личные впечатления Киселева от его поездки по России были лишь иллюстрацией к поступившим в столицу сведениям из губерний, в которых проходила ревизия. Министр государственных имуществ не мог отлучаться от текущих дел его ведомства надолго, поэтому поездка была кратковременной. На посещение Тамбовской губернии Киселев истратил два дня. Предварительно в Петербург были доставлены сведения обо всех «селениях государственных крестьян, которые лежат на почтовой дороге; не отдаваясь в сторону», по маршруту следования министра: в каком отношении селения заслуживают внимания и чем они замечательны. 20 августа министр с канцелярией и сопровождавшими его лицами (всего для них было выделено 17 лошадей) от села Пересыпкино на границе с Пензенской губернией проехали через станции: Гавриловка, Кирсанов, Калаис, Хмелинка, Рождественское, Дмитровское, Рассказово, Малая Талинка до Тамбова. В губернском городе с докладом к Киселеву явился управлявший Тамбовской палатой государственных имуществ Ельчанинов «для объяснений предметов, относящихся до государственных имуществ и крестьян губернии»²³.

На следующий день министр, проследовав через Лысые Горы, Челнавские Дворики, Дмитриевку, Заворонежскую слободу, Козлов, Терновские Выселки, Хобот, Новоспасское, Черемушки, продолжил свое путешествие по другим российским губерниям. За столь короткий срок Киселев вряд ли смог досконально изучить состояние дел, относящихся к управлению казенной деревней, в Тамбовской губернии. Но наверное местная ситуация мало чем отличалась от обстановки в других губерниях, поэтому Киселев и обобщил свои впечатления в докладе императору, где акцентировал внимание на негативных моментах того, что удалось обозреть.

Предварительная обрисовка реформы казенной деревни сложилась из замечаний Киселева на предложения управляющего петербургскими имениями Лоде. Его «Предложения об улучшении состояния и управления казенными имуществами» от 17 сентября 1836 г. сводились к следующему: утверждение абсолютных прав казны на ее землю, сохранение поземельной общины с регулированием поземельных переделов, сохранение крестьянских выборов как гарантии целостности деревенского мира, расширение крестьянских наделов, возможность для казенных поселян получать правительственные ссуды на нужды сво-

его хозяйства, ликвидация крестьянского безземелья и малоземелья, проведение реформы в государственной деревне в качестве примера для помещиков²⁴.

Киселев в целом поддерживал предложения Лоде, но о способах решения некоторых проблем имел собственное мнение. По его мнению, расширить границы крестьянского землепользования можно было, признав уже состоявшиеся самовольные расчистки леса крестьянами; затем использовать неудобные казенные земли, превратив их в удобные для земледелия участки; передать селениям, занимающимся хлебопашеством, земли промысловых деревень, а последние перевести в разряд посадов. Далее расширение крестьянского землепользования должно было идти за счет покупки частновладельческих земель. В случае крайнего малоземелья следовало прибегать к переселению государственных крестьян в другие районы одной губернии или вообще в другие губернии²⁵.

Киселев считал, что наделение казенных крестьян землей должно совершаться очень осторожно, этот процесс нельзя форсировать. Излишняя щедрость тоже ни к чему, так как она может отучить крестьян «извлекать больше выгод из имевшихся у них во владении земель посредством лучшего оных оброчного и подает им повод основывать расчет свой на пространстве, а не на качестве земель, употребляемых под хлебопашество и прочие сельские промыслы»²⁶.

Для крестьян, считал Киселев, были бы полезны небольшие ссуды, но они должны выдаваться не из государственной казны, а из специальных накоплений, образуемых крестьянскими взносами. «Для сего, – писал он, – нужно предварительно составить общественный капитал, ибо правительство не может и не должно на сие употреблять собственный капитал»²⁷. Таким образом, крестьян надо было приучить к некоему финансовому самоконтролю.

Реформаторы хотели сохранить в казенной деревне традиционную поземельную общину. Это был один из вековых устоев деревенской жизни, объединенный не только семейно-бытовыми интересами, общим занятием, но и отбыванием повинностей. Система крестьянских выборов сохранялась, но писари, то есть люди, которые могли составлять всю документацию, чтобы по возможности избежать той запутанности в делопроизводстве, что была обнаружена при ревизии, должны были назначаться представителями государственной власти.

В будущем необходимо было поставить преграду неправомерным поборам с крестьян, внося точность в размеры подушной подати, оброка, мирских и земских сборов. Высказываясь за дальнейшее развитие крестьянских промыслов, Киселев опасался задержать этот процесс стеснительным для крестьян промысловым обложением. Малоземельным он предлагал найти работу в сфере промышленного производства или заняться промыслами, чтобы улучшить свое положение. Земледельцы же должны были как можно меньше испытывать неудобств от чересполосицы, для чего необходимо было урегулировать переделы земли. Кроме всего прочего, надо было отладить денежные платежи крестьян, разложив их на землю и промыслы.

Чтобы устранить непрочность и неопределенность юридического положения казенных крестьян, надо было ясно указать их обязанности перед государством и определить меру их ответственности. Историк С.А. Князьков писал, что свобода государственных крестьян до издания Свода Законов и долго после была довольно относительная: свободными они назывались лишь в противоположность несвободным помещичьим крестьянам, а были такими же крепостными государства, какими помещичьи крестьяне являлись по отношению к своим господам. Государственные крестьяне обладали гражданскими правами – личными и имущественными, то есть могли избирать себе род занятий и распоряжаться своим имуществом, пользовались некоторым самоуправлением. «Но в каждый момент, – замечал Князьков, – все эти «свободы» и «права» могли быть уничтожены простым распоряжением власти»²⁸. Казенные крестьяне, по мнению Киселева и его сторонников, составляли непросвещенную и необузданную массу, которую при наделении ее всеми правами нельзя было предоставить самой себе, поэтому государственные крестьяне нуждались в надзоре и опеке в не меньшей степени, чем крепостные. Так оформилась идея попечительства над казенной деревней со стороны государства.

«Политика попечительства» предполагала установление контроля над хозяйственной деятельностью крестьян, семейно-бытовыми отношениями и нравственными устоями, над выполнением их обязанностей и защитой их прав.

Особое внимание было обращено Киселевым на охрану земельных и лесных угодий казны, их правильное использование в системе хозяйствования государственной деревни, на повышение доходности от сдачи в аренду казенных оброчных статей за счет контроля властей над торгами и вырученными денежными суммами.

В казенных селениях, где крестьяне имели недоимку выше годового оклада, предполагалось заме-

нять оброчные платежи отбыванием барщины. В Тамбовской губернии впоследствии таким местом отработки долгов для неплательщиков стала Центральная учебная ферма под Липецком²⁹.

Во всех казенных поселениях на случай неурожаев надо было организовывать продовольственные склады, то есть запасные хлебные магазины, рассрочить хлебные недоимки и создать условия для возвращения крестьянами выданных им когда-то хлебных ссуд. В Тамбовской губернии к 1840 г. таких хлебных магазинов было образовано 1260, а в 1852 г. их насчитывалось 1607³⁰.

Против селений-недоимщиков в качестве исправительной меры предполагалось вводить общественную запашку. Так как недоимки у казенных селений накапливались десятилетиями, то уже при вводе реформы в действие общественная запашка, к примеру, в Тамбовской губернии для некоторых крестьянских обществ вводилась ежегодно. 1843 и 1844 гг. стали рекордными по масштабам общественной запашки: она охватила 246 сельских обществ на 25 109 дес. земельных угодий. Но год от года благосостояние тамбовских казенных крестьян увеличивалось, сумма недоимок уменьшалась, поэтому к 1852 г. общественная запашка была распространена на 67 обществ с их 9663 десятинами³¹.

Для исправления нравов казенных крестьян предполагалось сократить число деревенских кабаков, оградить крестьян от влияния религиозных ересей, оказывать содействие распространению народного образования, для чего увеличить количество крестьянских школ и волостных училищ. Намечалось составить для государственных крестьян нечто похожее на сборник морально-политических наставлений в виде гражданского катехизиса, в котором рассказать об их обязанностях по отношению к государству и властям, описать правила семейно-бытовой жизни, указать крестьянам их юридические права, довести до их сведения важнейшие нормы хозяйственного, административного, уголовного права из существовавших на то время законов и так далее.

Впоследствии в той или иной мере все вышеперечисленные меры были проведены в жизнь в условиях реализуемой на местах реформы государственной деревни.

Разработка выдвинутых положений будущего преобразования была возложена на образованное 29 апреля 1836 г. V Отделение, которое отбирало и рассматривало из многочисленных постановлений, указов и законов империи то, что относилось к государственным крестьянам и казенным имуществам³². Такая работа проводилась с определенной целью: чтобы показать необходимость и неизбежность реформы казенной деревни, подготовленной нормами предшествующих проектов и существующего законодательства.

Основные принципы киселевской реформы были изложены в докладной записке, составленной V Отделением по указанию Киселева, – «Изложение главных оснований преобразования управления государственными крестьянами и имуществами». За основу брались решения Секретного Комитета 1835 г., предполагавшие изменить экономическое и правовое положение государственных крестьян, увеличить платежеспособность казенной деревни, сохранить государственный земельный фонд, улучшить систему управления казенными крестьянами, сделать будущую реформу примером для дальнейших действий помещиков в отношении крепостных крестьян. Киселев и его главный консультант Сперанский в будущем преобразовании казенной деревни в первую очередь выдвигали две идеи, которые сводились к укреплению гражданских прав государственных крестьян и к попечительству властей об их благосостоянии³³.

Первый принцип соответствовал европейским буржуазным нормам свободного общества, а второй исходил из ограниченности прав традиционно в России зависимого крестьянства и основывался на условиях и требованиях крепостнического государства. Ведь государство должно было действовать как строгий и экономный хозяин, в полном соответствии с интересами помещичьего хозяйства, которое являлось неотъемлемой частью экономики страны. Поэтому идея контроля, опеки, попечительства над государственными крестьянами была одной из главных.

Используя старые проекты, Киселев создавал новую хозяйственно-правовую конструкцию. Он, как противник революционных потрясений, опирался на уже существующие, традиционные нормы, которые надо не сломать, а видоизменить. Новое управление государственной деревней предполагалось вводить в виде опыта, а чтобы эксперимент оказался удачно проведенным, необходимо было все продумать и тщательно регламентировать положения будущего преобразования, что было характерно для российских традиций бюрократического управления вообще и для времени правления Николая I в частности.

Поскольку министерство финансов в лице департамента государственных имуществ, которое и занималось управлением казенными крестьянами, обнаружило в этом свою несостоятельность, то возникла необходимость создать новое ответственное ведомство, которое сможет решить серьезную задачу по экономическому, правовому и нравственному развитию государственных крестьян.

Забота о казенных имуществах, как собственности государства, стояла на первом месте. Все земельное пространство, находившееся в казенном управлении, разделялось на податные участки, которыми пользовались сельские общины, и запасные, оставшиеся в распоряжении казны. Важным моментом экономической программы было намерение реформаторов провести кадастр, то есть организовать измерение, оценку и описание всех государственных земельных угодий³⁴. С этой мерой связывалась возможность уравнительного распределения земель между сельскими обществами и наделения нуждающихся дополнительным количеством земли. Кадастр был необходим и для последующей замены душевого оброка поземельной и промысловой податью. Наделение малоземельных дополнительными участками должно было происходить за счет запасного фонда и земельных оброчных статей. Если большинство жителей казенного селения занимались хлебопашеством, то количество земли, отведенной в их пользование, должно было зависеть от числа душ в нем и от того, сколько можно было получить продовольствия с этой земли, она выступала как источник пропитания и средств для уплаты податей. Если же по занятиям жителей селения можно было причислить к промышленным, то их земля должна была лишь обеспечивать крестьян продуктами питания, уплату же податей надо относить на доходы от занятий промыслами или в промышленном производстве. При большом недостатке земли предполагалось промысловых крестьян переводить в мещанское сословие, а земледельческих переселять.

До завершения кадастра оброк взимался по-прежнему с душ, но его общий губернский оклад распределялся между сельскими обществами соразмерно доходам от занятий хлебопашеством и промыслами. На тех же основаниях уравнивалось между сельскими обществами и отбывание натуральных повинностей. Разнообразные и неодинаковые мирские и земские сборы заменялись бы единообразным общим для всех казенных крестьян налогом в виде процента от соразмерности с оброком, выплачиваемым каждым сельским обществом.

Поземельная община в деревне сохранялась, обществом легче управлять и удобнее собирать налоги.

За счет сумм с крестьянского хозяйственного капитала реформаторами предполагалось в качестве показательного примера устраивать в губерниях образцовые фермы или хутора. В Тамбовской губернии было основано четыре образцовых хозяйства, одно из которых – Центральная учебная ферма под Липецком. Самых усердных в отношении усовершенствований в ведении хозяйства крестьян намечалось поощрять выдачей пособий и наградами в виде премий, золотых и серебряных медалей. Крестьян Тамбовской губернии начали награждать не сразу после начала реформирования государственной деревни, как бы авансом за готовность проявлять инициативу, а лишь с 1843 г., когда действительно крестьяне стали идти на какие-то эксперименты в области хозяйствования. За десять лет разного рода наград, начиная от похвальных листов и заканчивая серебряными кубками, получили более 97 человек, а сумма поощрений составила более 509 руб. сер.³⁵

Реализация экономической программы, то есть проведение кадастра, переложение оброка на землю и промыслы, наделение крестьян дополнительными участками земли, рассматривались в перспективе, ее проведение предполагалось продолжать долгое и даже неопределенное время. Самой насущной задачей реформы признавалась организация управления казенными крестьянами, успех данного мероприятия мог стать отправной точкой для дальнейших преобразований. Новый бюрократический аппарат, который овладеет приемами управления казенной деревней, подчинит своему влиянию крестьянскую массу, затем сможет последовательно начать перестройку хозяйственного быта крестьян. Так как организация управления казенной деревней воспринималась властями в качестве первостепенной задачи, то экономическая программа будущей реформы, изложенная в «Главных основаниях Хозяйственного устава», так и не получила окончательного законодательного утверждения, а была призвана играть роль негласного руководства к действию на местах.

Местное управление мыслилось авторами реформы как соединение руководящей роли высшей администрации с выборностью крестьянской общины. Но ввиду того, что на сельских сходках предполагалось навести надлежащий порядок, крестьянский мир становился не свободной самоуправляющейся общиной, а лишь одним из звеньев, соединяющих правительственные учреждения с государственными крестьянами.

Реформаторы предполагали, какова будет реакция самих крестьян на будущие преобразования. Киселев писал, что первое впечатление от нововведений у казенных крестьян будет невыгодное: «Привыкнув к необузданной свободе и искупая пороки и бесправие пожертвованием своего избытка, люди сии сочтут стеснительным для себя всякое действие попечительной власти. Сделавшись равнодушными к улучшению своего быта, погруженные в грубое невежество, они предпочитают удовлетворение привычных страстей всем обещаниям лучшего состояния»³⁶.

Для того, чтобы застраховаться от возможных крестьянских протестов в связи с началом преобразований, Киселев предлагал вводить новое управление постепенно и привлечь крестьян некоторыми уступками и финансовыми льготами. С этой целью предполагалось рассрочить накопившиеся недоимки, которых обнаружилось к середине 30-х гг. XIX в. множество: податные, с оброчных статей, штрафные за порубки леса, за прописные души, за рекрутов и так далее³⁷. Также необходимо было прекратить следствие по незначительным проступкам крестьян и по лесным порубкам, разрешить самовольным переселенцам остаться на новом месте жительства, установить справедливые рекрутские очереди не по числу душ, а по числу работников в семье и прочее.

Подготовка реформы вызвала различные кривотолки и среди дворянства и чиновничества. Желание Николая I сделать шаг в решении крестьянского вопроса не могло вызвать серьезного недовольства со стороны чиновничества, ведь это – лишь проводник решений власти. Несколько труднее дело обстояло с дворянством. Связь между реформой государственной деревни и постановкой вопроса о крепостном праве была очевидна для многих. Большинство помещиков с опаской ждали изменений в положении казенных крестьян, осуществления мероприятий по охране земельных пространств казны и защите прав государственного крестьянства. Как замечал сам Киселев, интересы массы помещиков были «связаны с общим неустройством по управлению государственными имуществами»: частные землевладельцы иногда присваивали себе земли из государственного фонда, перелагали часть натуральных повинностей со своих крестьян на казенных; иные помещики выгодно для себя брали у государственных крестьян в аренду земельные оброчные статьи, а, владея винокурнями или пивоваренными заводами, получали громадную прибыль от продаж своей продукции в большей степени именно казенным крестьянам³⁸. Поэтому к реформированию управления государственной деревней необходимо было приступать весьма осторожно, не форсировать этот процесс, не вызвать массового недовольства ни среди чиновничества, особенно местного, задетого открывшимися в ревизию фактами и ожидавшего наведения порядка со стороны высшей власти, ни среди помещиков, опасавшихся, что реформа заденет их привилегии и послужит началом преобразования системы крепостного права, ни среди казенных крестьян, думавших об ухудшении своего положения при возможном вводе каких-либо принудительных мер, новых налогов и повинностей, при переводе части селений в уделы или на положение военных поселений.

Таким образом, подготовка реформы проходила бюрократическим способом: она была задумана в Секретном комитете, разрабатывалась чиновниками V Отделения и была принята Государственным советом. Разработка всех аспектов реформирования по традиции была облечена канцелярской тайной, а император контролировал процесс подготовки и реализации реформы. Будущее преобразование заключало в себе программу, подготовленную П.Д. Киселевым при содействии М.М. Сперанского. Во многом поэтому реформа оправдывает свое название как реформа Киселева. С начала и до своего ухода из министерства государственных имуществ в 1856 г. он сохранял за собой инициативу и направляющее влияние в процессе подготовительной работы над реформой. Однако ее связь с более ранними проектами, касавшимися преобразований в государственной деревне, бесспорна.

Экономическое развитие страны диктовало свои условия системе социальных отношений. Реформаторы стремились утвердить и расширить права государственных крестьян. Перед лицом помещичьих захватов казенных земель это означало пресечение попыток в любом виде закрепить «свободных сельских обывателей»: прекращение пожалований или продаж крестьян в частные руки, невозможность принудительных переселений казенных крестьян на территории военных поселений или в удельное ведомство и так далее. Казенные крестьяне должны были хотя бы юридически быть действительно свободными земледельцами. А личная свобода обеспечила бы им правовую защиту для проявления инициативы в хозяйственной деятельности, сохраняя тем самым возможность самостоятельно распоряжаться своей рабочей силой, отстаивать собственные интересы в земельных спорах с помещиками и прочее.

Казенный крестьянин, который будет платить поземельную подать за пользование земельным участком, воспринимался бы как свободный арендатор государственных угодий. Ведь одной из целей реформы было прочное, юридически закрепленное за казною право владения и распоряжения ее земельными имуществами.

Реформа при помощи организации кадастра способствовала бы созданию прочных предпосылок для охраны, рационального использования казенных имуществ и увеличения доходности от них. Необходимо было поставить преграду помещичьим захватам государственных угодий, остановить процесс сокращения размеров крестьянских наделов, предотвратить угрозу катастрофического падения государственных доходов.

Будущие преобразования в своей экономической программе должны были привести денежные сбо-

ры в соответствии с источниками доходов, точно определить размеры и содержание крестьянских повинностей, заменить произвольные поборы справедливым общественным сбором, переложить душевой оброк на поземельный и промысловый.

Уравнение в налогообложении, в отбывании повинностей, в возможности использования своих прав устраняло бы перегородки, разделявшие сословие государственных крестьян на разнообразные прослойки со своими традициями, правами и обязанностями. Унификация хозяйственного и правового положения всех категорий казенного крестьянства была одной из предпосылок для успешного, с точки зрения реформаторов, экономического и культурного развития деревни.

Организация правильного управления государственными крестьянами стала первостепенной задачей намечавшейся реформы. В соответствии с традицией, политика попечительства государства над своими подданными, в данном случае над казенными крестьянами, воспринималась и императором, и реформаторами, и чиновниками как исключительно положительная мера, которая будет способствовать лишь улучшению экономического и правового состояния государственной деревни.

Глава 2 ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕФОРМЫ

В мае 1837 г. Киселев представил Николаю I «Предварительные соображения о преобразовании управления государственными имуществами», мотивировавшие необходимость создания особого ведомства – министерства государственных имуществ, которое должно было сыграть важную роль в деле преобразования управления казенной деревней. Записка Киселева сразу была утверждена императором, а V Отделение перешло к оформлению законодательных текстов. Содержание реформы излагалось в следующих проектах:

- 1) учреждение министерства государственных имуществ;
- 2) учреждение губернских палат государственных имуществ;
- 3) учреждение окружного управления;
- 4) учреждение волостного управления;
- 5) учреждение сельского управления;
- 6) сельский полицейский устав;
- 7) сельский судебный устав;
- 8) главные основания хозяйственного устава;
- 9) учреждение штатов¹.

Данные проекты предусматривали создание новой системы управления государственной деревней, которая включала в себя центральный административный орган, бюрократический разветвленный аппарат на местах, сводку общественных и нравственных повелений, обращенных к казенным крестьянам, порядок и нормы судопроизводства по крестьянским делам, рекомендации по ведению хозяйственной и бытовой жизни государственной деревни.

Сама реформа, как действие, началась с перестройки высшего аппарата. 9 января 1837 г. при департаменте государственных имуществ минфина был образован Временный Совет для управления этим департаментом во главе с П.Д. Киселевым. Этот орган, как и сам департамент государственных имуществ, просуществовал до 1 января 1838 г., после чего все подведомственные ему дела были переданы в министерство государственных имуществ².

В именном указе от 26 декабря 1837 г. об учреждении министерства государственных имуществ император повелел открыть с началом его работы местные управления в губерниях; закрыть департамент государственных имуществ и Временный Совет; до устройства местных управлений все дела, относящиеся к государственным имуществам и попечительству над казенными крестьянами и состоявшие в ведомстве Казенных палат, передать в распоряжение губернских Приготовительных комиссий по приему государственных имуществ³. Порядок введения нового управления сводился к следующей схеме: учреждение центрального органа, открытие местных палат, прием государственных имуществ, образование окружных, а впоследствии волостных и сельских управлений.

Эта новая бюрократическая система учреждалась для управления казенными имуществами, для попечительства над государственными крестьянами и для заведывания сельским хозяйством, находящимся в ведении казны.

Выполнение первой задачи устраняло притязания помещиков на государственные земли и приравнивало крестьянские наделы к остальным видам казенной собственности. Этим разрешались споры о

претензиях помещиков и казенных крестьян на земельные угодья государственного фонда, создавались условия для утверждения принципа неприкосновенной собственности казны на земли крестьянских общин. Необходимо было оградить крестьянские хозяйства от распада, вводить в их жизнь улучшения, поднимать их доходность, следить за уравнительным распределением земли между крестьянами, рационально использовать казенные оброчные статьи, охранять природные богатства от расхищения или уничтожения как казенными крестьянами, так и представителями других социальных категорий населения.

Осуществление второй задачи предполагало сохранение и развитие системы государственной опеки над подвластным населением, завещанной традициями XIX в. и связанной с практикой внеэкономического принуждения. Реформа должна была преобразовать, но сохранить и укрепить систему феодальной зависимости казенных крестьян от государства-вотчинника. Политика попечительства распространялась на все категории казенного крестьянства, объединенные под названием «свободных сельских обывателей». В правах приравнивались друг к другу различные категории крестьян – мелких производителей, не принадлежащих частным лицам. Однако личная свобода государственных крестьян, признанная властью и подтвержденная ею, должна была быть подчинена системе опеки, попечительства и контроля со стороны самого государства. Необходимо было оказывать юридическую помощь крестьянам, обеспечивая правосудие при решении их дел, контролировать полицейские действия, ограждать крестьян от притеснений и несправедливости со стороны недобросовестных представителей власти, опекать хозяйственную деятельность поселян, наблюдать за охраной их здоровья, состоянием народного образования, соблюдением общинных традиций и нравственных устоев в государственных селениях. По рекомендации сверху шло и распространение в крестьянских хозяйствах передовых агрономических методов в земледелии, и разведение новых сельскохозяйственных культур, и улучшение пород домашнего скота, и организация выставок продукции, произведенной крестьянами, и так далее. При МГИ работал даже специальный Ученый комитет, который интересовался состоянием государственного хозяйства в различных странах Европы, организовывал конкурсы по вопросам, касающимся дальнейшего развития экономики страны, вел своеобразную пропаганду передовых идей в области сельского хозяйства среди государственных крестьян.

Политика попечительства тесно была связана с третьей задачей новой системы управления казенной деревней, реализация которой предполагала наблюдение и контроль за всеми отраслями крестьянского хозяйства: хлебопашеством, огородничеством, садоводством, лесоводством, скотоводством, рыбными промыслами и так далее. Для поощрения и совершенствования того, что связано с ведением хозяйства в казенных селениях надо было открывать училища земледелия и скотоводства, учреждать образцовые фермы, охранять и приумножать лесные богатства, разбивать фруктовые сады, заботиться о разведении полезных растений, плодов и овощей, выпускать книги и журналы по сельскому хозяйству, вкладывать капитал в промышленное производство по переработке сельскохозяйственной продукции. С помощью ресурсов государственного казначейства предполагалось увеличить платежеспособность крестьянских обществ, постепенно усовершенствовав орудия производства в сельском хозяйстве, достичь существенного прогресса в развитии всех отраслей сельского хозяйства.

Мероприятия в культурной сфере были задуманы в духе религиозно-нравственного воспитания крестьянской массы, например, распространение среди крестьян сведений, полезных в их бытовой и семейной жизни, привлечение в государственные села высоконравственных и образованных священников, учреждение приходских училищ и так далее.

В законе от 26 декабря 1837 г. широко были отражены задачи нового управления в хозяйственной сфере, но большое количество задуманных мероприятий по улучшению экономического состояния казенной деревни приняли характер лишь рекомендаций. Статьи же, посвященные укреплению правового положения казенных крестьян, вообще были слабо разработаны. При таком осторожном сверху руководстве к действию нелегко было снизу, на местах, остановить прогрессирующий упадок государственной деревни.

Именно на местные органы возлагалась вся работа по реформированию управления казенной деревней и государственными имуществами, так как МГИ было лишь центральным и руководящим органом. «Учреждением об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. вводится единообразная для 33 губерний и двух областей империи административная система, которая унифицировала в отношении управления все категории «свободных сельских обывателей» на территории оброчного положения, куда входила и Тамбовская губерния⁴. Первоначально четырехступенчатая система управления (палата, окружное, волостное и сельское управления) вводилась в виде опыта на три года в пяти губерниях: Петербургской, Московской, Тамбовской, Псковской и Курской.

В «Общих положениях» закона 1838 г. определялись задачи губернской палаты государственных

имущества. Ее обязанности распределялись по трем направлениям. Во-первых, управление казенными крестьянами: поддержание среди них полицейского порядка, попечение о правах крестьян и их нуждах, наблюдение за отбыванием крестьянами повинностей. Во-вторых, заведование хозяйственной жизнью государственной деревни: размежевание с другими владельцами и описание крестьянских наделов, распределение земельных угодий между самими крестьянами, содействие развитию земледелия и промыслов, осуществление мероприятий по предотвращению голода и так далее. В-третьих, управление государственными имуществами: казенными ненаселенными землями, оброчными статьями и лесными угодьями. Палата учреждается под наблюдением гражданского губернатора, она организует местное управление в округах, волостях и сельских обществах и руководит их работой (ст. 1 – 2).

Губернская палата государственных имуществ состояла из двух отделений: хозяйственного и лесного. В ведении первого находились дела, касавшиеся попечительства над государственными крестьянами, и управление казенными незаселенными землями и оброчными статьями. Второе заведовало казенными лесными угодьями (ст. 8 – 9).

Во главе палаты стоял управляющий, в хозяйственном отделении – советник и ассессор, в лесном – лесничий. На службе в палате состояли делопроизводители, столоначальники, бухгалтеры, писцы, чиновники по особым поручениям, по одному землемеру на каждое отделение, гражданский инженер, контролер счетов и отчетов, стряпчий, казначей, архивариус, журналист (оформлял журнал работы палаты) с помощником (ст. 32, 123).

В многочисленных статьях «Учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» говорилось о том, чем конкретно должна заниматься губернская палата. Она была покровителем и защитником казенных крестьян по отношению к миру, находящемуся вне их довольно замкнутой общности, и одновременно распорядителем и контролером жизни внутри крестьянского общества. Она должна была стать проводником политики попечительства в губернии и ее руководителем здесь.

Особое внимание уделялось деятельности палаты по улучшению нравственности крестьян: она должна была поощрять их «к благонравию и трудолюбию, неослабно смотреть за отвращением пьянства, соблазна, разврата и искоренением нищенства» (ст. 173). Крестьянскую безнравственность изучал особый чиновник палаты. В большинстве отчетов Тамбовской палаты государственных имуществ за ряд лет до начала 1850-х гг. содержится информация о том, что нравственные наклонности крестьян «представляются в самом удовлетворительном виде», что отражается в таких аспектах как повинование властям и готовность к выполнению повинностей⁵.

Всплески противоправных действий крестьян приходились на годы рекрутских наборов, когда увеличивалось употребление алкоголя. Серьезные сомнения в кротости крестьян породило движение против властей в Борисоглебском округе в 40-х гг. XIX в., которое чиновники палаты объясняли «неправильным истолкованием манифеста 1841 г. о податях»⁶. После этого события на крестьян, поведение которых нельзя было назвать правильным, стали составляться именные списки, хранившиеся у управляющего Тамбовской палатой государственных имуществ, чтобы при необходимости применять к таким крестьянам превентивные меры⁷.

Палата брала на себя и фискальную функцию, контролируя правильное и своевременное выполнение крестьянами всех повинностей и взнос ими разного рода платежей в государственную или местную казну (ст. 276 – 338).

В заведовании государственными имуществами палата брала на себя обязанности охраны, межевания, описания, рационального использования казенных земельных и лесных угодий. Особое внимание уделялось охране всех объектов государственной собственности как от посягательств на нее со стороны помещиков или лиц других сословий, так и со стороны нерадивых казенных крестьян (ст. 112 – 113, 365 – 485).

Управляющий палатой должен был как можно чаще объезжать, инспектировать казенные селения и ежегодно производить большую ревизию по всем ступеням управления казенной деревней у себя в губернии. Все управляющие Тамбовской палатой государственных имуществ исправно каждый год инспектировали губернию, но их осмотр часто ограничивался окружными управлениями.

Таким образом, губернская палата государственных имуществ являлась центром местного управления казенными имуществами. Она руководила хозяйственной, правовой и культурной жизнью государственных крестьян. Главными задачами палаты были опека над казенными крестьянами, защита их интересов и охрана государственных имуществ в губернии, чего трудно было достичь, имея лишь центральный аппарат в столице, руководивший преобразованиями, и не имея

на местах органов управления, где бы концентрировалась вся информация о ходе реформы. Громадный спектр задач, касавшийся всех сторон крестьянской жизни и заведования казенными имуществами, предполагал наличие большого штата чиновников в палате государственных имуществ. Несмотря на множество своих обязанностей и массу занятых работой чиновников, чье число год от года возрастало, палата в губернии была руководящим и контролирующим органом, проведение преобразований в государственной деревне происходило через подчиненные этому центру структуры управления, отвечавшие за округа, волости и сельские общества. Губернская палата была своеобразным посредником между министерством государственных имуществ и разветвленным аппаратом управления на местах.

По закону от 30 апреля 1838 г. окружное управление осуществляли следующие лица: окружный начальник, его помощник по хозяйственной части, окружный и младшие лесничие, письмоводитель, канцелярские служители, конные и пешие рассыльные. Но основные обязанности по управлению округом лежали на одном человеке – окружном начальнике, именно он был непосредственным опекуном государственных крестьян, руководителем и контролером всех сторон деревенской жизни.

Деятельность окружного начальника подчинялась нескольким задачам: надзор за волостными и сельскими учреждениями, наблюдение за народонаселением в округе, контроль за крестьянскими подачами и повинностями, попечительство над крестьянами в их повседневной жизни, защита населения в его юридических и хозяйственных правах.

Выполняя первую задачу, окружный начальник должен был контролировать правильность действий низовых структур управления казенной деревней, наказывать провинившихся чиновников и представлять к награждению усердных, следить за соблюдением законности избранными лицами по волостным и сельским управлениям.

Вторая задача включала в себя сбор точных сведений обо всех лицах, проживающих или просто находящихся в округе, окружный начальник следил за законностью перемещений государственных крестьян, предотвращал самовольные отлучки крестьян из места жительства, не допускал появления в округе беглых, бродяг и беспаспортных.

Исполнение третьей задачи требовало от окружного начальника принимать меры для взыскания с крестьян различных податей и исполнения повинностей, проверять финансовое счетоводство низовых органов управления, вести учет денежным недоимкам крестьян и взыскивать их. Именно окружный начальник должен был бороться со злостными неплательщиками: он мог отдать распоряжение «о продаже имущества неплательщика и об отдаче его в работы» (ст. 313), мог переложить долг одного человека на всех крестьян того же сельского общества, мог рекомендовать губернской палате перевести недоимочное сельское общество в «хозяйственное управление», то есть на барщинное положение до полной уплаты долга государству. Особое внимание окружный начальник уделял исполнению крестьянами рекрутской повинности: он проверял рекрутские списки, контролировал правильность прохождения очереди, заседал в Рекрутском присутствии.

Реализация четвертой задачи предполагала личный надзор окружного начальника за благоустройством крестьянской жизни. Он заботился о соблюдении чистоты и порядка в селениях, поощрял крестьян к устройству садов и огородов, разведению лучших пород скота. Следил, чтобы земельные наделы крестьян использовались ими рационально, ходатайствовал перед палатой о наделении нуждающихся дополнительными участками земли, контролировал деятельность хлебных запасных магазинов. При межевании окружный начальник не должен был принимать ничью сторону, а действовать справедливо и на законных основаниях. Он должен был заботиться о введении в действие противоэпидемических и противопожарных мер.

При осуществлении пятой задачи окружный начальник становился защитником и представителем интересов государственных крестьян. Он должен был бороться со злоупотреблениями и нарушением законов со стороны чиновников и помещиков. При внешнем межевании он выступал как депутат от казенных крестьян и должностное лицо, пресекающее претензии на казенные земли частных лиц. Он представлял государственных крестьян и в судах.

Таким образом, окружный начальник, подчиняясь непосредственно палате, руководил деятельностью волостной и сельской администрации. Окружный начальник был наделен широкими полномочиями и правами не только в наблюдении за крестьянской администрацией, но и в поддержании в казенных селениях полицейского порядка, исполнении крестьянами повинностей, в осуществлении попечительства во всех его проявлениях. Поэтому он, по сути дела, мог неограниченно вмешиваться в жизнь крестьянского общества и использовать свое личное влияние при решении различных вопросов, оказывать

давление на волостных и сельских начальников. От окружного начальника зависело усилить или ослабить податной пресс, увеличить или уменьшить влияние на хозяйственную деятельность крестьян финансовых законов, оградить или нет крестьян от противоправных действий представителей власти и помещиков. Окружный начальник – это строгий и расчетливый хозяин у себя в округе. Именно под его руководством происходило устранение недостатков, открытых ревизией V Отделения. Права окружного начальника фактически заменяли функцию земской полиции. Но так как институт земской полиции не отменялся, то происходило некоторое дублирование, однако влияние окружного начальника на жизнь государственной деревни было сильнее, чем чинов земской полиции.

Несмотря на широчайшие полномочия, окружный начальник со своими помощниками не мог постоянно быть связан со всеми крестьянами казенных селений, поэтому он устанавливал свою власть над ними и передавал свои распоряжения через следующую ступень в системе управления на уровне волости. Отныне волости состояли из нескольких смежных селений одного уезда с населением около 6 тыс. душ. В каждой волости вводились: исполнительный орган – волостное правление, распорядительный – волостной сход и судебно-апелляционная инстанция для казенных крестьян – волостная расправа.

Волостное правление состояло из волостного головы и по одному избранному заседателю по полицейской и хозяйственной части, писарь служил при правлении, но не входил в него, а назначался окружным начальником. В состав волостного схода входили благонадежные крестьяне-домохозяева, он созывался один раз в три года лишь для выборов на волостные должности. Волостная расправа состояла из головы и добросовестных, то есть избранных населением казенной деревни крестьян для разбора крестьянских проступков и разрешения споров.

Каждые три года старшины всех сельских обществ собирали совершеннолетних (от 25 лет) и отвечающих нравственным нормам домохозяев на выборы для участия в работе сельских сходов, где из своих рядов они избирали людей на волостной сход: одного представителя с 20 дворов.

Такое «просеивание» объяснял сам закон: необходимо «удалить многолюдство на сходах, рождающее беспорядки, дать возможность участвовать в выборах поселянам благонадежным» (ст. 748 – 751). На каждую должность волостной схода избирал трех кандидатов, окружный начальник делал свое заключение, а палата с утверждения гражданского губернатора выбирала из каждого трех одного. Таким образом, волостной сход не имел решающего голоса при выборах своих исполнительных органов.

Волостному правлению доверяли решать дела непринципиального значения, например: назначение опекунов малолетним сиротам (ст. 192) или разрешение ставить новые постройки в селениях (ст. 268). Закон выдвигал волостного голову как самого влиятельного члена волостного правления, он являлся носителем власти и большинство вопросов решал самостоятельно. Если же возникали споры между членами правления, то судьбу дела решали большинством голосов, однако принцип коллегиальности не был традиционным в системе управления крестьянским обществом, поэтому здесь был фиктивным. Волостной голова, как истинный хозяин в крестьянском понимании этого слова, считал себя влиятельным человеком и пользующимся большим авторитетом среди крестьян, если его признали достойным такой должности, поэтому предпочитал сам принимать решения. Он наблюдал за работой заседателей и считал их подчиненными, а не равными себе. Два раза в год он отправлялся для личного надзора в селения волости.

В отличие от членов волостного правления писарь не имел распорядительной и исполнительной власти (ст. 453), как и заседатели, он подчинялся волостному голове, но имел важное преимущество перед всеми: он был грамотен, знал законы и умел работать с документами, а делопроизводству придавалось везде большое значение. Писарь не был сменяем при помощи выборов, как члены волостного правления, хотя тоже был из числа государственных крестьян. Поэтому писарь имел большой вес в крестьянской среде.

Закон 1838 г. отводил волостному правлению роль исполнителя распоряжений и указаний окружного начальника, оно все осуществляло с его согласия. Так, волостное правление по распоряжению окружного начальника давало нуждающимся дополнительные земельные наделы, при обязательном согласовании с окружным начальником оно восстанавливало имущественные права казны при захватах земель казенными крестьянами и так далее (ст. 283 – 284, 387, 390).

Волостное правление непосредственно решало насущные проблемы крестьян, например: принимало прошения о переселении и помогало крестьянам устроиться на новом месте, отвечало за использование мирских оброчных статей, заботилось о содержании в надлежащем виде запасных хлебных магазинов, собирало сведения о нуждающихся в продовольственной помощи, следило, чтобы крестьянские наделы не находились в запустении, не чинило препятствий распространению крестьянских промыслов,

открывало ярмарки и базары у себя в волости (ст. 244, 305 – 318).

Волостное правление обязано было проводить в жизнь политику исправления нравственности крестьян, прививать добрые нравы при помощи советов, наставлений, напоминаний и увещаний, принимать меры против распространения среди крестьян пьянства, распутства, религиозных ересей и лени (ст. 187), то есть оно не исполняло карательных функций.

Серьезные проступки крестьян рассматривались в волостной расправе, где судьями были два так называемых добросовестных, а председателем сам волостной голова.

Хотя реформой провозглашался принцип разделения властей, фактически он не соблюдался, так как глава волостного правления совмещал в своем лице административную и судебную функции. Свобода и независимость крестьянского суда в условиях всестороннего попечительства над казенной деревней были несовместимы с административной опекой.

Таким образом, волостное управление не имело самостоятельного характера, а являлось звеном между окружным начальником и сельскими обществами на местах. Волостное правление было проводником распоряжений окружного начальника, исполнителем его решений и помощником в его деятельности, оно и подчинялось только окружному начальнику. А волостному правлению подчинялись сельские старшины, которым оно посылало приказы окружного начальника (ст. 85). Волостной сход также был создан в помощь окружному начальнику, он созывался лишь для выборов на административные должности в управлении волостью; выборные имели авторитет в крестьянской среде и поэтому способствовали проведению политики попечительства, главным проводником которой был окружный начальник. Решающую же роль в утверждении кандидатов в волостное управление играла губернская палата государственных имуществ. Волостная расправа разбирала крестьянские споры, незначительные проступки и правонарушения; будучи органом сословного суда, она все-таки не решала судьбу крестьян, совершивших преступления. Хотя волостное управление являлось только исполнителем наказов вышестоящей администрации, по замыслу реформаторов, излишек управленцев в системе не был вреден, а устанавливал более разветвленную и эффективную структуру руководства.

В эту структуру входило и последнее звено системы управления казенной деревней, которое отвечало непосредственно за каждое сельское общество. Сельскому управлению была посвящена четвертая часть закона от 30 апреля 1838 г.

Сельское общество, как правило, состояло из казенных крестьян каждого большого села или из крестьян нескольких смежных малых селений, лучше, если они имели общее владение землей, составлявшее основание для раскладки повинностей и уплаты налогов. Количество населения в сельском обществе должно было приближаться к цифре в 1500 душ (ст. 19).

Сельским обществом управляет сельское начальство, являющееся исполнительной властью, сельский сход – распорядительный орган, сельская расправа – представитель судебной власти.

Сельское начальство составляли сельский старшина, сельские старосты, сборщик податей и его помощник, смотритель запасного хлебного магазина, назначенный писарь, сотские, десятские, полесовщики и пожарные старосты. В малолюдных селениях один человек мог совмещать несколько должностей. Выборы на сельские должности происходили каждые три года, по такой же схеме, как и волостные, решающее слово в утверждении кандидатов имела все та же губернская палата, хотя это было чистой формальностью, ведь не могли же чиновники палаты знать всех кандидатов и оценить их способности и перспективы.

Сельский старшина был главой местной исполнительной власти: он следил за работой сельского схода, занимался благоустройством в подведомственных ему селениях, наблюдал за порядком, контролировал сбор налогов и отбывание крестьянами повинностей, приводил к послушанию крестьян (ст. 76, 125 – 128, 131, 185 – 188). Сельский старшина заботился о нравственном состоянии государственных крестьян, содействовал исправлению их пороков, применяя целый спектр различных средств, начиная внушениями и заканчивая выселением из места жительства провинившегося (ст. 133 – 135). Все должностные чины подчинялись сельскому старшине. Его главными помощниками были выборные сельские старосты в каждом селении, которые там проживали и влияли на жизнь своих односельчан.

Староста на месте осуществлял провозглашенную верховной властью политику попечительства в казенной деревне; через него до крестьян доводились планы МГИ, постановления палаты, распоряжения окружного начальника, волостного правления и сельского старшины; он в своем селении был воспитателем, хозяйственным руководителем, полицейским надзирателем. Как отмечалось в законе 1838 г., староста «наблюдает, чтобы государственные крестьяне в точности выполняли повеления и распоряжения начальства и законных властей и сопротивляющихся приводит к должному повиновению» (ст. 214).

Сельский староста, являясь непосредственным проводником политики попечительства, обязан был вмешиваться буквально во все, даже в семейную жизнь своих односельчан, например, журить детей, которые не оказывают должного почтения родителям, или наказывать виновных в домашних драках и так далее (ст. 212 – 213, 220 – 221). Сам он при столь авторитетной и значимой должности должен был быть примером для крестьян.

Определения других должностных лиц сельского управления говорят за себя: сборщик податей собирал денежные платежи, хранил их и потом вносил в уездные казначейства и волостные правления, смотритель запасного хлебного магазина собирал, учитывал, хранил и выдавал крестьянам в случае необходимости продовольственные запасы, полесовщики заботились об охране лесов, сотские и десятские надзирали в селениях за правопорядком, подчиняясь земской полиции, сельские пожарные старосты следили за соблюдением противопожарных мер, сельский писарь занимался счетоводством и делопроизводством, консультируя в вопросах законодательства и бюрократических установок сельского старшину.

Обсуждение и принятие решений по важным общественным делам было возложено на сельские сходы, которые являлись основным элементом крестьянского самоуправления. При обсуждении вопросов по конкретному селению сход составлялся из всех домохозяев этого селения. Если же дело касалось целого сельского общества, в состав которого в большинстве случаев входило несколько селений, то сход должен был состоять из представителей исполнительной власти: сельского старшины, старост, сборщика податей, смотрителя запасного хлебного магазина и выборных от селений.

Сходы, если не считать чрезвычайных, созывались сельским старшиной три раза в год, согласуясь с агрономическим календарем: в январе для раскладки податей и повинностей, в конце весны – для распределения между крестьянами наделов при общинном переделе земли, осенью – для составления приговоров о потребности мирских расходов. На сходах решались вопросы о лучшем использовании земель и лесов, об оказании помощи нуждающимся в ней, о переселении крестьян и так далее (ст. 20 – 22). Раз в три года на сельских сходах проходили выборы кандидатов на должности в системе сельского управления. Для выборных присутствие на сходе было не правом, а повинностью, а для сельского начальства – обязанностью; совещания на сходе не были публичными, так как традиционно между крестьянской массой и носителями хоть каких-нибудь властных полномочий поддерживалось известное расстояние. Приговоры сельского схода в большинстве случаев не были окончательными, они поступали на рассмотрение волостного правления, утверждались окружным начальником, иногда же санкционировались губернской палатой. Однако, пытаясь дать сельскому сходу хоть небольшую самостоятельность и убедить крестьян в его самодостаточности, закон запрещал губернским и окружным чиновникам из системы управления государственной деревней участвовать в совещаниях сельского схода, повелевал не допускать к составлению приговоров заинтересованных в исходе того или иного дела лиц, предоставлял крестьянам право обжаловать приговор схода (ст. 31, 40). Но естественно, что многое из этого так и осталось пожеланием.

Сельская расправа являлась низшим судебным органом, разрешавшим еще более незначительные крестьянские споры и еще более мелкие проступки крестьян, чем те, которые разбирались в волостной расправе (ст. 410 – 413). Сельский суд, как и волостной, по идее должен был быть отделен от администрации, но в лице председателя – сельского старшины – административная и судебная функции сливались, а два других члена расправы – добросовестные – полностью зависели от череды начальства. Сельская расправа наряду с другими органами сельского управления выполняла обязанности по опеке, воспитанию или обузданию государственных крестьян.

Таким образом, сельское управление являлось последним звеном в цепи новой многоступенчатой структуры, созданной законом 1838 г. Чиновники губернской палаты и окружный начальник непосредственно соприкасались с крестьянами только во время ежегодных объездов подведомственных территорий и ревизий; низовые административные органы находились, как правило, вне большинства селений, а сельский староста был зримым представителем власти, настоящим распорядителем в селении, где жили казенные крестьяне. Компетенция сельского схода была ограничена рамками закона. Сельская расправа выполняла скорее назидательную функцию, чем судебную. Но, в отличие от волостного, сельское управление не было коллегиальным: каждый из сельских выборных являлся носителем единоличной власти и ответственности. Закон создавал сельские общества как хозяйственно-административные объединения большого числа крестьян в качестве основы для поднятия уровня благосостояния казенной деревни и повышения ее платежеспособности. По мысли же реформаторов, хозяйственное благоустройство поддерживало нравственность. Экономический рост и воспитание крестьян были важнейшими за-

дачами начавшихся в государственной деревне преобразований.

Итак, закон от 30 апреля 1838 г. создавал в губерниях разветвленную бюрократическую систему управления государственными имуществами и казенными крестьянами. Здесь детально регламентировались все функции губернской палаты государственных имуществ (в I части закона об этом рассказывают более 120 страниц текста), которая руководила деятельностью окружных управлений во главе с окружным начальником – опекуном и попечителем казенных крестьян. Во II части закона говорилось об окружном управлении, которое являлось посредником между губернской администрацией и крестьянскими выборными. III часть закона указывала на то, что исполнителем распоряжений окружного начальника было волостное правление, что создавался новый орган – волостная расправа – в качестве судебно-апелляционной инстанции сословного типа. IV часть закона рассказывала о системе сельского управления, основной ячейкой которого являлось сельское общество. Структуры двух низших ступеней в управлении казенной деревней копировали друг друга, а функции всех четырех ступеней новой системы часто дублировались. Прохождение многих дел по цепи через разные инстанции одного ведомства отражало традицию бюрократического управления любой сферой в России.

Четырехступенчатая система должна была сочетать в себе направляющую роль губернской администрации, подчинявшейся непосредственно министерству государственных имуществ, и сохранение выборных должностей внутри крестьянской общины. Руководящими инстанциями правительственной власти являлись губернская палата и окружные начальники, последние контролировали территорию одного уезда или нескольких, вошедших в один округ (в Тамбовской губернии было двенадцать уездов, но девять округов), а представителями крестьянского мира были выборные начальники и волостные и сельские сходы. Предусмотренное реформой разделение властей при управлении казенными крестьянами самим же законом превращалось в фикцию. «Учреждение...» 1838 г. не расширяло прав государственных крестьян, зато поддерживало и укрепляло имевшиеся.

Закон от 30 апреля 1838 г. систематизировал действовавшие нормы в отношении управления государственными имуществами и казенными крестьянами. Из 2077 его статей 802 были извлечены из Свода законов Российской империи и несколько изменены редакционно, 1092 были основаны на Своде законов с частичной переменной содержания и лишь 183 статьи содержали новые предложения⁸. Однако все заимствования не являлись механическим списыванием существовавших норм, они были подчинены идее контроля за государственными имуществами и попечительства над жизнью крестьянской общины со стороны государственных бюрократических органов.

Закон 1838 г. создавал управленческую администрацию, выполнявшую различные функции, и хотя в их число входили полицейская, а в волостном и сельском управлении – и судебная, однако две последние составляли особую ветвь власти. Поэтому, продолжая законодательное оформление реформы государственной деревни, 23 марта 1839 г. в силу вступают Сельский полицейский устав и Сельский судебный устав.

Сельский полицейский устав содержал в себе повелевающие нормы, определявшие деяния казенных крестьян, и границы попечительной власти⁹. В этом уставе были отмечены три направления в надзоре властей за крестьянами: охрана общественного порядка, личной и имущественной безопасности; меры против крестьянских несчастий – эпидемий, пожаров, падежей скота; морально-нравственное воспитание казенных крестьян.

Статьи Сельского полицейского устава требовали от крестьян сохранять верность существующей власти (ст. 24 – 25). Запрещалось нарушать общественное спокойствие, развязывать драки, укрывать неблагонадежных (ст. 26, 38 – 39, 46, 49). Вводилась сложная система билетного и паспортного учета при отлучках крестьян с места жительства (ст. 50 – 59). Устав в деталях определял, каково должно быть поведение крестьян для их же блага, например: не употреблять в пищу незрелых плодов, недопеченого хлеба (ст. 79), не готовить пищу в медной нелуженой посуде (ст. 81), не заходить в деревянные здания с зажженной свечой (ст. 99) и прочее. От крестьян требовали соблюдать чистоту на улицах в санитарных целях, обязательно прививать младенцев от оспы и так далее. Большинство статей имели запрещающий или упреждающий характер, лишь несколько из них были посвящены правам крестьян: они охраняли крестьянское имущество (ст. 60 – 73). Многие статьи уделяли внимание нравственному воспитанию крестьян: налагались запреты на нищенство, «неблагопристойные песни, речи, поступки», на нарушение церковного благочиния (ст. 1 – 7, 28 – 31, 34, 37). Забота властей о духовной пище крестьян выражалась также в запретах и обязанностях.

Таким образом, Сельский полицейский устав, продолжая законодательно оформлять попечительную политику властей по отношению к жизни государственной деревни, являлся сводом повелений, об-

ращенных к казенным крестьянам. Суть устанавливаемых норм нашла свое отражение в ст. 42: «Государственные крестьяне должны обходиться со всеми мирно и ласково, младшие почитать старших, работники повиноваться хозяевам, оказывать взаимное уважение и дружество, в несчастных случаях – возможную помощь и одолжение».

Проведение в жизнь норм Сельского полицейского устава возможно было только при наличии другого закона – Сельского судебного устава¹⁰. Первая часть этого устава содержала положения о судопроизводстве по спорам и тяжбам государственных крестьян. Судебными органами для казенных крестьян объявлялись сельская расправа, волостная расправа и общие судебные органы – уездные и земские суды. Сельская расправа была доступным для крестьян судом, решавшим дела быстро и мирно. Волостная расправа являлась апелляционной и кассационной инстанцией, контролировавшей сельскую расправу. При решении дел в общих судебных органах во всем содействовать казенным крестьянам должен был окружный начальник. В уездных и земских судах продолжительность разбора дел могла затянуться, в этом смысле сельские и волостные расправы имели существенное преимущество, приговоры последних приводились в исполнение через сельских старост немедленно. Судебный устав вводил в систему судопроизводства и некие новшества: за неосновательную жалобу взималась пеня в 50 коп. сер., а несостоятельные ответчики в качестве наказания могли быть отданы в общественные работы. Тамбовские крестьяне не увлекались написанием ничем не обоснованных претензий, лишь в 1844 г. был взят под строгий надзор «писатель затейливых и недельных просьб» крестьянин Щелочилин из села Студенок Липецкого уезда¹¹.

Со временем все меньшее количество крестьян можно было отнести к неимущим, поэтому меньше становилось несостоятельных ответчиков: в 1844 г. к общественным работам приговорили 603 человека, в 1852 г. – 1 человека¹².

В 40-х гг. XIX в. один из чиновников Тамбовской палаты государственных имуществ писал, что наведение порядка в казенных селениях «много содействуют сельские расправы, доставляющие обиженному удовлетворение, преследующие малейшие нравственные преткновения»¹³. Сельские и волостные расправы губернии проводили большую работу.

Таблица 8

Состояние дел в сельских и волостных расправах¹⁴

Годы	Рассмотрено дел	Число подвергшихся осуждению людей
1844	2095	3608
1849	1278	2846
1850	1236 (1106 решены, 22 отданы в общие суды)	4314
1851	1329	3452
1852	1087 (979 решены, 17 отданы в общие суды)	2661

Большинство дел находили свое решение в сельских и волостных расправах, что укорачивало и упрощало всю процедуру для крестьян и разгружало и без того переполненные работой уездные и земские суды.

Сельский судебный устав в своей второй части классифицировал проступки государственных крестьян, устанавливал меры наказания за них в порядке судопроизводства.

Виновный в противоправном деянии крестьянин не всегда проходил процедуру разбирательства в своем сословном суде, только если проступок был им совершен на казенной земле и без участия людей из других сословий. Если в проступке были виновны еще и помещичьи крестьяне, то дело рассматривалось в земском суде (то же, если на помещичьей территории); если проступок регистрировался в городе, то этим занималась городская полиция (ст. 225, 228 – 230).

Казенные крестьяне несли ответственность за следующие категории противоправных деяний: против правительства (1), против уставов о повинностях, казенного управления и благоустройства (2), против безопасности жизни и общественного состояния лиц (3), против законов о праве на имущество (4),

против церковного благочиния (5), за недостойные поступки и соблазны (6). В зависимости от того, что устав признавал менее или более серьезными проступками, устанавливалась и градация наказаний: денежные взыскания, общественные работы, розги, тюремное заключение, принудительное возвращение на прежнее место жительства, отдача в солдаты, ссылка на поселение или на каторгу в Сибирь. Самым предпочтительным видом наказания и, как считалось, наиболее приемлемым для крестьян признавалось употребление провинившихся в работы. В Тамбовской губернии этому виду наказания подвергали по большей части неплательщиков податей.

Чиновник особых поручений Тамбовской палаты государственных имуществ Полянский в 1843 г. писал: «Что же касается до влияния, производимого высылкой на работы, на неплательщиков, то такая мера должна иметь главное и сильное влияние не на высланных, а на оставшихся в местах жительства крестьян, которые для избежания высылки делают более заботливыми к очищению лежащих на них повинностей. Дальние должны чувствовать наказание по случаю отдаления их от домов и семейств, но ближние сами добровольно и охотно идут на работы, даже и такие, на которых нет податных недоимок (которые однако в работы не принимаются). То, что эта мера действует на высланных, не видно»¹⁵. Таким образом, крестьяне, пришедшие на общественные работы из дальних районов испытывали больше психологический дискомфорт, чем вину за неуплату налогов. Этот эффект крестьяне испытывали еще до прибытия на место работ, так как туда они отправлялись как заключенные: партиями по несколько десятков или даже сотен человек от уезда в сопровождении унтер-офицеров. Крестьяне же, проживавшие близко к месту общественных работ, приходили туда в надежде заработать дополнительные средства в свой скудный бюджет, ведь, к примеру, на Центральной учебной ферме под Липецком за день работы платили пешему по 0,4 руб. асс. и 0,8 руб. асс. – конному (но конных крестьян было очень немного)¹⁶. Чтобы крестьянина отпустили домой, ему необходимо было заработать 10 руб., а значит провести на ферме множество дней, занимаясь вырубкой леса, выкорчевыванием пней и вывозом дров¹⁷. Большую часть заработанного крестьяне отчисляли в счет долга, но кое-что они увозили с собой: например, за 1843 г. через работы на Центральной учебной ферме прошли 1704 человека, их чистый доход в совокупности составил 3011 руб. 90 коп. сер¹⁸.

Большинство провинившихся крестьян проходили через наказания малой и средней тяжести: денежные штрафы, общественные работы, розги. А серьезным наказаниям – ссылка на поселение или на каторгу в Сибирь, арестантские роты – подвергались немногие.

Таблица 9

**Статистические данные по осужденным крестьянам
за преступления с тяжелой формой наказаний
(о категориях преступлений смотреть выше)¹⁹**

Классификация преступлений	Годы						
	1840	1841	1843	1844	1847	1850	1852
1	6	0	4	0	4	1	3
2	1	5	2	3	4	1	3
3	8	16	8	10	16	52	12
4	22	11	13	17	31	0	33
5	11	0	1	4	0	0	1
6	1	0	1	1	8	7	1
Итого	49	32	29	35	63	61	53

Таким образом, наибольшее число преступлений, за совершение которых казенные крестьяне Тамбовской губернии понесли суровые наказания, это убийства, тяжкие телесные повреждения, грабежи и воровство.

Большинство дел о крестьянских проступках решалось в сельских расправах, они же и занимались расследованием происшествий. Лишь самое суровое наказание требовало прохождения всех инстанций и окончательного утверждения губернатора (сельская расправа, волостное правление, окружный начальник, палата, губернатор). Сословный суд для государственных крестьян был создан и успешно работал. Обвиняемый, согласно статьям Сельского судебного устава, имел даже права: он мог оказать недоверие членам суда, если считал их причастными к делу, мог не согласиться с наказанием розгами, мог

за нарушение семейных норм не подвергаться осуждению через судебное разбирательство, а привилегированная часть крестьянства (имевшие ордена и медали, более трех лет занимавшие выборные должности) могла подавать апелляции, если грозило телесное наказание или заключение под стражу (ст. 221 – 223).

Сельский судебный устав опирался на уже существовавшие нормы: Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав о содержании под стражей, Законы уголовные и так далее. Однако новый закон имел преимущества перед предыдущими, к ним можно отнести обязательную силу приговоров, точное определение судебной процедуры, приближение суда к крестьянскому населению, не говоря уже о том, что теперь все нормы были собраны в один документ. Сословный суд для казенных крестьян стал доступным, быстрым за счет устного рассмотрения дел, простым из-за детальной регламентации его работы, в большинстве случаев не страдал при судопроизводстве множественностью инстанций; предпочиталось примирение сторон в спорах, устанавливались сроки для призыва ответчика, для обжалования и для приведения в исполнение приговора, сроки эти были краткими; предусматривалось право отвода судей. В число же недостатков нового устава входят следующие: разделение крестьян на неравноправные перед законом прослойки, сохранение телесных наказаний, отсутствие зафиксированных максимальных границ высших приговоров, порождавшее произвол со стороны властей (наказание розгами, заключение под стражу), фактическое слияние администрации и суда в лице волостного головы или сельского старшины, возможность давления на суд со стороны окружного начальника и палаты государственных имуществ.

Итак, Сельские полицейский и судебный уставы определяли своими нормами общественную и личную жизнь государственных крестьян, работу крестьянского суда вполне в духе законодательства крепостнического государства. Все положения полицейского устава пронизаны мелочной опекой со стороны властных органов над казенной деревней. Наказания, установленные судебным уставом, предусматривались за широчайшую сферу отношений, усиливая тем самым личную несвободу государственных крестьян. Все определялось не правом, а обязанностью. Даже забота государства о здоровье и жизни подвластных ему крестьян выражалась через угрозу наказания. Как справедливо определил академик Н.М. Дружинин, противоречие между двумя частями Сельского судебного устава отразило противоречие всей реформы: с одной стороны, государство стремилось закрепить за казенными крестьянами права «свободных сельских обывателей», с другой стороны, сковывало крестьянскую жизнь средствами попечительно-полицейской власти²⁰.

Проект Главных оснований хозяйственного устава, разработанный до начала реформы министерством государственных имуществ, так и не стал законом, остался набором рекомендаций для постепенных и долговременных преобразований в области экономики казенной деревни. Земельный вопрос предполагалось решить путем организации кадастра, ликвидации чересполосицы, установления достаточного для нормального хозяйствования крестьянского земельного пая, переселения безземельных и малоземельных. Земельная община сохранялась как традиционная форма жизни и деятельности крестьян и удобная для самого государства структура. В отношении повинностей казенных крестьян предлагалось придать оброчному душевому сбору характер налога с доходов от земли и промыслов, уравнивать между обществами натуральные земские повинности и перевести их в денежную форму. Важной мерой должно было стать учреждение хозяйственного капитала для реализации попечительных мероприятий, при этом необходимо было организовать общественный сбор. Проект хозяйственного устава обращал внимание и на заведение общественной запашки как меры по реорганизации продовольственного дела. С целью подъема благосостояния казенной деревни предполагалось всячески поощрять действия, направленные на улучшение состояния сельского хозяйства и крестьянских промыслов²¹.

Киселев П.Д. задумывал провести в государственной деревне и другие мероприятия, не предусмотренные «Изложением главных оснований преобразования управления государственными крестьянами и имуществами»: создать более совершенную систему отбывания рекрутской повинности, укрепить гражданские права казенных крестьян, уравнивать во всех отношениях различные категории государственных крестьян и объединить их в одно сословие «свободных сельских обывателей».

В законах, явившихся нормативной основой реформы – об учреждении нового министерства, о структуре и компетенции его местных органов, о полицейских и судебных мерах, регулировавших жизнь казенной деревни, – подробно регламентировались функции органов новой системы управления государственными имуществами и казенными крестьянами, облекались в юридическую форму все возможные отношения, возникающие в сфере административной власти, потому что регламентация традиционно считалась в российских верхах залогом законности и порядка.

Эти законы утвердили и закрепили по отношению к казенной деревне систему «государственного феодализма»: вся казенная земля, включая и крестьянские надель, была юридически признана собственностью государства, оно по-прежнему выступало как хозяин по отношению к казенным крестьянам, платившим ренту за пользование землей. Также была установлена система организации охраны государственных имуществ от насильственных захватов и незаконных земельных сделок.

Подробное развитие в новых законодательных актах получила идея попечительства о государственных крестьянах. Все стороны жизни общины и семьи были поставлены под опеку и руководство учрежденным органам управления казенной деревней. Сельские полицейский и судебный уставы своими нормами регламентировали поведение государственных крестьян.

Несмотря на то, что реформа предполагала сохранить с помощью закона самобытность государственного крестьянства, но гражданские права были очень слабо отражены в актах 1837 – 1841 гг. Попытка утвердить личную и имущественную правоспособность крестьян противоречила подчинению всех сторон крестьянской жизни государственной опеке. В законодательных актах все было очень четко регламентировано, реальная же действительность вносила свои коррективы в теорию.

Многочисленные, облеченные широкой властью административные органы управления государственной деревней контролировали и руководили выборными органами самоуправления крестьянской общины. Сельское и волостное управления были сконструированы как орудия правительственной власти. Суд и администрация на этом уровне не были разделены. В данном вопросе, как и в вопросах об организации всесторонней опеки над крестьянами, о подчинении общины органам чиновничьего управления и прочих укреплялось действовавшее право. Идея постепенного прогресса включала в себя задачу реформаторов как можно меньше изменять существующие правовые отношения, вырабатывать новые законы на основе традиционных юридических институтов. Таким образом, основой для законодательных актов, оформивших реформу 1837 – 1841 гг., стал Свод законов Российской империи в форме свода государственных и губернских учреждений, Устава о благоустройстве в казенных селениях, Устава о предупреждении и пресечении преступлений и других кодексов. Старые нормы использовались как элементы новой конструкции, получая собственное толкование и выражение.

Глава 3 СОЗДАНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ И КАЗЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

Реализация реформы началась с деятельности так называемых Приуготовительных комиссий по приему государственных имуществ из ведомства Казенных губернских палат в распоряжение нового управления. Приуготовительные комиссии стали открываться по мере окончания ревизии в губерниях и продолжать работу, начатую ею. Они обязаны были проверять размеры крестьянских недоимок, подготовить материалы для полюбовного размежевания земельных угодий между казной и частными лицами, выяснить объем и содержание сдаваемых Казенными палатами дел и составить подробные ведомости по приему государственных имуществ; вообще вопросам счетоводства и правильного делопроизводства уделялось особое внимание.

В феврале 1837 г. в Тамбов пришла «Инструкция Комиссии для приуготовительных распоряжений», в которой говорилось, что эти учреждения будут открыты в 13 губерниях не позднее 1 сентября 1837 г. В документе отражался план действий каждой Приуготовительной комиссии: «привести в ясность сведения, которые оказались при ревизии в беспорядке», а именно, о недоимках, поземельном владении, материалы о земельных переделах; собрать воедино и приготовить все дела для передачи в новое управление; составить собственные предложения об образовании округов государственных имуществ, волостей и сельских обществ, о рациональном ведении лесного хозяйства и так далее¹.

Выполняя первый пункт, Приуготовительная комиссия вместе с подчиненными ей уездными должна была знать содержание донесений ревизоров о состоянии дел в губернии и перепроверить эти сведения. Уездные комиссии проверяли недоимки по ведомостям уездных казначейств и волостных правлений, приводили расчеты в порядок. О поземельном владении сведения собирались от Казенной палаты, Специального комитета по размежеванию, губернского землемера и уездных судов. Данные о спорных делах по земельному вопросу брали из документов Казенной палаты, определяя, в чьем владении на данный момент находится спорное имущество и на чем основывается дело.

По второму пункту Комиссия должна была собрать множество сведений и документов о казенных крестьянах и государственных имуществ, которые были рассредоточены по различным учреждениям, конторам. К примеру, материалы о вольных хлебопашцах надо было искать в канцелярии губернатора, а о бывших удельных крестьянах – в конторе государственных имуществ². Необходимо было обработать

дела, описи, планы с 1828 г. Все бесспорные и решенные дела передавались в архив, а нерешенные отдавались в ведение учреждений нового управления. В обязанность Комиссии входила проверка по данным Казенной палаты рекрутских списков и составление очередных таких списков. Особо заводились следующие ведомости: о казенных крестьянах и их земле, о мирских оброчных статьях, о запасных хлебных магазинах, о недоимках, о делах волостных правлений, о спорных делах по государственным имуществам и прочее.

Для исполнения последнего пункта в отношении образования округов, волостей и сельских обществ необходимо было сверяться с картами, планами, составленными землемером из Казенной палаты. При содействии губернского и окружных лесничих надо было собрать достаточное количество сведений для того, чтобы сделать свой вывод об образовании местной системы управления казенными селениями и государственными имуществами. Приуготовительная комиссия должна была решить вопрос о возможности оставить самовольных переселенцев на новых местах жительства, учитывая, что «Инструкция...» признавала многоземельными губерниями Екатеринославскую, Астраханскую, Саратовскую, Оренбургскую и Кавказскую область (в три последние впоследствии стали отправлять малоземельных казенных крестьян из Тамбовской губернии)³.

Приуготовительная комиссия отправляла свои предложения и выводы в V Отделение через каждый месяц. Все собранные сведения проходили длинную цепочку передачи: от губернской Приуготовительной комиссии к гражданскому губернатору, а потом – в V Отделение. Материалы, касающиеся нового управления, должны были быть собраны Приуготовительной комиссией ко времени открытия губернской палаты государственных имуществ.

Комиссия работала под руководством и при содействии гражданского губернатора. Она состояла из старшего и двух младших чиновников от V Отделения и двух чиновников от министерства финансов⁴. Эти пять человек должны были проделать гигантскую работу по передаче всех дел, касавшихся казенных крестьян и государственных имуществ, в новое управление. Чиновникам, направляемым в Тамбов во главе с Ельчаниновым, старшим из них по должности, имевшим двадцать лет бессрочной службы и самые лучшие рекомендации, было выдано на подъем 1000 руб. асс., суточных на три месяца и прогонные деньги на проезд до места назначения⁵. И уже 17 марта 1837 г. начала свою работу Тамбовская Комиссия приуготовительных распоряжений⁶.

Приуготовительная комиссия с самого начала развернула бурную деятельность. Многочисленные задачи нового учреждения и нехарактерные для российской бюрократии достаточно короткие сроки исполнения входили в противоречие с привычным неторопливым ритмом работы чиновников на местах. К примеру, 20 марта Комиссия просила Тамбовскую Казенную палату доставить в кратчайшие сроки сведения о крестьянских недоимках, лишь 10 апреля задание было выполнено: недоимка к 1 марта 1837 г. по губернии составляла 612 621 руб. 25 коп. асс.; однако после перепроверки оказалось, что недоимка превышает первоначальную цифру более, чем на 1000 руб. – 613 893 руб. 66 коп. асс. (но и эти данные не были окончательными, как выяснилось впоследствии)⁷. Ведомости обо всех оброчных статьях, принадлежащих казне и отдельно мирским обществам по каждому уезду, также пришедшие в Приуготовительную комиссию с опозданием, ничего не говорили о качестве казенной земли (удобная, неудобная, пахотная, луговая, под лесом и так далее); в отношении оброчных статей, находящихся во владении казенных крестьян, Казенная палата прислала материалы только о мельницах, но и они не были точны, а о земельных статьях сведений вообще не было доставлено⁸. Отвечая на повторный запрос Комиссии, Казенная палата не дала исчерпывающих данных о количестве земельных угодий в оброчных статьях, а сведения о некоторых по-прежнему отсутствовали.

Сведения о запасных хлебных магазинах были предоставлены Казенной палатой лишь по трем уездам: Моршанскому, Кирсановскому и Спасскому⁹. В ведомостях о спорных делах между казной и частными лицами, полученных Комиссией, были «помещены дела, вовсе не относящиеся до государственных имуществ», в некоторых местах нельзя определить принадлежность чего-либо казне, «содержание дел не ясно, отметки неполные, вместо начальных обстоятельств, по которым возникло дело, показаны последующие предписания Сената, министра финансов, департамента государственных имуществ»¹⁰. Подобные неполные, неточные или искаженные материалы направлялись обратно в Казенную палату – главному поставщику сведений для Приуготовительной комиссии, что требовало дополнительного расхода времени и отражало, как на самом деле на местах ведутся дела и работают чиновники. Поэтому Приуготовительная комиссия направила в уезды особых чиновников для сбора и проверки информации на местах.

Требуемые Приуготовительной комиссией сведения всегда приходили с опозданием. Журналы о работе Комиссии пестрят замечаниями о том, что «запрос ожидает исполнения через весьма продолжи-

тельное время»¹¹.

Иногда чиновники Казенной палаты делали вид, что не понимают сути запросов Приуготовительной комиссии, например, вместо требуемых сведений о чересполосном владении казенных крестьян и помещиков с показанием обоюдных прав Казенная палата прислала реестр селениям государственных крестьян, имеющим земли в чересполосном владении с частными лицами, и реестр по крепостному владению. Комиссия, «найдя сведения сии недостаточными ни к какому соображению», отправила их обратно¹².

О том, сколько дел накопилось в Приуготовительной комиссии уже через десять дней после открытия, говорит тот факт, что в помощь архивариусу было откомандировано девять канцелярских чиновников¹³. Дела описывались, решенные сдавались в архив, а нерешенные откладывались до времени, потому что их оказалось так много, что все быстро решить было невозможно. Скажем, в конце апреля 1837 г. уже зарегистрировано более 300 нерешенных дел о крестьянских недоимках по оброчным статьям. Кроме того, стало известно, что с открытием Приуготовительной комиссии Казенная палата отослала по уездам и земским судам более 1000 нерешенных дел по хозяйственному отделению, а сама Комиссия получила из этого числа лишь 48 дел, естественно, что члены Комиссии не могли «принять за достоверное, чтобы по хозяйственному отделению, столь многосложному, было такое малое число нерешенных дел»¹⁴. Приуготовительная комиссия не могла составить проект о лесной страже, подготовка которого значилась в «Инструкции Комиссиям для приуготовительных распоряжений», так как даже к июню 1838 г. не было точных сведений о существовавших в губернии на данное время лесных пространствах¹⁵.

Вообще по лесному ведомству было открыто более 1000 нерешенных дел¹⁶. Медлительность в составлении документов происходила от недостатка сведений, многое приходилось извлекать из архивов, часть данных отсутствовала. Лишь в июне 1837 г. удалось собрать сведения от лесного ведомства о землях, отданных на этот год в оброк: 5249 десятин в 118 оброчных статьях по всем уездам¹⁷. И в дальнейшем данные поступали в большинстве случаев об оброчных статьях и доходах с них, а вот сведений о состоянии лесов в губернии, их качестве и способах использования почти не было.

В апреле 1837 г. Комиссия стала активно работать с межевой канцелярией по поводу составления предложений об образовании округов и сельских обществ: копировали планы уездов для большого атласа Тамбовской губернии¹⁸. Без посредничества волостных правлений невозможно было решить этот вопрос, но Комиссия и здесь встретила множество затруднений: отсутствие ведомостей о состоянии государственных имуществ, карты уездов содержали неточные описания, в некоторых же уездах «настоящих волостных голов и писарей нет, исполняющие должность первых недавно определены и ни о чем понятия не имеют, а писари малограмотные»¹⁹. Для сбора сведений о составе сельских обществ для составления карт Комиссия была вынуждена послать своих собственных чиновников в Лебедянский, Моршанский, Липецкий и Темниковский уезды, так как оттуда не пришло необходимых данных²⁰. При содействии этих чиновников и были составлены карты данных уездов с подробными описаниями к концу июля 1837 г. К августу губернский землемер отдал в Комиссию карты по Тамбовскому и Усманскому уездам, составленные с учетом предложений об образовании сельских обществ²¹. Все эти предложения вполне могли восприниматься как новшества, так как прежние контролирующие органы со своими обязанностями не справлялись, крестьянское самоуправление было развито слабо, отсутствовали школы и больницы для казенных крестьян, сами крестьяне и их местное начальство не всегда могли точно определить границы своего владения, с одной стороны, и границы полномочий с другой.

Комиссия затребовала от Казенной палаты и губернского землемера данные о земельных владениях государственных крестьян, единственном и чересполосном. Губернский землемер ограничился тем, что составил список казенных селений, находившихся с помещиками в чересполосице. Из данной информации, по мнению чиновников Комиссии, «ничего извлечь невозможно для выработки предложений об основаниях полюбовного размежевания»^{xxii}. От Казенной палаты была получена выписка о количестве земли единственного владения казенных крестьян – 1 004 174 дес., о количестве земли общего с помещиками владения – 1 268 764 дес.^{xxiii} Однако это неточные цифры, так как в отчете Комиссии за 1837 г. после всех уточнений и проверок о количестве земли в общем владении появились другие данные: 1 483 247 дес., что выявляет ошибку в 214 483 дес.^{xxiv} Опираясь на документы столичных архивов, Н.М. Дружинин установил, что в единственном владении казенных крестьян тамбовской губернии находилось 1 935 035 дес. земли, значит, Казенная палата не учла 930 861 дес.^{xxv} Чиновники Комиссии часто упрекали своих коллег из Казенной палаты в том, что многие данные страдают неточностями и ошибками, поэтому к сведениям из Казенной палаты надо относиться с осторожностью.

Особое внимание Комиссия уделяла вопросам, связанным с крестьянскими недоимками. В июне

1837 г. в каждом уезде учреждалась комиссия для проверки крестьянских недоимок^{xxvi}. Комиссии эти состояли из уездного стряпчего и по одному дворянскому заседателю от уездного и земского судов. Обязанности данных учреждений состояли в том, чтобы проверить показания недоимок по ведомостям уездных казначейств, сравнить их со сведениями волостных правлений, записать в окладные листы недоимки по каждому сельскому обществу и разложить долги на крестьянские семейства, так как из-за запутанности счетов сами крестьяне этого сделать не могли.

Уездные комиссии по проверке крестьянских недоимок встретили в своих изысканиях следующие затруднения: в волостных правлениях документы к проверке не были приготовлены, счетоводство по ним велось беспорядочно, кое-где ведомости о недоимках вообще никогда не велись; почти везде просматривалась разность данных о недоимках, которые отражались в документах уездных казначейств и Казенной палаты; недоимки одного уезда могли числиться на других уездах, долг крестьян нескольких селений мог быть показан лишь для одного, по остальным же сведениям не было, многие штрафные статьи в уездных казначействах числились за упущения на людях, фамилии которых и место жительства не были известны, в число казенных крестьян иногда включались помещичьи и так далее^{xxvii}. В целом сведения о недоимках собирались с большим трудом, например, Шацкое уездное казначейство доставляло в уездную комиссию трижды данные о недоимках, все они были признаны неполными^{xxviii}. Несмотря на сложности, проверка позволила сделать ряд выводов. При сравнении данных из различных источников достаточно точно определяется число душ казенных крестьян губернии к 1837 г. Сведения о недоимках были иллюстрацией хозяйственного положения государственной деревни. Так как документация велась плохо, то цифры долгов по повинностям казенных крестьян следует все-таки считать приблизительными, хотя данные о них долго накапливались и не раз проверялись. Исходя из собранного материала, составим таблицу.

Таблица 10

**Материалы из ведомости Тамбовской Казенной палаты
о недоимках государственных крестьян
(к 1 января 1837 г. в руб. асс.)²⁹**

Уезд	Податная, оставшаяся с 1836 г.	податная с 1836 г. рассрочен-	Суда	погорель-	погорель-	рассрочен-	Рекрутские	штрафные и	складочные	за пропис-	ку	по 8 ревизии
Тамбовский	430 670	45 598	—	22	345	—	2656	—	—	—	1500	—
Козловский	103 346	14 522	—	—	—	—	2027	—	—	—	3250	—
Лебедянский	86 021	498	—	—	—	—	485	—	—	—	750	—
Усманский	587 647	109 034	—	—	—	—	1635	—	—	—	500	—
Липецкий	111 506	—	—	—	—	—	11 768	—	—	—	2750	—
Борисоглебский	541 306	6808	—	—	—	—	2669	—	—	—	—	—
Кирсановский	74 989	7191	—	—	—	—	1871	—	—	—	—	—
Моршанский	16 789	1915	—	—	7950	—	18 077	—	—	—	250	—
Шацкий	35 476	116 221	—	—	—	—	511	—	—	—	1250	—
Спасский	219 634	776 466	75 1	18 709	—	—	3230	—	—	—	500	—
Темников-	193	—	35	175	—	—	1318	—	—	—	500	—

ский	071					
Елатом-ский	22 004	110 312	–	–	519	–
Всего	2 236 905	1 653 401	78 6	49 179	70 771	11 250

Таким образом, недоимка казенных крестьян по вышеперечисленным статьям к началу 1837 г. составляла 4 022 576 руб. асс. Если же к этой цифре прибавить недоимки по многочисленным штрафам, не зафиксированным в таблице, и долги по оброчным статьям, то окончательный результат получится следующим – 5 380 575 руб. асс.³⁰ Эта огромная сумма наглядно демонстрировала, сколь бесприбыльно для государства и сколь убыточно для крестьян было положение казенной деревни. Даже казенные оброчные статьи, которые должны были приносить хорошие доходы государству от их хозяйственного использования, такового не давали, а к 1 января 1837 г. недоимки по оброчным статьям в общей сложности по всей губернии составляли 783 566 руб. асс.³¹ Кстати, при подсчете этой цифры выявились неточности в количестве десятин земли в казенных оброчных статьях, допущенные в отчетах Казенной палаты Комиссии. По сдаточной ведомости было показано лишь 109 120 дес. оброчных земель, хотя на самом деле в оброчных земельных статьях находилось 318 503 дес. (разница в 209 185 дес.)³². Как отмечалось в документах Приуготовительной комиссии, показанные земли оброчных статей в ведомости Казенной палаты «не заключают в себе действительного числа бывших в оброке земель, многие земли высказаны вдвойне для указания на них одной недоимки, а некоторых земель показано не было, так как на них не имелось недоимок»³³.

Такая же ситуация сложилась и при подсчете размеров лесных угодий казны: в документах о генеральном межевании по губернии значилось 909 596 дес., по данным Казенной палаты – 669 707 дес., а по описаниям лесничих на местах – только 513 081 дес. (разница до 400 дес.)³⁴.

Гражданский губернатор Гамалея, зная положение дел в губернии и режим работы местных чиновников, понимал, что невозможно иметь точных сведений о состоянии государственных имуществ, поэтому предлагал чиновникам Приуготовительной комиссии «дать сведения хотя бы в том виде, в каком они находятся», а собранные данные постоянно пополнять архивными документами, прежде всего из недр Казенной палаты³⁵.

На сбор данных по каждому мирскому обществу отводилось не более двух дней, за такой срок не удавалось найти по ряду вопросов точных документальных данных о состоянии государственных имуществ. Поэтому мирские оброчные статьи проверялись на местах на основании устных показаний, а ведомости о промыслах казенных крестьян утверждались со слов волостного и сельского начальства. В документах из Казенной палаты не указывалось, к каким категориям казенного крестьянства принадлежали члены того или иного мирского общества. Ответственность за все упущения при сборе сведений возлагалась на членов уездных комиссий, поэтому данные проверки состояния государственных имуществ и положения казенных крестьян хоть и нельзя считать абсолютно точными, но весьма приближенными к действительности – несомненно.

Уездные комиссии обязаны были еженедельно доносить о результатах своей работы губернской Приуготовительной комиссии, а она каждые две недели доставляла сведения о своих действиях гражданскому губернатору для оповещения V Отделения и составления рапортов лично для П.Д. Киселева³⁶.

Чиновники Приуготовительной комиссии должны были, «не входя до открытия управления ни в какие распоряжения и удерживаясь от всяких объяснений, могущих возбудить в государственных крестьянах опасения насчет будущего их положения», при всех удобных случаях внушать крестьянам, что новое управление учреждается для покровительства от притеснений. Одновременно поручалось ликвидировать «неосновательные слухи, возникшие в некоторых местах, что управление сие будто бы устраивается по примеру удельному или военных поселений; во всех подобных случаях надлежит кротким внушением удостоверить поселян, что слухи сии не имеют никаких оснований и что положение их нисколько не изменится»³⁷. Видимо положение дел в государственной деревне было настолько устоявшимся, что любые попытки как-либо изменить ситуацию рождали в крестьянской среде слухи, а поскольку отношение к властям и ко всему тому, что исходит сверху, среди крестьян было всегда настороженным и даже враждебным, то эти слухи могли приобрести нежелательную и весьма опасную для хода преобразований окраску.

Правительство опасалось крестьянских выступлений, подобных волнениям начала 30-х гг. XIX в. Кстати, холерный бунт в Тамбовской губернии в 1830 г. взбудоражил местные и столичные власти, а усмирять волнение пришлось при помощи войск³⁸. Поэт Вяземский записал по поводу холерных выступлений в 1830 г.: «Любопытно изучать народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость неволи к воле всемогущей связывается здесь решительно. Даже и наказания божии почитаются наказаниями власти. Из всего, изо всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный»³⁹. Крестьяне всегда опасались ухудшения своего положения и боялись всяческих преобразований, могущих изменить традиционный уклад жизни, крестьянское консервативное сознание отталкивает новшества. Поэтому проведение реформы государственной деревни надо было предупредить уговорами, разъяснениями, успокоением крестьян. Скорее всего, тамбовским властям это удалось, так как об опасной форме предубеждения казенных крестьян против введения нового управления в губернии сведений не имеется, в отличие от холерного бунта 1830 г.

Итак, Приуготовительная комиссия собирала сведения о состоянии государственных имуществ и положении казенных крестьян, готовясь к передаче дел в ведение нового управления. Императорский указ от 30 апреля 1838 г. предусматривал открытие этого управления в Санкт-Петербургской, Московской, Курской, Тамбовской и Псковской губерниях⁴⁰. А указом от 26 декабря 1837 г. в данных губерниях надлежало учредить палаты государственных имуществ на три года в виде опыта⁴¹. Это время давалось на сбор «обстоятельных сведений об удобствах применения новых правил и необходимости допустить изменения»⁴².

Тамбовская палата государственных имуществ (ТПГИ) и окружные управления начали работать с 1 июля 1838 г.⁴³ Палата располагалась в центре Тамбова, на Базарной площади, в доме, нанятом за 2 тыс. руб. асс. в год у почетного гражданина Суворова⁴⁴.

Архивные дела за десять лет и нерешенные дела лесного и хозяйственного отделений были приготовлены к передаче палате по первому ее требованию, а текущие дела были доставлены в ее распоряжение уже 2 июля.

V Отделение прислало палате бумагу, разъяснявшую, что заключают в себе новые положения об управлении государственными имуществами. А они предполагали, во-первых, учреждение палаты, окружного, волостного и сельского управлений, во-вторых, ввод в действие законодательных актов, призванных регулировать управление казенной деревней. В наставлении палате говорилось: «Так как уставы не могут быть в скором времени изданы, то обязанностям нового управления быть должны следующие: отделив из зависимости земской полиции предмет хозяйственного управления, принять оный в непосредственное свое ведомство, защита поселян, контроль за исполнением с их стороны определенных законом повинностей, наблюдение за сельским благоустройством»⁴⁵. От палаты в ее работе требовалась не столько скорость, сколько основательность.

1 июля 1838 г. было открыто 7, а чуть позже и все 9 окружных управлений: Липецкое (Липецкий и Лебедянский уезды), Елатомское (Елатомский, Шацкий и Темниковский уезды), Тамбовское, Козловское, Усманское, Борисоглебское, Кирсановское, Моршанское и Спасское. По обширности земельных пространств округа, из-за больших расстояний между казенными селениями и многочисленного подведомственного населения первым двум округам был присвоен I разряд, всем остальным – II разряд⁴⁶. От разряда зависело количество задействованных в работе чиновников; так для I их полагалось 8 человек, а для II – 6 человек. В штате палаты первое время числилось 42 сотрудника: 9 в лесном отделении и 33 в хозяйственном⁴⁷.

Государственное казначейство ассигновало на первоначальное обзаведение палаты 1200 руб. асс., окружным управлениям – по 200 руб. асс.⁴⁸ Годовое жалование и столовые деньги чиновников были весьма приличными. Например, управляющий получал 10 тыс. руб. асс., окружный начальник – 3,5 – 2,8 тыс. руб. асс., помощник окружного начальника – 2,4 – 1,5 тыс. руб. асс., столоначальник палаты – 1 – 0,85 тыс. руб. асс., землемер – 1,2 тыс. руб. асс. Наименьший заработок был у писца низшего разряда – 180 руб. асс.⁴⁹ Высокие оклады в какой-то степени могли удержать чиновников от взяточничества.

Управляющим Тамбовской палаты государственных имуществ был назначен коллежский советник Ельчанинов, ранее занимавший должность старшего чиновника Приуготовительной комиссии⁵⁰. Окружными начальниками, которых выбирал гражданский губернатор, были как жители Тамбовской губернии (например, смотритель богоугодных заведений в Тамбове), так и неместные (например, уездный казначей Пензенской губернии или эконом в Тульском кадетском корпусе), но все окружные начальники и их помощники были дворянами⁵¹.

Следует отметить, что окружные начальники не занимали свою должность очень долго: сменяе-

мость начальства объясняется стремлением в новой системе уменьшить «эффект кормления» чиновников на местах. К 1840 г. вообще все окружные начальники, кроме одного, были заменены.

Таблица 11

Данные о «текучести» кадров на должности окружного начальника⁵² (1838 – 1843 гг.)

Окружное управление	1838	1839	1840	1841	1842	1843
Тамбовское	Стриневский	он же	Герасимов	Григорьев	он же	он же
Козловское	Рахманинов	Смирнов	он же	он же	он же	Миницкий
Усманское	Инсарский	Война	он же	он же	Ганин	он же
Липецкое	Волчков	он же	РЫНДИН	он же	он же	Давыдов
Кирсановское	Кутуков	он же	он же	Герасимов	он же	он же
Елатомское	Длотовский	он же	Соловьев	он же	он же	Губастов
Борисоглебское	Шнегас	Выше славцев	он же	он же	он же	он же
Моршанское	Корженевский	Фролов	он же	он же	он же	он же
Спасское	Шишов	он же	Яковлев	он же	он же	Березин

В отмеченном таблицей отрезке времени из 23 чиновников «долгожителями», занимавшими должность по 4 – 5 лет, являлись четыре человека.

Управляющие палатой тоже достаточно часто сменяли друг друга: Ельчанинов – с 1838 по 1839 гг., Степанов – с 1840 по 1841 гг., Калакуцкий – с 1842 по 1844 гг., Мейснер – с 1847 по 1848 гг.⁵³

Все начальники приходили с замечательными послужными списками и положительными отзывами начальства. За время исполнения своих обязанностей на высоких должностях в управлении государственными имуществами был уволен по обвинению в недобросовестном отношении к работе за период с 1838 по 1852 гг., судя по документам, только один человек – кирсановский окружный начальник Кутуков, уличенный в незаконных поборах с крестьян⁵⁴. Большинство подобных увольнений приходилось на тех, кто служил в волостных и сельских правлениях.

Управляющий палатой должен был проводить ревизии: общую – осенью – зимой, частные – в любое время⁵⁵. На палату возлагались широкие полномочия в решении всевозможных проблем относительно государственных имуществ. Она ведала устройством сельских обществ, волостей и округов, контролировала работу своих чиновников, занималась строительством церквей в казенных селениях и содержала чиновников, осуществляла наблюдение за сношениями государственных крестьян с представителями других сословий и различными ведомствами; собирала сведения о земельных пространствах, уравнивала земельные нормы селений и сельских обществ, наделяла, по возможности, нуждающихся земель за счет казенных незаселенных территорий и расчищенных лесов, проводила операции с землей для уничтожения чересполосицы, наблюдала за целостью, охраной и рациональным использованием казенных земель и лесов; отдавала оброчные статьи в содержание, наблюдала за исправным поступлением доходов с них, организовывала в казенных селениях базары, ярмарки, принимала меры ко взыска-

нию недоимок.

Палата государственных имуществ утверждала в должностях и контролировала работу крестьянских выборных, обязывалась готовить из крестьянских мальчиков оспопрививателей, сельских и волостных писарей, производила перепись населения, занималась переселением крестьян, следила за соблюдением крестьянами повинностей. Палата снабжала окружных начальников необходимыми законами и постановлениями, надзирала за соблюдением законности крестьянами и их повиновением властям, содействовала искоренению праздности и пьянства, нищенства и воровства, предпринимала противопожарные меры, утверждала санитарные и ветеринарные нормы, открывала приходские училища, следила за порядком и общим благоустройством в казенных селениях.

Список обязанностей палаты всем вышеперечисленным не исчерпывается. Это был высший контролирующий орган по управлению государственными имуществами в губернии, проводили же в жизнь требования палаты окружные управления.

Окружный начальник не только заведовал государственными имуществами у себя в округе, но и отвечал за них. Каждый окружный начальник мог приступить к исполнению своих обязанностей только

с утверждения его в должности самим министром государственных имуществ – столь важная роль отводилась работе окружного начальника.

Помимо всех прочих обязанностей, именно окружные управления имели непосредственный контакт с судами, где разбирались дела государственных крестьян. Суды с началом работы органов управления государственной деревней ограничивали свои действия в отношении казенных крестьян одним только полицейским наблюдением и обязаны были прекратить вмешательство в хозяйственное и административное устройство государственной деревни⁵⁶. Поэтому теперь окружные управления ведали тем, за что раньше отвечали суды: делами, по которым полагалось исправительное наказание, делами по обеспечению продовольствием крестьян, делами по крестьянским недоимкам, делами о спорах казенных крестьян между собой или изысканиями по хозяйственному управлению государственной деревней.

Деятельность окружных управлений началась с осмотра подведомственных территорий и объектов их начальниками. Например, тамбовский окружный начальник Стриневский за три дня объехал свой уезд и доложил палате государственных имуществ, что крестьяне из всех волостей уезда на сходке, «выслушав изустные его разъяснения статей, относящихся к управлению и попечению о них правительства, благословляли и приносили сердечную благодарность государю императору и правительству, пекущихся о них, как о людях покорных и достойных казенных милостей»⁵⁷. Может, Стриневский несколько преувеличил восторги крестьян по поводу намеченной работы по реформированию в государственной деревне, но о том, что введение нового управления вызвало неодобрительные слухи или ропот крестьян, нет ни одного замечания ни по одному из девяти округов Тамбовской губернии.

1 июля 1838 г. с началом работы ТПГИ и окружных управлений закрылась Тамбовская контора государственных имуществ, а ее чиновники, уже имея опыт в этой области, перешли в палату⁵⁸.

Таким образом, проведение реформы государственной деревни началось с деятельности Приуготовительной комиссии в губернии, собравшей почти все необходимые сведения, где это было возможно, о состоянии государственных имуществ и казенных селений, подготовившей открытие и план работы нового управления. Местные чиновники не сразу включились в быстрый темп работы Комиссии, из-за плохого состояния счетоводства и безобразного ведения прежней документации данные поступали с ошибками и опозданием. Почти все требовало уточнений и перепроверки, на этом терялось время, но это шло на пользу работоспособности местного бюрократического аппарата. Длинная цепочка сбора и передачи информации порождала медлительность, с одной стороны, но и педантичность в работе, с другой стороны.

Чиновники Приуготовительной комиссии имели дело со множеством контор и учреждений: Казенной палатой, канцелярией губернатора, конторой государственных имуществ, межевой канцелярией и так далее. Было выявлено громадное количество дел, относящихся к управлению государственными имуществами, в том числе казенной деревней, и по большей части нерешенных. Приуготовительная комиссия собрала достаточно точные сведения о числе государственных крестьян из губернии, о ее земельных пространствах, кроме лесных угодий, о хозяйственном положении казенной деревни. Данные, подготовленные Комиссией для учреждения нового управления, еще раз показали, что состояние государственной деревни оставляет желать лучшего, экономиче-

ского прогресса нет, а уже давно существует стагнация. Но опасения властей по поводу недовольства крестьян или даже сопротивления реформе для Тамбовской губернии оказались неосновательными.

Открывшиеся губернская и окружные палаты аккумулировали в себе все управление государственными имуществами и казенной деревней, которое раньше было рассредоточено по различным учреждениям. Палаты выполняли все, что им предписывало «Учреждение об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. Губернская палата стала главным распорядительным и контролирующим органом, окружное управление выполняло распорядительную и исполнительную функции и ведало непосредственным устройством сельского управления, волостные и сельские органы были лишь подчиняющимися, безынициативными управлениями, проводившими в жизнь указания губернской палаты и окружного начальства. Складывается впечатление, что до начала реформы государственной деревни все управление шло самотеком, а с открытием новой административной системы был установлен тотальный контроль над состоянием государственных имуществ и жизнью казенной деревни.

Итак, подготовка и реализация реформы проходили по традиционным для России бюрократическим принципам. Сперанский и Киселев, готовившие программу будущих преобразований, были сторонниками умеренного прогресса, последовательных и долговременных мер по усовершенствованию управления государственными имуществами и казенной деревней. Все программные документы в своей основе имели нормы существовавших на то время законодательных актов.

В основе правительственных мероприятий времен Николая I в качестве некоей общей тенденции лежало представление о том, что монарх и его правительство существуют для того, чтобы заботиться обо всех и обо всем, а забота граждан о самих себе могла рассматриваться как недоверие и неуважение к государству и тем самым политически опасная установка. Таким образом, законодательство о государственных крестьянах является характерным примером законодательства, построенного на принципе опеки и заботы свыше.

Главными целями реформы стали охрана государственных имуществ и попечительство над казенной деревней. Законодательные акты 1837 – 41 гг. определили функции системы нового управления, но недостаточно четко разграничили полномочия административных органов; они также организовали систему защиты целостности государственных имуществ и регламентировали все стороны жизни и деятельности казенных крестьян. Идея о предоставлении государственным крестьянам широких прав в экономической, юридической и административной сферах не нашла должного отражения в законодательных актах реформы. Действительность и традиции наложили свой отпечаток на замысел преобразований.

Новая система управления государственными имуществами и казенной деревней во главе с губернской палатой начала работать на базе, подготовленной деятельностью Приуготовительной комиссии, поэтому следует считать, что реформа в Тамбовской губернии началась с марта 1837 г.

Часть III

ПРОВЕДЕНИЕ В ГУБЕРНИИ ГЛАВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ РЕФОРМЫ

Глава 1 РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЗИМАНИЯ ПОДАТЕЙ И ОТБЫВАНИЯ ПОВИННОСТЕЙ

Все управление государственными крестьянами до реформы П.Д. Киселева имело задачей только извлечение фискальных выгод, учитывая, что казенная деревня находилась в ведении ведомства министерства финансов. Как отмечал один из исследователей государственной деревни С.А. Князьков, «если приходилось правительству тех времен обращать внимание на поземельное устройство и сословное управление, то это делалось лишь постольку, поскольку обещало гарантировать исправность казенных поступлений»¹. Крестьянин всегда рассматривался как должник государства – плательщик подушной подати и феодального оброка. Поэтому одной из целей реформы было обеспечение регулярного и достаточного поступления денежных средств в государственную казну через повышение платежеспособности казенной деревни. А для этого необходимо было осуществить регламентацию денежных сборов и натуральных повинностей.

Выше уже отмечалось, что вся совокупность денежных сборов в соединении с традиционными приношениями начальникам не соответствовала платежным силам казенного деревенского населения. По оценке Н.М. Дружинина, к 1838 г. недоимки казенных крестьян Тамбовской губернии составляли 1 021 699 руб. сер.² Это огромная сумма, притом, что Тамбовская губерния была одной из ведущих по экономическим показателям. Киселев П.Д., рассуждая о причинах хронической недоимочности казенной деревни, писал: «Умножение доходов должно зависеть не от внезапного и произвольного возвышения налогов, но от средств, коими плательщики обладают; до улучшения их быта всякое новое требование возвышения платежей увеличит недоборы и уничтожит в самом начале развитие самостоятельности плательщиков»³.

В условиях хозяйственного спада и обеднения крестьянской массы государственная деревня не могла вполне удовлетворить государственные запросы в денежном эквиваленте. Крестьянские недоимки со временем не уменьшались. Со второй половины XVIII в. сумма подушных сборов вместе с оброком казенных крестьян составляла не менее 35 % доходной части государственного бюджета, и только с 30-х гг. XIX в. доля подушной подати и оброчного оклада с государственных крестьян постепенно уменьшалась и в 1857 г. стала составлять около 21 % доходной части бюджета⁴. Хотя это и не означает, что реформа П.Д. Киселева ликвидировала недоимочность казенной деревни, однако это не является показателем дальнейшего разорения государственных крестьян: ведь с развитием государственной торговли и промышленности, установлением государственной монополии на соль и вино появились новые статьи доходов. Таким образом, отпала необходимость более трети государственного бюджета накапливать из денежных поступлений от казенных крестьян.

До реформы сбор налогов сопровождался неравномерностью, неточностью в учете, хищениями местного управленческого аппарата. Некоторые негативные моменты остались и после преобразований в казенной деревне, но явных хищений становится все меньше, а в своих отчетах губернская палата государственных имуществ фиксировала, что по прошествии нескольких лет с начала реформы «растраты сборщиков общественных денег почти прекратились», и «введен правильный расчет в платеже податных сборов»⁵.

Чтобы приучить крестьянский мир и должностных лиц, имевших дело с казенной деревней, к твердым правилам взаимоотношений в налоговой сфере между общиной и представителями государства, необходимо было нечто скорректировать в сознании людей, приучить их к порядку, дисциплине, контролю. Добиться этого сразу было невозможно, к тому же, как неоднократно отмечалось в циркулярах министерства государственных имуществ, все преобразования надо было проводить не путем принуждения, а внушением, разъяснением, не стараясь достичь результата немедленно. К примеру, управляющий Тамбовской палатой А.Я. Мейснер, производя ревизию в губернии за 1847 – 48 гг., отметил, что «начальники и зажиточные крестьяне должны быть образцами исправности, прежде всех платить подати»; для того, чтобы для крестьян очередная выплата денежных повинностей не оказалась неожиданной новостью, «сборщик податей должен объявлять заблаговременно через сельское управление, когда и в каком селении он будет», во всех же волостных и сельских управлениях «должны быть вывешены на стенах в рамках таблицы: об окладах податей, о цене паспортных билетов и бланков, об окладе жалования должностным крестьянам»⁶. Таким образом, тамбовское начальство пыталось привить в крестьянском обществе понятия о справедливости нового управления, о его гласности и о том, что представители власти должны быть покровителями крестьян, а не равнодушными слушателями их просьб и жалоб.

Тамбовская палата государственных имуществ, четко выполняя все распоряжения министерства государственных имуществ, не ограничивалась только этим. Одна из инициатив Тамбовской палаты состояла в том, чтобы в каждом казенном селении губернии работали особые сборщики податей независимо от сборщиков по волостям⁷. Эта мера позволила недоимки крестьянских обществ не смешивать между селениями, так давалась гарантия селению, уплатившему все денежные сборы, не подвергаться этой же процедуре вторично, беря на себя выплату долга других селений этого общества. Сборщики избирались самими крестьянами, что обеспечивало им доверие со стороны односельчан и до некоторой степени расширяло нечеткие, размытые законом рамки крестьянского самоуправления. К 1850 г. такие «дополнительные» сборщики были в каждом казенном селении Тамбовской губернии. Опыт был признан успешным, так как с этого времени взыскание податей происходило успешнее: в неурожайный 1850 г. казенные крестьяне губернии смогли даже перекрыть годовой оклад на 36 989 руб. сер., так как необходимо было собрать по губернии 1 284 523 руб. сер., а поступило 1 321 512 руб. сер., а общая цифра крестьянских недоимок прежних лет в 1850 г. уменьшилась на 29 210 руб. сер.⁸ Однако тамбовское начальство не довольствовалось таким успехом, и гражданский губернатор Булгаков обращал внимание окружных и волостных начальников на то, что за специальными сборщиками все равно надо следить, несмотря на все плюсы их деятельности⁹. Вероятно предполагалось, что без бдительного контроля со стороны начальства эти сборщики могли в какой-то степени злоупотреблять своими обязанностями.

Все сборщики податей должны были служить цели увеличения доходов казны. Однако этому мешала крестьянская недоимочность. Чтобы ее ликвидировать, министерством государственных имуществ на первый план была выдвинута финансовая реформа оброчного обложения занимавшая важное место в программе преобразования, ставшая шагом к капитализации хозяйства. Чтобы привести феодальную ренту в соответствие с крестьянскими доходами, было организовано переложение душевого оброка на

землю и промыслы с предварительным измерением и оценкой земель, учетом денежных поступлений от крестьянских промыслов и вычислением общей суммы крестьянского дохода.

Теперь качество и количество земли, находившейся в пользовании казенных крестьян, необходимо было учитывать при начислении оброка, что считалось мерой справедливой, ведь различные потенциальные возможности тех или иных участков давали и разный доход.

Рассмотрим таблицу, в которой отражено, до какой степени величина и качество крестьянских земельных угодий не связаны были с суммой денежных сборов к началу преобразований в государственной деревне; расчеты производились для 354 784 душ казенных поселян и 2038 ямщиков (проживали лишь в четырех уездах).

Таблица 12

Соотношение размеров крестьянских наделов и денежных налогов¹⁰

Уезд	Количество дес. на душу казенных поселян	Сколько приходится на одну дес. от всех денежных сборов, руб. асс.	Количество дес. на одного ямщика	Сколько приходится на одну дес. от всех денежных сборов, руб. асс.
Тамбовский	5,5	2,55	7,1	1,75
Козловский	5,5	2,73	5	2,74
Липецкий	5	2,63	—	—
Лебедянский	5,1	2,41	—	—
Кирсановский	4,5	3,12	—	—
Моршанский	4	3,29	—	—
Шацкий	5,1	2,43	3	3,67
Темниковский	3	4,52	—	—
Борисоглеб.	5	2,77	5	1,82
Елатомский	3	4,25	—	—
Спасский	3,1	3,75	—	—
Усманский	5	2,61	—	—

Некоторая разница в денежных сборах с казенных крестьян по уездам объясняется различными суммами земской повинности и сборов разового характера, например, на содержание арестованных из государственных крестьян или строительство мест общественной значимости. На строго определенной оброчной подати государство не могло повысить собственный доход и одновременно ликвидировать недоимочность многих крестьянских хозяйств. Постоянное повышение ставки оброка было бы непродуманным и опасным актом, к тому же бесконечно увеличивать оброк ради пополнения казны невозможно.

Душевому оброчному сбору надо было придать характер налога с доходов, получаемых казенными крестьянами, что позволяло не дать окончательно разориться малоимущим крестьянам и переложить часть этого денежного сбора на зажиточных не слишком обременительно для них.

Прежде, чем приступить к реализации оброчной реформы, надо было провести местные исследования. Измерение казенных земель и оценка доходов впервые были произведены в 1842 г. в Санкт-Петербургской и Воронежской губерниях, а затем в других губерниях¹¹. Все полученные сведения заносились в «Журнал местных исследований». Тамбовский «Журнал» не сохранился, поэтому о том, что могло быть туда занесено, можно судить лишь по косвенным данным.

Межевание, описание и оценка казенных земель, то есть кадастр, в Тамбовской губернии производились с 3 августа 1837 г., после появления в конце июня того же года «Проекта положения о кадастрации государственных имуществ»¹². Предусматривалась двоякая цель: во-первых, «определить положен-

ное пространство владения казны на основании законных прав и привести в точную известность настоящее положение государственных имуществ вообще», во-вторых, «предложить будущее их устройство в хозяйственном отношении»¹³.

Работы по сбору необходимых сведений начались до окончательного оформления «Проекта о переложении с душ на землю и промыслы оброчной подати» в 1842 г., уже с 1837 г. ведомство П.Д. Киселева приступило к рассмотрению всех имевшихся планов по изменению податной системы и сбору сведений об иностранных системах кадастра, в это же время в Тамбовской губернии началась работа по предварительному сбору необходимых данных. В 1840 г. уже действовавшая несколько лет Тамбовская палата государственных имуществ в своем годовом отчете отмечала, что она не в состоянии выполнить «дела по приведению в известность земель государственных крестьян ... и планам для устройства казенных селений по недостатку чиновников»¹⁴. И вот специально созданная комиссия кадастра, согласно документам областного архива, начала свою работу в Тамбовской губернии в 1843 г., а не в 1844 г., как отмечал в своей монографии «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева» Н.М. Дружинин¹⁵.

«Хозяйственное описание губернии» и «Оценочная табель» были готовы в 1844 г. Точных данных о состоянии государственных имуществ комиссия кадастра дать не могла, так как специальное размежевание в губернии еще не было закончено, чересполосные владения, которых было немало, вводились «в счет по указанию поселян приблизительно», все крестьянские доходы зафиксировать было невозможно, к тому же в зависимости от природно-климатических условий они не были постоянными¹⁶. Основным занятием государственных крестьян губернии было земледелие, промышленный сектор был недостаточно развит. Фабрик, принадлежащих государственным крестьянам, не было, до 1843 г. они не владели предприятиями, кроме одного постоянного двора и одного трактира, и только с этого года им принадлежал один маленький кожевенный завод в Тамбовском уезде, а в 1844 г. таких заводиков стало девять, но работало на них всего 27 человек, к этому году казенные крестьяне владели уже 1282 постоянными дворами, 3 трактирами и 33 харчевнями¹⁷.

Недостаток данных не имел решающего значения для установления более равномерного налогообложения государственных крестьян и более успешного взимания денежных повинностей. И в 1846 г. новая система оброчного обложения была введена в Тамбовской губернии, как это сказано у Н.М. Дружинина¹⁸. Однако, согласно местным материалам, и эта дата требует корректировки. В документах палаты государственных имуществ первым опытом переложения оброчной подати с душ на землю в Тамбовской губернии названы мероприятия, проводившиеся в казенных селениях с 1847 г.¹⁹ Об этом нововведении заранее было уведомлено окружное, волостное и сельское начальство, в округа посланы члены палаты и чиновники особых поручений, которые постоянно наблюдали на местах за поступлением платежей с государственных крестьян и отвечали за ликвидацию недоимок.

Первые результаты, если судить по отчету палаты, были положительными. В число годового оклада податей и поземельного сбора в 1 320 266 руб. сер. к 1 января 1848 г. государственные крестьяне губернии внесли окладных повинностей – 1 191 424 руб. сер. и недоимок прежних лет – 104 469 руб. сер. К 15 января поступило еще 140 32 руб. сер. Хотя сумма поступлений была и меньше годового оклада, но общий недобор составил всего 10 341 руб. сер.²⁰

Доход в государственную казну мог бы быть большим, если бы не определенные трудности: неурожай хлеба в этом году, обеднение значительной массы крестьян, путаница с учетом выплат податей от 4000 переселившихся в другие губернии душ, когда они еще не были отчислены из Тамбовской губернии, но не причислены к новым местам жительства. Но управляющий палатой А.Я. Мейснер отметил, что переложение оброка с душ на доходы «должно отвратить происходившие до сего значительные недоимки по сбору всех повинностей, так как недобор поземельного сбора оказался или от избытка в некоторых селениях земли и беспечности крестьян к ее обработке, или от неправильного раздела земли по душам, применяясь к прежней системе, через что бедному крестьянину досталось столько же, сколько и состоятельному, или от недостатка у некоторых рабочего скота, а главное – от невыгодной передачи своих участков, находящихся в чересполосных полях, растянувшихся на 15, 20 и более верст, и совершенной невозможности пользы от таких участков»²¹.

Действительно, в 1847 г. во владении государственных крестьян губернии находилось 605 841 дес. из 1 153 033 дес. чересполосных дач. Вообще же казенные крестьяне владели 2 161 069 дес. земли, то есть в это время в чересполосице находилась примерно 1/4 крестьянских земель²². Это меньше, чем в 1837 г., перед началом реформы государственной деревни, когда отношение было – 2/5. Но и эти деся-

тины в чересполосных дачах, с точки зрения властей, создавали большое количество проблем и не приносили ощутимой пользы ни крестьянам, ни казне.

Проведение реформы оброчного обложения не сопровождалось насильственными мерами со стороны властей. Доказать крестьянам, что нововведения принесут пользу и им, можно было только путем разъяснений, положительного примера. Киселев П.Д. по этому поводу предписывал, что надо заблаговременно ставить крестьян в известность о годовом окладе податей посредством объявлений, выставленных в волостных и сельских управлениях на видных местах. Он советовал местным чиновникам, «предупреждая крестьян от траты денег и разорения, неизбежного при запущении недоимок, приучить их к заботливости и труду», что улучшит их положение²³. Окружным начальникам предписывалось не принуждать, что привело бы к недовольству или сопротивлению крестьян, а именно внушать им, чтобы при раскладке податей они разделяли землю не по душам, традиционно, а по-новому, «по обоюдному согласию и средствам каждого домохозяина – сколько в силах обработать; из остающихся излишних земель составить оброчные статьи и отдать их с торгов в содержание», а вырученная сумма пошла бы в уплату крестьянских податей²⁴.

Таким образом, вводилась репартиционная система взимания налогов, согласно которой годовой оклад податей, падавший на селения, раскладывался между всеми плательщиками соответственно их имущественному положению, а не просто на количество душ. С точки зрения реформаторов, вводилась справедливая неравномерность обложения, учитывавшая рост дифференциации среди казенного крестьянства: кто имел больший доход, тот платил и большие налоги.

Согласно «Проекту Положения об устройстве оброчной подати с государственных крестьян», губернские комиссии по устройству оброчной подати должны были определить площадь земли посредством съемки в селениях с четвертным землепользованием, и без съемки земли, если она разделена на паи по числу ревизских душ, установить местные различия почв (путем расспросов и осмотра), определить важнейшие возделываемые растения и средний урожай в дачах государственных крестьян, который подлежал проверке с данными об урожаях в помещичьих имениях. Кроме того, желательно было составить таблицы средней урожайности каждого из возделываемых хлебных растений и о числе рабочих дней. По общегубернской таблице средней урожайности можно было бы определить валовый доход, исключая стоимость семян и издержек на обработку почвы. Так предполагалось определить чистый доход с десятины пахотной и сенокосной земли²⁵. Однако при отсутствии необходимого числа чиновников, на что неоднократно жаловалась Тамбовская палата государственных имуществ, эти исследования провести было невозможно. Расспросы и осмотры не могли принести значительного результата, так как при сложной системе землевладения в губернии, различных видах землепользования сами крестьяне часто не всегда точно знали размеры принадлежавших общине владений, кроме того, ситуацию осложняли неурегулированные споры казенных крестьян с помещиками, где каждая сторона претендовала, обоснованно или нет, на ту или иную территорию. Да и сами величины крестьянского дохода, который не был стабильным, оказывались гадательными.

Многие крестьяне занимались тем или иным промыслом, причем в то время определение «промысла» было многосмысловым. Это были весьма разнообразные виды трудовой деятельности: домашнее кустарное производство, отходничество, содержание постоянных дворов или трактиров, перевозка и торговля товарами, ремесленничество и так далее. Производственная деятельность и планы крестьянского хозяйства заключалась прежде всего в усилиях прокормить семью и уплатить налоги. Отсутствие спроса на рабочие руки в сельской местности в определенные сезоны года смягчалось дополнительной занятостью крестьян. Видимо, кустарное производство не приносило сколько-нибудь большого дохода, для крестьян Тамбовской губернии промыслы были лишь дополнением к основному занятию – земледелию.

Тамбовские государственные крестьяне в качестве дополнительного заработка получали деньги за работу в других губерниях, отходничество было самым распространенным видом промысла.

Для того, чтобы иметь право зарабатывать в других губерниях, крестьянам надо было покупать паспорта, дававшие возможность длительно отсутствовать на месте жительства, или билеты для кратковременных отлучек. После начала реформы в среднем до 10 % мужского населения казенной деревни уходило из своей губернии на заработки каждый год, причем это почти не зависело от того, благоприятный ли был для хлебопашцев год или нет. Опираясь на сведения, собранные чиновниками для Тамбовской палаты государственных имуществ за ряд лет, можно составить следующую таблицу.

Таблица 13

Данные об отходничестве казенных крестьян²⁶

Год	Выданные крестьянам паспорта					
	на 3 год а	на 2 год а	на 1 год	на 0,5 го да	биле- ты	всего
1839, неурожай- ный	–	–	–	–	–	25 680
1840, неурожай- ный	0	6	17 160	16 589	51 657	85 412
1841, неурожай- ный	0	0	12 005	12 095	20 935	45 035
1842, обычный	–	–	–	–	–	39 041
1843, урожай- ный	0	1	4725	3857	28 114	36 697
1844, обычный	0	4	5295	4637	30 095	40 031
1846, неурожай- ный	0	0	4643	3989	30 566	39 198
1847, неурожай- ный	0	3	5303	4621	34 881	44 808
1849, обычный	0	2	4546	2082	17 053	23 683
1850, неурожай- ный	1	6	4813	3474	26 120	34 414
1851, урожай- ный	0	11	4164	4065	32 143	40 383
1852, неурожай- ный	0	7	3772	3516	32 703	39 998

Большинство уходивших крестьян не отлучались со своего места жительства надолго, предпочитали кратковременные сезонные работы, когда свое хозяйство можно было безболезненно покинуть. После трехлетнего неурожая отходников было чуть менее 40 000, столько же ушедших на заработки крестьян было и после урожайного 1851 г., колебания урожайности не влияли кардинальным образом на число отходников, так как немногие крестьяне владели каким-либо самостоятельным ремеслом, поэтому количество работников, занимавшихся только хлебопашеством, на протяжении рассмотренных двенадцати лет было примерно одно и то же.

Промысловый доход – внесельскохозяйственный, чем меньше площадь землепользования, тем больший объем приобретает промысловая деятельность. Хотя Тамбовская губерния входила в число малоземельных, однако плодородие почв и чуть больший крестьянский надел, чем в ряде других губерний, способствовали тому, что основной доход крестьяне получали именно от занятий земледелием, а промысловая деятельность для большинства была вынужденной мерой из-за недостатка средств и наличия свободного времени.

Крестьянское хозяйство зависит от природных условий, погоды, сезонов года, демографических циклов. Обусловленная многими традициями крестьянская жизнь не позволяла окончательно расстаться со своим хозяйством и уйти на промышленное производство. В условиях примитивной техники земледельческая работа тягостна, те, кто мог себе позволить жить, не утруждая себя тяжелой работой, непременно это сделали бы даже за счет снижения уровня жизни. Но ощущение себя хозяином, собственником, отличавшее казенного крестьянина от помещичьего, не позволяло уйти от суровых условий жизни земледельца и искать стабильного заработка и более комфортных условий жизни в городе. К тому же в губернии было совсем немного промышленных предприятий.

Не было необходимости и в усовершенствовании сельскохозяйственных орудий труда, так как в России из-за сезонности крестьянских работ их введение, по замечанию агронома конца XIX в. Д.И. Кирсанова, при удешевлении производства не только не увеличивает общей суммы доходов крестьян, но уменьшает ее на величину ежегодной амортизации машин²⁷. Широкое использование семейного труда, высокий уровень потребления продуктов собственного изготовления, устоявшиеся веками методы производства, относительно низкий уровень товарности и отсутствие финансового учета превраща-

ют крестьянское хозяйство в производственную единицу, отличающуюся от капиталистического предприятия. Как отмечали известные экономисты начала XX в. В.А. Косинский и П.П. Маслов, мотивация хозяйственной деятельности крестьянина – «это не мотивация предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а мотивация рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы»²⁸.

Одним из свидетельств того, что крестьяне крайне неохотно меняют свои привычки, являются заметки чиновников Тамбовской палаты государственных имуществ, в обязанность которых входила забота о достатке, а значит и платежеспособности казенных крестьян. Вот несколько примеров. В 1839 г. государственным крестьянам было объявлено, что они могут обучиться изобретенному помещиком Тверской губернии подполковником Эгерштромом способу плетения соломенной обуви, шляп и ульев – желающих не нашлось. В 1841 г. до сведения казенных крестьян довели информацию «продающихся земледельческих орудиях: плугах, боронах, сеялках, скоропашках, – изготовляемых в Марьинской практической школе земледелия и ремесла графини С.В. Строгановой» (вероятно Московской губернии) – желающих снова не оказалось. В 1842 г. Ученый Комитет МГИ предложил «для постепенного прекращения бортничества, вредного для лесов и невыгодного, послать из губерний государственных поселян в школу известного пчеловода Прокоповича Черниговской губернии из каждой волости по одному ученику» – никто из тамбовских казенных крестьян не захотел там учиться вплоть до 1847 г.²⁹ В 1845 г. открытое при опытном хуторе Московского общества сельского хозяйства дубильное заведение приглашало всех желающих учиться дублению овчин, но ни в одном округе Тамбовской губернии казенных крестьян, которые хотели бы отдать своих детей или самим научиться этому ремеслу, не оказалось³⁰.

И дело не в том, что тамбовские государственные крестьяне умели плести из соломы обувь и ульи или замечательно обрабатывали овчину, а в том, что не было потребности совершенствовать свои знания и навыки. Учиться новому не хотели, а свои умения считали достаточными для жизни. Опять-таки все упиралось в традиционные крестьянские устои, любые новшества, даже если они направлены только на благо, встречали сопротивление в крестьянской среде. Поэтому, по замыслу П.Д. Киселева, преобразования в государственной деревне должны были проводиться осторожно, постепенно. Однако нередко начальство на местах слишком усердствовало в достижении поставленных целей. Сам П.Д. Киселев был вынужден признать, что «как бы ни была хорошо обдумана администрация, для успеха ее нужны просвещенные, честные и усердные исполнители. Они есть в России, но не в такой мере, в какой надобность управления требует, и потому нередко должно встречаться с малоспособностью или даже с корыстолюбием не только в нижнем слое чиновников, но иногда между людьми, от которых зависит благоустройство и благосостояние многих тысяч»³¹. В Тамбовской губернии служили такие же чиновники, как и по всей России, даже выдающиеся не были лишены типичных негативных привычек своей когорты. Например, Н.М. Гамалея – Тамбовский губернатор с 1832 по 1837 гг., затем директор I департамента МГИ, товарищ министра МГИ до 1856 г. Чиновник МГИ Д.П. Хрущов писал о нем так: «Большой знаток административного дела и настоящий вол в работе, с утра до вечера преданный службе и бумагам, вследствие чего он сделался страшным формалистом и бюрократом. Для него человек как лицо не существовал, а были только законы и бумаги»³². Гамалея был известен своей распорядительностью и деловитостью, но о своих материальных интересах он никогда не забывал и пользовался в министерстве невысокой нравственной репутацией.

Чиновник особых поручений Жадовский, составивший отчет об осмотре им одиннадцати губерний в 1838 – 1839 гг., нелицеприятно отзывался о некоторых чиновниках Тамбовской палаты государственных имуществ: о первом управляющем палатой Ельчанинове «говорили, что в продолжение службы его в Рязани он был не совсем бескорыстен», столоначальник хозяйственного отделения Казимиров «за мздоимство был выгнан из Тамбовской гражданской палаты, потом служил в Казенной палате, мздоимством в обеих нажил состояние, и теперь о мздоимстве Казимирова носится слух», стряпчие «недеятельно ходатайствуют о делах крестьян»³³. По другим проверкам выяснилось, что Ельчанинов устранял достойных кандидатов на должности, заменял их преданными ему чиновниками, брал деньги с виновных откупщиков и волостных голов, за определение на должности чиновников и с оброчных статей.

Министр государственных имуществ требовал предавать суду виновных в злоупотреблениях чиновников и отправлял в губернии постановления о скорейшем устранении недостатков по управлению государственными имуществами. В Тамбовской губернии чиновников и должностных лиц, служивших в палате и подчиненных ей правлениях, увольняли со следующими формулировками: за злоупотреб-

ления, растрату, обнаруженные беспорядки. Причем лишь единицы за свои действия подвергались следствию и суду, большинство же увольняли без следствия; может, проступки были не столь серьезны, чтобы доводить дела до суда, но скорее всего, что разного рода тяжб и разбирательств в судебных инстанциях было столько, что проще было быстро уволить, чем производить долгое следствие. А для поощрения за беспорочную службу, согласно циркулярам из МГИ, награждали чиновников орденами, медалями, деньгами, а выборных крестьян – кафтанами и деньгами. По отчетам палаты государственных имуществ можно привести следующие примеры за ряд лет.

Таблица 14

Сведения о награжденных и уволенных³⁴

Годы	Уволено всего	Уволено по волостным и сельским управлениям	Всего награжденных
1840	63	–	0
1841	70	–	4
1843	56	56	3
1847	152	150	1
1850	135	135	4
1852	60	60	13

Таким образом, подавляющее большинство уволенных должностных лиц служили в волостных и сельских правлениях, во всех отношениях они были ближе крестьянам и имели больше возможностей для злоупотреблений, может быть, некрупных, но достаточно частых. Недостаток образованных и честных людей ощущался даже в узком круге местного дворянства и чиновничества, не говоря уже о выборных из крестьянской среды.

Число выборных в волостных и сельских управлениях в описываемый период колебалось, но всегда было более 1,5 тысяч человек, число чиновников в окружных управлениях практически не менялось и по разным округам составляло от 4 до 8 человек, в Тамбовской же губернской палате год от года чиновников становилось все больше: если в 1840 г. их числилось 27, то в 1852 г. там работало уже 79 человек. Количество дел, решенных и нерешенных, с каждым годом возрастало, российская бюрократия множилась.

Так как к концу 1840-х гг. серьезных злоупотреблений среди чиновников и выборных не фиксируется в документах Тамбовской палаты государственных имуществ, то можно предположить, что тамбовское начальство настолько высоко подняло для своих подчиненных моральную планку, что малейшее нарушение строго каралось, или нарушения умалчивались, а в МГИ отправлялись результаты, которых ожидали Киселев и император. Наград было немного, но тем они и ценнее, их число как раз не вызывает сомнений.

Общее впечатление о составе и работе Тамбовской палаты у столичных ревизоров всегда было хорошим³⁵. Управляющий же палатой каждый год помимо нескольких частных осмотров производил обязательное общее обозрение губернии, особое внимание уделяя многоступенчатому аппарату управления государственной деревней. Управляющий П.П. Степанов в 1840 г. отмечал, что «чиновники окружных управлений, волостное и сельское начальство исполняют свои обязанности на точных основаниях существующих законов и заботятся об улучшении положения государственных крестьян, со стороны которых заметно полное доверие к попечению о них»³⁶. Управляющий В.Ф. Калакутский в 1844 г. писал, что «все части управления улучшаются, дела идут успешно»³⁷. Но зная, что в России многочисленная разноуровневая администрация традиционно создавала всеобщую официальную ложь, можно подвергнуть сомнению успехи аппарата управления казенной деревней, так явно выделенные в отчетах управляющих Тамбовской палатой. Вспоминаются слова П.А. Валуева, будущего министра внутренних дел, а до этого – директора II и III департаментов МГИ при преемнике П.Д. Киселева М.Н. Муравьеве: «Взгляните на годовые отчеты: везде сделано все возможное, везде приобретены успехи, везде водворяется если не вдруг, то по крайней мере постепенно, должный порядок. Взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, и – редко где окажется прочная плодотворная почва. Сверху – блеск, а внизу – гниль»³⁸. Однако отрицать очевидное тоже не следует, пусть не так скоро, как хотелось бы реформаторам, но улучшение многих сторон существования государственной деревни произошло. Маленький пример: через 15 лет после начала проведения реформы в Тамбовской губернии, в 1852 г. один из чиновников губернской палаты отметил, что теперь «крестьяне не избегают, как прежде, встреч с приезжающим к ним начальством»³⁹.

перь «крестьяне не избегают, как прежде, встреч с приезжающим к ним начальством; сами предлагают свое содействие в делах общественных: жертвуют на улучшение помещения правления или на постройку приличных для правлений домов»³⁹.

Киселев П.Д. в своих циркулярах на места постоянно отмечал, что успех преобразований возможен только при их ненасильственном и постепенном введении в жизнь. Результаты не могли быть достигнуты сразу, они проявились лишь спустя несколько лет после начала реформы. Скажем, в 1838 г., когда в Тамбовской губернии принялись за осуществление намеченной программы реформирования управления государственной деревней, согласно статистическим описаниям и «Обозрению Тамбовской губернии», составленному чинами военного ведомства, здесь находилось 295 промышленных предприятий, во владении казенных крестьян из них – 0⁴⁰. На протяжении ряда лет ситуация меняется: в 1840 – 1841 гг. во владении казенных крестьян не было ни одного предприятия, в 1843 г. – 1, в 1844 г. – 9, в 1847 г. – 40, в 1850 г. – 59, в 1851 – 1852 гг. – 98⁴¹.

К сожалению, не известно общее число промышленных предприятий в 1840-х гг. Известно, что в 1850 г., по подсчетам И.Д. Ковальченко, в губернии работали 147 промышленных предприятий (с винокурнями – 174). Значит, ведущая роль в промышленном производстве принадлежала крепостной мануфактуре. Но так как число предприятий, которыми владели государственные крестьяне, увеличилось, значит, были созданы благоприятные условия для накопления капитала некоторой частью казенного крестьянства и открытия более доходного и менее рискованного дела, чем земледелие. Это был результат неизбежного социального расслоения среди государственных крестьян, которое для экономики имеет больше положительных сторон, чем отрицательных.

Наглядным показателем улучшения быта и состояния государственных крестьян за время проведения реформы П.Д. Киселева является большая, чем прежде, их податная исправность. В 1850 г. в докладе царю П.Д. Киселев указывал, что с 1826 по 1838 гг. податей и доходов с государственных имуществ и крестьян поступило 280 546 986 руб. сер., а за последующие 12 лет – 356 546 729 руб. сер. (больше на 75 000 000 руб. сер.); подати от 1818 до 1837 гг. поступали с 7,9 % недоимок, а с 1838 по 1857 гг. снизились до 3,2 %⁴². Показатели Тамбовской губернии подтверждают этот вывод: доходы от использования государственных имуществ и прибыль от налогообложения крестьян постоянно росли, хотя сумма оклада с годами увеличивалась. Чтобы убедиться в этом, обратимся к следующей таблице.

Таблица 15

Доходы с государственных крестьян и казенных оброчных статей⁴³

Годы	Доходы, руб. сер.
1840	879 377
1841	916 324
1843	более 1 005 216
1844	более 784 131
1847	1 752 690
1850	1 771 505
1852	1 928 012

Большую часть доходов, получаемых государством с подведомственных МГИ объектов, составляли взимаемые с казенных крестьян налоги. Например, из 879 377 руб. сер. за 1840 г. сумма выплаченных крестьянами податей была равна 762 777 руб. сер., остальные деньги были получены от использования оброчных статей хозяйственного и лесного отделений (прибыль от лесных оброчных статей за 1843 и 1844 гг. не известна). Сумма денежных средств, получаемых с крестьян, появилась в результате сложения данных по казенным налогам, земской подати, общественных и частных мирских сборов.

Так как должностным лицам было предписано при взыскании податей и недоимок обращать внимание прежде всего на возмещение текущих окладов, а в уплату недоимок взимать средства уже после погашения текущих окладов, то огромная сумма, как тогда говорили, «недоимок прежних лет», довлевшая над казенной деревней с давних времен, не уменьшалась, а постоянно возрастала⁴⁴. Так, если к 1836 г. эти недоимки только по казенным податям составляли 1 083 753 руб. сер., то через восемь лет они достигли цифры в 1 348 414 руб. сер., а еще через восемь лет, в 1852 г. приблизились к 1 418 184 руб. сер. Эти данные были получены путем расчетов, произведенных с цифрами годовых окладов на тамбовских государственных крестьян, недоимок по текущим годам и недоимок прежних лет,

государственных крестьян, недоимок по текущим годам и недоимок прежних лет, зафиксированных в документах губернской палаты государственных имуществ⁴⁵. Несмотря на это, до начала преобразований в казенной деревне казна не получала прибыли с этого объекта, а после реформирования налогообложения с государственных крестьян казенная деревня стала приносить государству стабильный доход.

«Проект положения о переложении с душ на землю и промыслы оброчной подати» от 18 мая 1842 г. остался руководством к действию для чиновников МГИ и не стал законом. Но преобразования в области налогообложения казенных крестьян этим не ограничились, и другие меры имели больший успех в претворении их в жизнь.

В марте 1840 г. появилось «Положение об общественном с государственных крестьян сборе», учреждавшее вместо сборов с крестьян на частные земские повинности и мирских сборов общественный сбор на содержание местного управленческого аппарата, для межевания и оценки земель и на составление хозяйственного капитала⁴⁶. Губернская палата составляла расходную смету и определяла размер сбора, до того взимались по 3 коп. с души на межевание и по 6 коп. на хозяйственный капитал.

Хозяйственный капитал, появившийся в государственной деревне благодаря реформе, имел не только экономическую функцию, но и являлся одним из предметов политики попечительства над казенной деревней. Он употреблялся на организацию и содержание сельскохозяйственных учебных заведений, больниц, богаделен, обучение фельдшеров и оспопрививателей, учреждение сельских банков, на расчистку неудобных земель, осушение болот, устройство лесных плантаций и так далее. Со второй половины 1840 г. в Тамбовской губернии 1/2 оброка обратили в хозяйственный капитал⁴⁷.

Если оброчные деньги шли в казначейства, то местом сосредоточения хозяйственного капитала была губернская палата государственных имуществ. Бюрократический механизм с вершиной в МГИ не давал большой свободы в финансовых вопросах аппарату управления государственной деревней на местах, поэтому палата государственных имуществ не могла без разрешения МГИ производить какие-либо расходы из хозяйственного капитала. Если же разрешение приходило, то выдача средств могла быть осложнена еще одним обстоятельством – отпуск сумм производился только по постановлению общего присутствия палаты. И вообще к расходам хозяйственного капитала старались относиться экономно. Крупные средства из него отправлялись в Санкт-Петербургский опекунский совет, Санкт-Петербургское казначейство, немалый запас хранился и в губернской палате, часть средств, которые и шли на расходы, оставалась в уездных казначействах⁴⁸. К примеру, в 1843 г. в первом из вышеперечисленных учреждений находилось от хозяйственного капитала Тамбовской губернии 46 тыс. руб. сер., во втором – 27 тыс. руб. сер., в третьем – 26 тыс. руб. сер., а в уездных казначействах – 19 897 руб. сер.⁴⁹ Другой пример, из 27 319 руб. сер., хранившихся в уездных казначействах в 1841 г., было израсходовано на нужды казенных крестьян 152 руб. сер.⁵⁰

Лишь с течением времени после учреждения капитала из него стали тратить значительные суммы: в 1844 г. – 7646 руб. сер., в 1847 г. – 13 100 руб. сер., в 1850 г. – 15 997 руб. сер., в 1852 г. – 11 315 руб. сер.⁵¹ Это объясняется возникновением год от года все большего количества объектов для вложения средств из хозяйственного капитала: открываются больницы, возрастает число учащихся, появляются хозяйственные нововведения. Но все равно экономили и оставляли в неприкосновенности огромные суммы, которые можно было с успехом использовать. Например, в 1844 г., когда по всей губернии был большой падеж скота (пало 2100 голов крупного и мелкого рогатого скота), 44-м пострадавшим семьям из хозяйственного капитала выделили по 3 руб. сер. на семью, но для предотвращения болезней животных, на покупку лекарств (и это было впервые) употребили 15 руб. 42 коп. сер., потом констатировали, что «скота умирает меньше», но больше для профилактики денег не давали⁵².

Введение общественного сбора имело, с одной стороны, положительный эффект, так как этот налог стал единообразным и заменил собой многочисленные, не всегда четко фиксированные сборы. Отрицательная же сторона проявилась в постоянном увеличении ставки нового налога, поскольку слишком много объектов финансировалось из средств общественного сбора. В Тамбовской губернии в 1840 г. этот налог составлялся из взносов по 25 коп. сер. с души, но к 1852 г. крестьяне платили по 64 коп. сер., то есть за 12 лет ставка этого налога увеличилась в 2,56 раз⁵³.

12 декабря 1844 г. появились новые правила о порядке взимания денежных сборов: раскладка по сельским обществам производилась соответственно количеству земли у общества, а мирской сход распределял сборы между домохозяевами. Недоимки, не уплаченные до 1 октября, раскладывались на все общество. Суммы засчитывались в счет общественного сбора, на общие земские повинности, в счет подушной подати и оброка и на продовольственный капитал⁵⁴.

Сбор на обеспечение продовольствия был учрежден на случай неурожая. Денежные средства, соб-

ранные на продовольствие, отправлялись из Тамбовской губернии в Санкт-Петербургскую сохранную казну⁵⁵. Первоначально капитал народного продовольствия, или продовольственный капитал, составлялся из расчета по 46 коп. сер. на душу, но с 1842 г. сбор был увеличен до 48 коп. сер. на душу. До полного сбора в губернии в 40-е гг. доставало нескольких тысяч рублей: в 1843 г. – по 12 коп. сер. на душу, в 1844 г. – по 6 коп. сер. на душу⁵⁶. Большое количество денег из сумм продовольственного капитала находилось в ссудах у крестьян, так как неурожаи бывали часто: к примеру, в 1843 г. в ссуде находилось 72 932 руб. сер., а 51 210 руб. сер. составляли к 1844 г. продовольственный капитал⁵⁷. Несмотря на увеличение ставки сбора, общая сумма наличного капитала продовольствия в губернии с каждым годом возрастала, а в 1852 г. даже перекрыла необходимую норму: 220 655 руб. сер. вместо 189 650 руб. сер.⁵⁸. Крестьянские недоимки в капитал народного продовольствия тоже со временем уменьшались: например, недоимка к 1847 г. составила 64 062 руб. сер., а к 1852 г. – 5762 руб. сер.⁵⁹.

Денежные земские повинности разделялись на государственные (почтовая, дорожная, на содержание управления, расходы на сопровождение арестованных, на военные потребности) и губернские (на содержание дорог, земской полиции, на устройство присутственных мест и тюрем и другие нужды). Последние, в свою очередь, разделялись на общую и частную. Частная земская повинность вошла в общественный сбор, введенный 20 марта 1840 г. Важное значение имели «Правила нового устройства земских повинностей» 1851 г., кодифицировавшие все прежние постановления о земских повинностях и точно указывавшие, какие денежные сборы и натуральные повинности следует считать земскими. Все, что не было упомянуто в «Правилах...», воспрещалось, таким образом, ставилась преграда для увеличения количества сборов. Сметы земских повинностей на каждое трехлетие утверждались в МГИ, а губернская палата расписывала оклад повинностей по сельским обществам⁶⁰.

Для уездов Тамбовской губернии были разные ставки земских денежных сборов, от года к году они изменялись, наименьшая ставка была зафиксирована в 1847 г. – от 25 до 33 коп. сер., а наибольшая – в 1850 г. – от 35 до 40 коп. сер. с души⁶¹.

Прежние мирские сборы трансформировались в другие виды налогов, остался только частный мирской сбор. Он был неодинаков для разных уездов губернии, но и его размер постоянно увеличивался: если в 1840 г. он взимался от 1 до 3 коп. сер. с души, то в 1850 г. – уже от 50 до 90 коп. сер. с души⁶².

Основная масса крестьянских повинностей шла в пользу казны, поэтому государство было заинтересовано в том, чтобы часть натуральных повинностей перевести в денежную форму. Этот процесс, обусловленный ростом товарно-денежных отношений, был облегчен сенатским указом от 25 февраля 1843 г., который разрешал производить торги на земские повинности государственным крестьянам не только в губернской палате и окружных управлениях, но и в волостных правлениях, то есть без особых затрат времени и денег на дальние поездки, расширяя круг участников торгов⁶³.

Тамбовские крестьяне признавали выгодной замену натуральных повинностей денежным сбором. К 1852 г. эта замена произошла в губернии, и, как писал один из чиновников губернской палаты, крестьяне «охотнее идут на найм, чем на натуру»⁶⁴. Что это действительно было выгодно не только для крестьян, но и для государства, получавшего прибыль в денежном выражении, иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 16

Данные о числе работников, отбывавших натуральные повинности, и о сумме, полученной в результате исполнения этих повинностей за год⁶⁵

Год	Число работников	Денежное выражение натуральных повинностей (в руб. сер.)
1849	717 792	154 623
1850	706 908	153 628
1851	692 690	114 423
1852	64 569	115 694

Таким образом, число работников за 1851 – 1852 гг. сократилось почти в 11 раз, а доход в казну увеличился на 1271 руб. сер.

И еще один вывод: число государственных крестьян, исполнявших натуральные повинности, плавно (до 1852 г.) уменьшалось. Это было связано с тем, что власти стали следить за уравниванием натуральных повинностей между казенными и помещичьими крестьянами. С 1840 г. с этой целью были созданы уездные комитеты о земских повинностях и дорожные комиссии. Каждые две недели окружные начальники, являясь членами таковых учреждений, докладывали губернской палате о решении проблемы «уравнивания натуральных повинностей»⁶⁶. К 1843 г. эта проблема была решена во всех округах, кроме Борисоглебского, Кирсановского и Козловского⁶⁷. Лишь в 1852 г. во всех округах губернии отбывание натуральных повинностей было уравнено между казенными и помещичьими крестьянами⁶⁸. Такая задержка может быть объяснена естественным сопротивлением помещиков, чьи личные интересы были противоположны выгодам государственных крестьян.

Натуральные земские повинности доставляли массу неудобств казенным крестьянам. Одних подвод для чиновников, передвижения войск и арестантов государственные крестьяне предоставляли в год от 51 до 126 тыс.⁶⁹. Много беспокойств приносили военные, стоявшие на квартирах казенных крестьян. Один из тамбовских чиновников писал об этом так: военные, «занимая временно, несколько лет или постоянно квартиры, стесняют государственных крестьян требованиями подвод для перевозки фуража в места по их произволу, берут солому лошадям, платя за нее по произвольным, убыточным для крестьян ценам, занимают самовольно дома и селения, по своему желанию назначают в необходимых для крестьян помещениях стоянки лошадей, содержат множество собственных лошадей, пасут табуны на общественных казенных землях, оставляют селения, не удовлетворив требования крестьян»⁷⁰. Палата государственных имуществ дала указание начальству в округах следить, чтобы военным все выдавать строго по документам, чтобы они не ущемляли крестьянских прав.

Одной из самых тяжелых для крестьян была рекрутская повинность. Каждый рекрутский набор отрывал от хозяйства, дома, семьи множество крестьян. До реформы государственной деревни порядок набора рекрутов имел большие недостатки: было трудно учесть рабочую силу каждого семейства, установить справедливую рекрутскую очередь, что вызывало злоупотребления со стороны местной администрации, семьи забранных в армию часто владели жалкое существование. Прежде в армию привлекались люди до 35 лет включительно, вследствие более зрелого возраста они быстрее выбывали из строя. Недостатки, порожденные рекрутскими наборами, попытались исправить.

Руководство делом реорганизации рекрутской повинности было возложено на губернскую палату и окружных начальников. По новой, жеребьевой, системе призыву подлежали молодые люди, достигшие к 1 января 20 лет или 21 года, освобождались от призыва одиночки, семьи с одним или двумя работниками, братья и сыновья состоящих на военной службе, должностные лица волостного управления, сельской администрации, воспитанники учебных заведений, оспопрививатели и фельдшеры из государственных крестьян. Призывные списки проверялись на сельских и волостных сходах. Тамбовская палата государственных имуществ сообщала МГИ, что «неправильная отдача в рекруты в прошлое время была оттого, что семейства, жившие врозь до 1823 г., не были расписаны по очередным рекрутским спискам»⁷¹. После проведенной проверки в 1840 г. были составлены новые рекрутские списки по Тамбовской губернии.

При жребии получившие первые номера становились рекрутами, следующие за ними по порядку номеров заносились в рекрутские списки на случай замены заболевших или признанных негодными к службе. По старому рекрутскому уставу исчислялось необходимое число рекрутов при том или ином наборе (при частном – 5 – 8 человек с каждой тысячи, при чрезвычайных – до 22 человек с каждой тысячи), допускался наем охотников вместо призванных новобранцев, представление купленных зачетных квитанций взамен натурального отбывания повинности⁷².

Частные наборы происходили раз в два года. Сохранились сведения о 3-м, 4-м и 6-м наборах в Тамбовской губернии. По двум первым из перечисленных взяли по 8 человек с тысячи, а по последнему – по 5 человек с тысячи.

Таблица 17

Сведения по рекрутским наборам⁷³

Год	Число всех потенциальных призывников	Квота набора по губерниям	Натурой	Зачетных квитанций	Охотников
1841	346 009	2830	2629	169	32
1843	342 989	2806	2660	128	18
1847	335 736	1667	1573	58	29

Результаты почти одинаковы: около 94 % натурой, примерно по 5 % зачетными квитанциями и по 1 % охотников, хотя два первых набора производились по очередной, а последний – по жеребьевой системе. Таким образом армия никак не пострадала от вводимых перемен, а число крестьян, забираемых в рекруты, зависело от потребности в войсках и государственных интересов, а не от наличия жеребьевой системы.

Окружные начальники и их помощники должны были представлять интересы крестьян, отдаваемых в рекруты, находиться с ними при наборе, объяснять непонятное и предупреждать от лишних расходов на рекрутов со стороны крестьянских обществ⁷⁴. Ведь каждый отдаваемый в рекруты стоил обществу некоторой суммы. В разные годы и для различных уездов она варьировалась, но в среднем была следующей:

в 1841 г. – по 27 руб. сер. за рекрута, в 1843 г. – по 29 руб. сер., в 1847 г. – по 23 руб. сер.⁷⁵.

Чтобы избежать злоупотреблений сельского начальства, губернской палате предписывалось, чтобы она «по окончании набора давала знать волостным правлениям о тех семействах», которые в ближайшем будущем могли бы поставить рекрутов, и о паспортах, где в случае отлучки крестьянина, «должно быть объясняемо о состоянии его на очереди, чтобы о наказании укрывающихся внушено было обществам крестьян». Палата принимала необходимые меры, чтобы при наборах сохранялась справедливость, чтобы до начала наборов все призывники находились на месте жительства⁷⁶.

Рассылались особые печатные объявления для тех, кто подлежали призыву, с разъяснениями, к чему надо готовиться и что предстоит делать⁷⁷.

Для тех категорий казенных крестьян, которые в результате рекрутских наборов прежде оказывались в трудном положении, были предусмотрены некоторые покровительственные меры. Солдатки теперь не были брошены на произвол судьбы без земли и дома, а стали находиться под непосредственным наблюдением волостного и сельского управлений. Если раньше они были предоставлены сами себе, то теперь за них отвечала местная администрация. В Тамбовской губернии с каждым годом число солдаток сокращалось: 1841 г. – 28 627, 1847 г. – 15 016, 1852 г. – 13 395, вполне возможно, что они меняли свой социальный статус, вторично выходя замуж или отправляясь в монастырь, несмотря на предусмотренную помощь им⁷⁸.

Для нижних воинских чинов, возвращающихся с долголетней военной службы в селения государственных крестьян, учреждался вспомогательный капитал, который, например, к 1844 г. составлял 8250 руб. сер.^{xxix}. Возвращавшиеся бывшие солдаты часто оставались без имущества и средств к существованию, их в губернии к началу 1850-х гг. насчитывалось почти 1,5 тыс. человек⁸⁰. Чтобы улучшить их положение и занять чем-либо полезным, нижних воинских чинов стали назначать в состав лесной стражи с предоставлением им жилья⁸¹. В лесную стражу брали и солдатских детей. Известные своим хорошим поведением нижние воинские чины по взаимному соглашению с обществами могли занимать должности тысяцких, пятисотских и десятских, следивших за общественным порядком в селениях государственных крестьян⁸².

Таким образом, для призывников отбывание рекрутской повинности с вводом жеребьевой системы не стало легче. Большинство семей, чьи члены попадали в рекрутские списки, отдавали их в армию, многие могли себе позволить купить зачетную квитанцию или нанять охотника, лишь те, кто имел для этого довольно значительные средства, ведь охотник «стоил» от 86 до 571 руб. сер., а за зачетную квитанцию платили от 257 до 1076 руб. сер.⁸³. Из-за строгого контроля со стороны волостной, окружной и губернской администрации за ходом рекрутских призывов число несправедливостей и злоупотреблений сократилось (упоминаний о выявленных негативных сторонах этого процесса не найдено), но не устра-

нялась возможность их наличия.

Вообще к отбыванию крестьянами повинностей и уплате ими налогов власти относились чрезвычайно внимательно. Тамбовская палата государственных имуществ сообщала в МГИ, что все подати «взыскиваются с настоянием, так как многие состоятельные крестьяне уклоняются, по своему невежеству думают, что долг может быть прощен или надолго рассрочен»⁸⁴. Киселев П.Д. советовал: «В средствах взыскания податей не должно быть ни послабления, ни насильственных мер. Надо усиливать настояния, не выдавать недоимщикам паспортов на отлучки, употреблять их за плату в мирские работы»⁸⁵.

Постепенно в губернии установился строгий и во многом справедливый контроль над взиманием податей, так как в 1852 г. было отмечено, что теперь крестьяне проявляют уверенность, «что за уплату оклада они не подвергнутся ошибочному начислению на них недоимок»⁸⁶.

Итак, в 40 – 50-е гг. XIX в. были произведены преобразования налоговой системы для казенных крестьян, подверглись регламентации денежные подати и натуральные повинности.

Уплата налогов всегда была для государственных крестьян затруднительна, ведь большая часть России – зона рискованного земледелия, а Тамбовская губерния не входила в число промышленно развитых. Тамбовская палата государственных имуществ сама проявляла инициативу по улучшению сбора податей. К концу 1840-х гг., как уверяли отчеты палаты, злоупотребления при взыскании податей прекратились. Перевод части натуральных повинностей в денежную форму прошел в губернии успешно и был признан выгодным для самих крестьян и государства. Теперь натуральные повинности были уравнены между казенными и частновладельческими крестьянами. Кадастр ожидаемых результатов не принес, а губернская комиссия по устройству оброчной подати тоже не могла сделать точных выводов почти ни о чем, что интересовало МГИ. Попытка заменить оброчную душевую подать налогом с доходов от земли и промыслов завершилась ничем, размер оброка остался таким же, как до появления «Проекта Положения об устройстве оброчной подати».

Реформированию подверглись и другие виды налогов: строго ограничено число земских повинностей, вместо прежних мирских сборов введен один частный мирской налог, общественный сбор заменил собой частные земские повинности и старые мирские сборы, появился новый сбор на продовольственный капитал. Рекрутская повинность была преобразована в рамках интересов государства, но согласуясь с «политикой попечительства» по отношению к казенным крестьянам. Как до реформирования, так и после оставались неизменными и единообразными ставки налогов по подушной и оброчной податям, одинаковыми для всех округов губернии были общественный сбор и сбор на продовольственный капитал, неодинаковыми же были общий земский и частный мирской сборы. Ставка общего земского сбора год от года немного колебалась то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения, а вот ставки общественного и частного мирского сборов постоянно возрастали. Таким образом, общий оклад податей с годами увеличивался, но в некоторые годы сумма сборов с крестьян перекрывала оклад и не было текущих недоимок, хотя недоимки прежних лет увеличивались, слишком уж велики они были к моменту начала реформы государственной деревни. Хотя реформа не ликвидировала недоимочность казенной деревни, но и не стала причиной ее дальнейшего разорения.

Сумма уплачиваемых казенными крестьянами Тамбовской губернии податей была равна среднему их размеру по России⁸⁷. Что же изменилось для тамбовских государственных крестьян в области денежных податей со времени преобразований налоговой системы, демонстрирует следующая таблица (все расчеты произведены в рублях серебром на душу).

Таблица 18

Данные о налогах с государственных крестьян⁸⁸

Год	Подушная подать	Оброк	Земский сбор	Мирской сбор	Общественный сбор	Продовольственный капитал	всего
1839	0,95	2,86	около 0,14	около 0,09	–	–	около

							4,04
1844	0,95	2,8 6	около 0,31	около 0,2	0,62	0,06	около 5
1852	0,95	2,8 6	около 0,33	около 0,45	0,64	0,06	около 5,29

Здесь показаны крестьянские выплаты по основным налоговым статьям, не считая рекрутского сбора, денежной оценки натуральных повинностей, погашения недоимки предыдущих лет, различных «казенных взысканий» (штрафы за самовольные порубки, непоказанные ревизские души и другое). Ставки налогов увеличивались, но к 50-м гг. XIX в. крестьяне государственных селений Тамбовской губернии обеспечивали доходы по многим налоговым статьям, перекрывавшие годовые оклады по ним. А увеличение платежеспособности государственной деревни, то есть достижение одной из задач реформы, напрямую было связано с улучшением условий жизни и деятельности казенных крестьян.

Глава 2 РЕАЛИЗАЦИЯ «ПОЛИТИКИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА»

Киселев П.Д. после очередного ревизионного объезда российских губерний в 1843 г. сформулировал программу «политики попечительства» для представителей системы управления государственной деревней на местах. «Наши усилия, – писал он, – должны состоять в том, чтобы содействовать развитию между крестьянами собственного мирского управления, наблюдать за исполнением преподанных им правил, но не вмешиваться в суждения по делам, принадлежащим сельскому управлению и расправе, ни в постановления мирских сходов, если в своих делах они действуют по праву, предоставленному законом; затем охранять поселян от посторонних стеснений, оказывать пособие защитой и ходатайством, не лишая их советов, а более всего терпеливо и внимательно выслушивать просьбы и по каждой давать ясное и справедливое решение и ответ. По всем предметам улучшения внутреннего быта крестьян действовать не властью и строгостию, но возбуждать соревнование их приглашениями и поощрять тех из домохозяев, которые, следуя наставлениям, привлекут своим примером и других»¹. Таким образом, определялись три основные задачи: развивать крестьянское самоуправление, закрепить за государственными крестьянами их права, улучшить условия их существования.

Наказ местным властям по поводу крестьянского самоуправления – «содействовать развитию, но не вмешиваться» – был столь же неопределенно сформулирован, сколь и вряд ли выполним чиновниками. Ведь одним из главных принципов нового управления государственной деревней был всесторонний контроль на разных ступенях этого управления. Это позволило утверждать некоторым историкам, что волостное и сельское самоуправление было фикцией². Да и сам министр государственных имуществ признавал, что губернские и окружные чиновники часто вмешиваются в дела крестьянских общин совсем не для пользы, а во вред, например, продолжая «прежнее вымогательство от крестьян денег» при выборах на волостные и сельские должности и при других обстоятельствах³.

Выше уже отмечалось, что большинство замеченных в злоупотреблениях и уволенных за это должностных лиц служили именно в органах волостного и сельского управления. Но это все были мелкие правонарушения и использование служебного положения, лишь однажды действия волостного и сельского начальства стали причиной серьезного крестьянского недовольства.

В 1842 г. сельское общество села Козловка Борисоглебского уезда сдало купцам мирские оброчные статьи при условии покрытия съемщиками недоимки общества. Купцы, сговорившись с волостной и сельской администрацией, передали часть арендных денег не в казначейство, а сельским сборщикам, которые в свою очередь растратили некоторую сумму. За крестьянами осталась непогашенной недоимка, и когда начался сбор «излишних» повинностей, крестьяне решили, что их обманывают, что волостные и сельские начальники утаивают крестьянские деньги. Жители Козловки жаловались окружному начальнику, в губернскую палату государственных имуществ, шефу жандармов и императору. В ответ волостной голова избил жалобщиков, а помощник окружного начальника высек несколько крестьян.

Противодействие крестьян представителям местных властей продолжалось достаточно долго, до февраля 1844 г. Проводивший следствие по делу о крестьянском недовольстве в Тамбовской губернии флигель-адъютант Бутурлин писал: «Поселяне в невежестве своем взирают на начальства и общество как на два противоположные и как бы соперничающие и враждебные начала, а из подобного образа мыслей естественно следуют непрерывные колебания умов, убеждение, что ... однородное действие

целого общества одно только может служить оградой от угнетений недоброжелательствующих начальников»⁴. Ожидая военного усмирения, козловцы стали вооружаться доступными орудиями, представители земского суда, приехавшие в село за руководителем сопротивления Василием Поповым, были избиты крестьянами.

В конце февраля 1844 г. в результате вооруженного столкновения нескольких армейских рот с крестьянами Козловки сопротивление последних было подавлено⁵. Из 73 арестованных по этому делу крестьян 35 было осуждено к различным видам наказаний⁶. Следователи из столицы подтвердили систематические злоупотребления волостных и сельских властей, окружных начальников и полиции. Управляющему палатой Калакуцкому был вынесен выговор⁷.

Местными властями, вероятно, были сделаны должные выводы, так как к концу 40-х – началу 50-х гг. XIX в. в документах Тамбовской палаты государственных имуществ констатируется, что среди сборщиков почти прекратились растраты общественных денег, за должностными лицами не замечено крупных злоупотреблений, «лихоимства нет»⁸.

Несмотря на негативные моменты, волостная и сельская администрация представляла интересы казенных крестьян, и должности в этих управлениях занимали тоже крестьяне. По закону, представители коронной администрации имели огромное влияние на крестьянское самоуправление: чиновники губернского и окружного управлений были наблюдателями и руководителями крестьянских выборов, они утверждали в должности или нет всех выборных в волостные и сельские управления, назначали туда писарей, контролировали действия выборных и крестьянских сходов. Но это не означает, что все они, чиновники высших звеньев в системе местного управления и должностные лица низших ступеней, исполнение своих обязанностей связывали с корыстными интересами и не стремились улучшить состояние государственной деревни и жизнь крестьян.

В Тамбовской губернии было 62 волости и 266, а с 1850 г. – 267 сельских обществ. В 1841 г. открылись первые 38 сельских расправ, то есть судов для государственных крестьян, решавших мелкие уголовные и гражданские дела⁹. А к 1843 г. расправы действовали в каждой волости и каждом сельском обществе. С началом работы сословных крестьянских судов резко уменьшилось количество дел по жалобам и претензиям казенных крестьян в других судебных учреждениях. Например, в 1839 г. таких дел насчитывалось 152, в 1841 г. – 73, а в 1842 г. – 62¹⁰. Расправы быстро решали дела и выносили приговоры, кроме того, волостные и сельские расправы для крестьян были «своими», теперь за любой проступок или по жалобе не надо было отправляться в далекий уездный или земский суд. Расправы являлись не только своеобразным карательным органом, но и блюстителем порядка и моральных устоев казенных крестьян. Особое внимание уделялось злоупотреблявшим алкоголем: «Замеченные в пьянстве преследуются через сельские судебные расправы»¹¹. Неослабный контроль за этим злом приносил свои положительные результаты: в отчетах палаты появились записи о «значительном уменьшении пьянства», если в 1850 г. из подвергшихся суждению расправ 4314 крестьян 1744 осуждались за упомянутый порок (40 % от общего числа осужденных), то в 1852 г. из 2661 человека за пьянство было наказано 950 (36 %) ¹².

Если увеличивалось количество подпавших под суд за год крестьян, то объясняли это не тем, что уровень преступности возрастает, а что производится обширный розыск правонарушителей и «усугубляются действия местного управления»¹³.

Контролировать распространение такой привычки, как пьянство, было недостаточно, необходимо было наблюдать за производством и распространением вино-водочной продукции. Тамбовские чиновники доносили в МГИ, что «за исполнением откупщиками утвержденных условий со стороны палаты и окружных начальников имеется должное наблюдение»¹⁴. Местные власти следили за тем, чтобы не увеличивалось число питейных заведений. До реформы государственной деревни, как писал один мемуарист, «вместо отвращения крестьян от пьянства дана была откупщикам совершенная воля хозяйствовать в волостях, как им хотелось, и делать все, что им было угодно. И они так хорошо пользовались сим дозволением, что истинно недоставало только того, что вина насильно не лили мужикам в горло. И богатые мужички наметали им столько денег, что доходов с них получали они более, нежели сколько доходило с их оброка» государству¹⁵. Такое положение необходимо было исправить, тогда можно было попытаться решить сразу несколько проблем: сохранить часть крестьянских доходов, оставляемых в питейных заведениях, исправить негативные привычки крестьян и тем повысить уровень их нравственности, ограничить вмешательство помещиков в дела, подведомственные органам управления казенной деревней.

Чиновники Тамбовской палаты государственных имуществ утверждали, что «пьянство распространено заметно там, где умножено до излишества число кабаков»¹⁶. Поэтому на территории казенных земель стали закрывать незаконные питейные заведения и следить за деятельностью оставшихся. За опре-

деленный промежуток времени удалось достичь некоторых результатов. Зная, какое количество заведений, торгующих спиртными напитками, работало в селениях государственных крестьян и число казенных крестьян мужского пола, проживавших в губернии в тот или иной год, можно произвести расчеты и результаты отразить в следующей таблице.

Таблица 19

**СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН
к числу питейных заведений¹⁷**

Годы	1840	1841	1843	1844	1847	1850	1852
Число питейных заведений	505	505	482	508	508	480	454
Число душ казенных крестьян на одно питейное заведение	797	822	882	860	789	819	906
Число душ помещичьих крестьян на одно питейное заведение	—	—	—	—	—	2480	0

Постепенно удалось добиться, чтобы питейных заведений в государственной деревне становилось все меньше, а круг возможных потребителей из числа казенных крестьян сужался. Но все равно в помещичьих имениях было гораздо меньше питейных заведений. Многочисленные объекты распространения спиртных напитков – питейные дома, штофные и ведерные лавочки, временные выставки – снабжались продукцией винокурен губернии. По подсчетам И.Д. Ковальченко, в Тамбовской губернии в 1812 г. работало 67 винокуренных заводов, а в 1850 г. – 27¹⁸. Сокращение числа винокурен и питейных заведений отчасти было следствием «политики попечительства», проводимой в рамках реформы государственной деревни.

В тяжбах государственных крестьян с частными лицами права первых защищались как законодательными актами, так и действиями Тамбовской палаты государственных имуществ. Сохранились данные о таких делах по семи годам: 1840 – 1841, 1843 – 1844, 1847, 1850 и 1852. Большинство дел за год решались, так как защищались права казны от неправомерных действий лиц свободных сословий. Наименьшее количество дел было рассмотрено в 1844 г. – 29, а наибольшее – в 1841 г. – 517. Всего же за семь лет были приняты решения по 1562 делам. По искам частных лиц к казенному ведомству не было удовлетворено ни одной претензии. Более того, не было зафиксировано захватов казенных земель со стороны частных лиц. Против незаконных завладений землей ТПГИ осуществила такую меру, как составление по всем округам списков казенных дач. Показателем того, насколько чиновники казенного ведомства рьяно относились к защите имущественных прав казны и государственных крестьян, является факт взыскания в пользу казны и государственных крестьян с лиц других сословий 221 467 руб. сер., 11 087 человек, прежде крепостных, и 3801 дес. земли за семь лет¹⁹. За это же время по искам частных лиц к казне и казенным крестьянам не было присуждено ни одной копейки в пользу истцов. Незаконно присвоенные помещиками или другими лицами земли возвращались в ведение казны, а штрафные деньги пополняли финансы государства.

Попечительство над государственными имениями предполагало и организацию управления хозяйством, и вопросы обеспечения продовольствием, и охрану общественного порядка, и врачебную помощь, и устройство быта, и улучшение нравственности крестьян и многое другое. Для реализации попечительных мер необходимы были средства. Киселев писал, что «мера администрации не может заменить недостатки в материальных средствах, необходимых для разных хозяйственных улучшений, для развития сельской промышленности и для усиления способов к умножению государственных доходов»²⁰. Но казна лишних денег не имела, поэтому средства надо было искать у самих казенных крестьян. Хозяйственный капитал как раз и предназначался для организации образцовых ферм, на пособия и ссуды крестьянам, на учреждение больниц, на устройство путей сообщения, на культивацию неудобных

земель и прочие нужды. Источниками же хозяйственного капитала были отчисления от общественного сбора, часть доходов от мирских оброчных статей, 1/2 доходов от состоявших в пользовании сельских обществ мельниц, рыбных ловель, штрафы с государственных крестьян, доход от образцовых хозяйственных заведений, суммы, обращенные в хозяйственный капитал по предписаниям министра государственных имуществ²¹. Хозяйственный капитал отвечал своему назначению и являлся средством для хозяйственных и бытовых улучшений казенной деревни. Например, обучавшихся в 1844 г. в Тамбовской ветеринарной школе 12 мальчиков содержали за счет средств из хозяйственного капитала – по 30 руб. сер. на каждого²². А содержание оспопрививателей, учившихся в 1850 г. фельдшерскому искусству, оплачивалось из хозяйственного капитала по 40 руб. сер. на 14 человек²³.

Хозяйственный капитал хранился в палате государственных имуществ, суммами распоряжались чиновники, крестьяне же не имели к этому действию никакого отношения, они не принимали решений о расходовании средств из хозяйственного капитала. Чтобы исправить такую ситуацию, необходимо было учредить некий фонд, средствами из которого могли бы распоряжаться сами крестьяне. В марте 1847 г. министр государственных имуществ приказал приступить к учреждению в губерниях мирских капиталов²⁴. В Тамбовской губернии мирской капитал в 1852 г. составил уже 48 тыс. руб. сер.²⁵.

Суммы из мирского капитала можно было тратить на покупку лучших пород скота, постройку церквей, на постройку и ремонт общественных зданий, на приобретение семян и земледельческих орудий, на благоустройство селений казенных крестьян. В мирской капитал разрешалось обращать часть сумм, поступающих в хозяйственный капитал: доходы с мирских оброчных статей и крестьянские штрафы, а еще суммы от продажи общественного хлеба, выморочные капиталы умерших крестьян, суммы, уплачиваемые обществам квартировавшими у них войсками, и пожертвования²⁶. Расходы производились из процентов с капитала. Деньги хранились у доверенных крестьян, а принимал решение о расходовании сумм из капитала мирской сход. Крестьянское общество принимало отчеты об употреблении сумм из мирского капитала²⁷.

Крестьяне сами решали, на что тратить суммы из мирского капитала каждого сельского общества. Например, за один только 1852 г. из сумм мирского капитала было построено в губернии 7 православных церквей и началось строительство еще 28²⁸. В 1855 г. для обучения в Пензенском училище садоводства от Тамбовской губернии были отправлены три мальчика, по одному соответственно из Алгасовской, Хмелевской и Казачинской волостей. Крестьяне сельских обществ этих волостей посчитали, что содержание учеников за счет средств из мирского капитала для них будет необременительно: за каждого подростка в год платили по 50 руб. сер.²⁹

Садоводство между государственными крестьянами Тамбовской губернии развито было незначительно, почти не было опытных и сведущих садовников, между тем как климат и почвы способствовали развитию этой отрасли. Огородничество тоже находилось в довольно примитивном состоянии, поэтому в 1850-х гг. Тамбовская палата государственных имуществ, получив из разных мест империи семена ряда культур, стала рассылать их по сельским обществам. На закупку семян брались деньги из мирских капиталов этих обществ, например, в 1854 г. на это ушло 6 руб. 45 коп. сер. А закуплено было всего более 50 фунтов различных семян, куда входили разные сорта кукурузы, гороха, бобов, капусты, моркови (иные совершенно неизвестные, например, «морковь алтрингамская, самая большая, сладкая»), а также семена брюквы, петрушки, салата, лука, тыквы и даже лебеды³⁰.

Таким образом, и хозяйственный и мирской капиталы в Тамбовской губернии употреблялись по назначению и на пользу казенным крестьянам. Суммы расходов строго контролировались чиновниками палаты государственных имуществ и сельскими обществами. В документах не говорится о растратах из мирских капиталов, ведь их сбор и расход мало контролировались чиновниками, но даже если казнокрадство и имело место, то незначительное, так как мирской капитал отдельного сельского общества не мог быть очень большим, а объектов финансирования было достаточно.

Задача усовершенствования приемов ведения сельского хозяйства в казенных имениях решалась при помощи открытия агрономических училищ, организации образцовых ферм, распространения среди крестьянских обществ лучших семян и введения новых форм агротехники. Складывается впечатление, что до реформы государственной деревни в казенных селениях Тамбовской губернии ни приемы ведения хозяйства, ни орудия труда не только не улучшались, но вообще не изменялись столетиями. Повсеместно было распространено трехполье, удобрений, кроме навоза, не существовало. Как записано в одном из отчетов Тамбовской палаты государственных имуществ, «крестьяне по вековой привычке употребляют весьма обыкновенного вида и устройства соху, борону, а в степных местах плуг». Только с конца 40-х гг. XIX в. стали вводиться улучшенные сельскохозяйственные орудия, до этого времени в крестьянских хозяйствах даже не было риг, где можно было бы укрыть хлеб в ненастную погоду³¹. Ого-

родничеством крестьяне занимались только на своих личных приусадебных участках, выращенные овощи составляли «домашнюю потребность государственных крестьян», лишь в пригородных селениях крестьяне поставляли овощи на продажу, поэтому использовали в своем хозяйстве теплицы – «паровые гряды»³².

Ощутимое влияние на развитие сельского хозяйства в ближайшем будущем могли оказать специальные занятия в приходских училищах для детей казенных крестьян и деятельность учебных ферм. Главные основания сельского хозяйства, по рекомендации ТПГИ, в приходских училищах преподавали воспитанники Тамбовской учебной фермы (с 1850 г.)³³.

С начала 1840-х гг. крестьянам стали предлагать использовать полезные советы из книг и брошюр по сельскому хозяйству. Популярность таких изданий была небольшой, например, в 1842 г. было продано 53 книги³⁴. Было отмечено, что крестьяне охотнее познают теорию, чем пытаются ввести что-либо новое на практике. Чтобы желающих познать новое было больше, печатные издания продавались по самым умеренным ценам: например, брошюры Вольного Экономического общества о пользе возделывания свекловицы распространялись по 5 коп. сер., книги Щеглова о приготовлении сахара приобретались за 25 коп. сер., книга Ахарда об изготовлении сиропа шла по цене 15 коп. сер.³⁵ К началу 1850-х гг., когда крестьяне уже привыкли к новшествам и научились выращивать ранее мало популярные или почти неизвестные культуры, брошюры и наставления стали раскупаться активнее. Спросом пользовались следующие издания: «Краткое наставление о посеве, уборке и хранению картофеля», «Наставление о возделывании табаку», «Краткое наставление о возделывании кормовых трав», «О подсобных кормах при недостатке сена»³⁶. После целого ряда лет наставительных советов крестьянам от властей применять в ведении хозяйства новшества, при моральном и материальном поощрении «новаторов», казенные крестьяне Тамбовской губернии стали выращивать картофель, возделывать табак, специально засеивать луга кормовыми травами. Но все равно предпочитали использовать привычные, известные семена, поэтому в качестве примера все новые культуры, семена которых присылались в губернию чаще всего из Пензенского ученого садоводства, Московского общества сельского хозяйства, из Черниговской и Саратовской губерний, сначала выращивались на огородах при общественных садах. Если крестьяне видели, что новые культуры могут принести больше пользы, чем проблем, то начинали использовать их на своих земельных участках³⁷.

Начальство в Тамбовской губернии обращало особое внимание на развитие садоводства, так как эта отрасль хозяйства совершенно не была известна казенным крестьянам. Например, в 1844 г. свои сады имели только 39 домохозяев³⁸. В документах ТПГИ отмечено, что «основание к разведению садоводства» было положено в 1850 г. Тогда было разбито 73 общественных сада при сельских училищах и волостных правлениях, высажено 1000 яблонь, привезенных из Пензенской губернии, а при некоторых садах заведены питомники³⁹. В 1851 г. сады были разбиты и при сельских управлениях. А к 1853 г. общественных садов в губернии насчитывалось 114, собственно же крестьянских садов в казенных селениях – 750⁴⁰. Через два года после посадки первых садовых деревьев количество приобретенных губернией яблоневого саженцев увеличилось более чем в 5 раз: у Саратовского садоводства в 1852 г. было закуплено 5520 уже привитых яблонь⁴¹. При всех общественных садах к началу 50-х гг. существовали огороды, по-прежнему почти все казенные крестьяне, кроме пригородных, выращивали овощи для собственного употребления. Крестьяне не воспринимали такие объекты, как огород и сад, в качестве источника дополнительного заработка. Поэтому основание таких отраслей хозяйства, как огородничество и садоводство, финансовых выгод казне не принесло, зато принесло пользу казенным крестьянам. Довольно частые в России неурожайные годы приводили к голоду из-за дефицита хлеба. Чтобы заменить этот продукт в критических ситуациях, П.Д. Киселев предложил использовать в неурожайные годы как основной продукт, а в обычные – как хороший дополнительный, картофель. Это была не оригинальная идея министра государственных имуществ, а возрождение прежнего опыта – повсеместно вводить посадку картофеля по случаю неурожая хлеба приказывали еще постановления от 1765 и 1797 гг.⁴² В 1840 г. появился закон об обязательных посадках картофеля.

С весны 1841 г. в Тамбовской губернии приступили к разведению картофеля на общественных запашках и на особых участках при волостных правлениях, последние предназначались для снабжения крестьян семенным материалом, ведь картофель не был самой распространенной культурой на полях и в огородах казенных крестьян губернии.

В 1843 г. Тамбовская палата государственных имуществ сообщала в МГИ, что «картофель распространяется с успехом», чему невольно помогли предшествовавшие неурожайные годы, когда стал ощу-

шаться недостаток хлеба: картофеля было посажено 48 001 четвертей (около 10 080 210 л), а получено 104 237 четвертей (около 21 889 770 л)⁴³. Такой продукт становился популярным из-за возможности его широкого применения: продукт питания, корм скоту, основа для изготовления крахмала, патоки и другого. В течение трех лет, с 1842 по 1844 г., в губернии крестьянам за разведение картофеля было роздано 66 премий по 15 и 25 руб. сер. с похвальными листами от министерства государственных имуществ⁴⁴.

Киселев П.Д., проводивший ревизию губерний в 1843 г., отметил, что «разведение картофеля почти везде имеет самое успешное последствие. Общественные посеы прекратились там, где посеы достигли назначенной по высочайшей воле пропорции»⁴⁵. В Тамбовской губернии разведение картофеля на общественной запашке было отменено в 1844 г. после сбора урожая, который составил 13 504 четвертей собранных корнеплодов на 3836 четвертей посаженных. В этом же году на собственно крестьянских землях было посажено 49 535 четвертей, а собрано 149 520 четвертей картофеля (средняя урожайность на общественной запашке была несколько большей, чем на крестьянских землях)⁴⁶. После отмены посадок картофеля на общественной запашке количество получаемого семенного материала даже увеличилось, но картофель все-таки больше сажали на огородах, чем на полях. Например, в 1850 г. на полях на 3394 дес. было посажено 14 376 четвертей посевного материала, а собрано 32 980 четвертей, на огородах на 10 391 дес. было посажено 43 472 четвертей, а собрано 107 425 четвертей^{xxx}. Для сравнения, в этом же году на крестьянских полях было посеяно хлеба озимого и ярового на площади в 830 108 дес. 1 097 390 четвертей, а собрано 1 648 859 четвертей^{xxxii}. Таким образом, по-прежнему картофель не являлся конкурентом зерновым культурам, хотя год от года этот продукт становился все более популярным. Но малоземельные крестьяне, которых в губернии было большинство, не хотели жертвовать под картофель землю, где прежде были зерновые посеы. Привычка выращивать хлеб оказалась сильнее, несмотря на потенциальную возможность потерять в случае неблагоприятных условий большую часть урожая, а картофель при любых погодных условиях давал большой или меньший, но гарантированный урожай.

Особую заботу местные власти проявляли в отношении сохранения казенных лесов, ведь в Тамбовской губернии их было не так много: например, в 1840 г. они составляли всего 679 816 дес. (для сравнения – казенных земель и земель государственных крестьян было 2 231 979 дес.), а в 1852 г. – 699 336 дес. (казенных земель и земель государственных крестьян – 2 259 105 дес.)^{xxxiii}. За сохранность леса отвечало всегда более 2 тыс. человек, включая чиновников по управлению, лесную стражу, лесных объездчиков, военно-лесных сторожей, полесовщиков, пожарных старост^{xxxiii}.

Если до реформы за охраной лесов в Тамбовской губернии почти не следили, а ревизоры писали «о бесконтрольной вырубке деревьев и нерациональном использовании казенных лесных угодий, то теперь сохранение леса стало личной обязанностью многих людей, в том числе для семейств постоянной лесной стражи, водворенных для более прочного охранения лесов» (к 1850 г. в губернии насчитывалось 88 таких семейств)^{xxxiv}. Количество самовольно вырубленных деревьев год от года уменьшалось, а для приумножения лесных богатств были учреждены питомники (к 1852 г. один в Козловском лесничестве и шесть – в Тамбовско-Ценской даче), началась посадка саженцев, проводился регулярный сбор семян, главным образом березовых и дубовых^{xxxv}. К 1852 г. под лесной порослью, большую часть которой составляли сосны, и засеянных семенами было 2705 дес.^{xxxvi} Главным успехом деятельности лесного отделения Тамбовская палата государственных имуществ считала уменьшение самовольных порубок в казенных лесах. Это подтверждено документами, как и то, что лесные запасы, благодаря усилиям лиц, отвечавших за сохранение леса, стали восстанавливаться.

Таблица 20

Динамика состояния лесных угодий в губернии^{xxxvii}

Год	1845	1848	1850	1852
Самовольно вырубленных	30 736	20 747	20 214	18 738

Посаженных	1800	34 000	27 700	28 000
------------	------	--------	--------	--------

Но для тамбовских крестьян лес не был столь же дорог, как пахотная земля – главный источник существования. Тамбовская губерния относилась к числу малоземельных, у большинства казенных крестьян был недостаточный, по их мнению, земельный надел. Вот один из множества примеров: однодворцы деревни Камбаровщина Тамбовского уезда с декабря 1838 по октябрь 1839 гг. обращались в департамент государственных имуществ и в ТПГИ с просьбой наделить их землей дополнительно, так как по 7-й ревизии на 95 душ «причитается по одной только десятине на душу, оттого крайняя нужда, но должны исполнять казенные и другие повинности»^{xxxviii}. Сам Киселев признавался, что большинство крестьянских просьб говорят именно о недостатке земли; он предлагал решать эту проблему двумя путями: «наделение из пустопорожных земель и казенных оброчных статей, из малозначительных лесов; переселение внутри губернии»^{xxxix}.

Когда реформа государственной деревни только начинала осуществляться на деле, тамбовский гражданский губернатор сообщал министерству государственных имуществ, что однодворцы, которые составляли большинство казенных крестьян губернии, «владея землей и по душам, и по крепостным актам, не понимают ни своего положения, ни прав и не умеют ими пользоваться»^{xl}. Ведь однодворцы считали земельные наделы, которыми они пользовались, своей личной собственностью, а государство предпочитало рассматривать эту землю в качестве казенной, данной в пользование крестьянам. Лишь в 1850 г. был узаконен компромисс: четвертные земли формально признавались однодворческими, а фактически уравнивались с казенными^{xli}.

В 1839 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета о наделении крестьян землей, исходя из данных о душах по 8-й ревизии: для малоземельных губерний душевую норму составляли 8 дес. земли, если эту пропорцию возможно поддерживать при имеющихся в губернии ресурсах. В Тамбовской губернии не было таких ресурсов, восьмидесятиная пропорция для казенных крестьян не соблюдалась. Зная число ревизских душ государственных крестьян губернии по 8-й и 9-й ревизиям, приводимое в трудах М.А. Рахматуллина и В.М. Кабузана, а также количество десятин земли, находившейся во владении казенных крестьян в разные годы, известное по отчетам Тамбовской палаты государственных имуществ, и, произведя некоторые расчеты, можно констатировать, что в 1840-е гг. на одну ревизскую душу из числа государственных крестьян приходилось в среднем 6,3 – 6,4 дес. земли, а в начале 50-х гг. XIX в. – 5,5 дес.^{xlii}

С 1833 г. (8 ревизия) по 1850 г. (9 ревизия) население казенной деревни в губернии увеличивалось, а число ревизских душ оставалось неизменным до следующей ревизии, поэтому все острее испытывался земельный голод. Земельного фонда для дополнительного наделения крестьян в губернии практически не было. По мнению М.К. Рожковой, Тамбовская губерния в первой половине XIX в. относилась к районам

с наиболее высоким процентом вспаханной земли: на 100 тыс. дес. – 44 569 дес. обработанной земли^{xliii}. Часть свободных земель была непригодна для земледелия: болотистая местность или песчаная равнина. Местное начальство не видело смысла в том, чтобы нарезать дополнительные участки нуждающимся крестьянам из казенных оброчных статей. Объяснение звучало так: «Казенные земли губернии приносят больший доход, чем оброк государственных крестьян; наделение целых обществ или селений незначительным количеством земли из оброчных статей не может принести всем крестьянам существенной пользы»^{xliv}. Чиновники на первое место по значению ставили финансовую прибыль государственной казне, а уж затем – крестьянскую потребность в земле. Кроме того, казенных свободных земель было очень немного, например, к 1850 г., когда давно уже не производилась раздача казенной земли помещикам, а в управление Тамбовской палаты государственных имуществ поступали земельные дачи, отсуженные у частных владельцев, общее количество казенной свободной и данной в наделы государственным крестьянам земли составляло 2 260 471 дес., из которых в пользовании крестьян находилось 2 160 248 дес.^{xlv}

Из-за недостатка земли не допускалось, чтобы кто-либо из государственных крестьян владел большим количеством земли, чем было определено по закону. Например, в 1841 г. у однодворцев Усманского уезда села Масаловки, деревень Феодоровки и Пашковой был отрезан земельный излишек в 3664 дес. и оставлена пропорция в 8 дес. на душу^{xlvi}.

Чтобы избежать той ситуации, когда при нехватке земли у крестьян сельских обществ их начальство и зажиточные односельчане могли владеть избыточным количеством земли, чиновники ТПГИ следили, чтобы крестьянская земля делилась равно по числу ревизских душ. Так, один из управляющих пала-

той, А.Я. Мейснер, писал, что «лишние участки поступают без ведома общества в пользование сельских начальников и миродеров. Вся подать с селения уплачивается со всей земли, за неправильно состоящую в пользовании частных лиц землю платят все хозяева, кроме тех, кто ею владеет»^{xlvii}. После ревизии населения в 1850 г. Тамбовская палата государственных имуществ постановила, чтобы вся пахотная земля была разделена по числу душ 9-й ревизии с весны 1851 г., дабы до 10-й ревизии (в 1857 г.) не производилось переделов земли^{xlviii}. Этот процесс нельзя было затягивать, так как при переделах земли, продолжавшихся долгое время, возникало больше возможностей для злоупотреблений сельских начальников и богатеев.

К середине 40-х гг. XIX в. около 4/5 государственных крестьян Тамбовской губернии нуждались в дополнительном наделении землей, так как размер их участков был меньше 8-ми дес.^{xlix} Судя по документам, до 1850 г. из казенного земельного фонда крестьянам земля не выделялась, а после 9-й ревизии, когда выяснилось, что средний крестьянский надел уменьшился до 5,5 дес., было решено нарушить неприкосновенность не очень богатого казенного земельного фонда. В 1851 г. были собраны сведения о нуждающихся и определена пятидесятичная пропорция для дополнительных наделов из казенных оброчных статей^l. К 1853 г. под дополнительными крестьянскими наделами значилось 23 000 дес.^{li} Чтобы помочь крестьянам, терпевшим недостаток в земле, Тамбовская палата государственных имуществ предложила сельским обществам с четвертными землями, то есть находившимися в собственности семей однодворцев, разделить их уравнительно по числу душ односельчан, но на это согласились крестьяне лишь нескольких селений^{lii}.

Из-за малоземелья переселение казенных крестьян внутри губернии было ограниченным: например, в 1840 г. – это 70 душ, в 1841 г. – 116 душ, в 1847 г. – 173 души, в 1850 г. – 167 душ^{liii}. Как отмечали чиновники ТПГИ, «немногие отказывались от переселения», значит наличие земельного участка оценивалось крестьянами выше привычного существования в родном селении среди знакомых или родственников; только отчаянное положение могло заставить людей переезжать иногда достаточно далеко от прежнего места жительства. Например, в 1841 г. часть крестьян села Грамушки Козловского уезда из-за недостатка земли у сельского общества переселилась в Усманский уезд, где к казне отошла земельная дача умершего помещика Сокольского^{liv}. Но внутренних ресурсов было мало, поэтому предпочтительным было переселение нуждающихся в земле в другие губернии. Безземельные крестьяне и до реформы, и с ее началом самовольно уходили искать лучшей жизни в другие районы империи, надеясь осуществить извечную крестьянскую мечту о достаточном для безбедного существования земельном наделе.

Кроме того, что самовольные переселения были противозаконны, они создавали массу неудобств для работы государственной бюрократической машины: например, в 1831 – 1832 гг. из Тамбовской губернии в Саратовскую самовольно переселились 128 душ экономических крестьян, на прежнем месте жительства за ними продолжали числиться земли по 3 и 5 дес. на душу, без особого разбирательства переадресовать их другим крестьянам было невозможно, переселившиеся, кроме того, были записаны по ревизии 1833 г. дважды^{lv}. Самовольным переселенцам правительство не содействовало, они не получали пособий на дорогу и хозяйственное обзаведение, на новых местах для них ничего не было готово. До выхода в свет закона о переселенцах от 8 апреля 1843 г. («Дополнительные правила о переселении государственных крестьян» к Своду постановлений о благоустройстве в городах и селениях), по сведениям, собранным Тамбовской палатой государственных имуществ, за пределы губернии самовольно переселилось, 8901 лицо мужского пола^{lvi}. Неизвестно, с какого времени был начат этот подсчет, да и невозможно было точно установить число ушедших навсегда из мест прежнего проживания, поэтому реальная цифра самовольно переселившихся должна быть большей.

Часть самовольно переселившихся вынужденно перечисляли на баланс тех губерний, куда они ушли, гораздо меньше возвращали обратно: например, в 1840 г. было перечислено 349 душ, возвращено – 63, в 1844 г. перечислено 203 души, ни один человек не возвращен^{lvii}. После выхода закона 1843 г. о переселенцах за процессом переезда государственных крестьян установлен соответствующий контроль, а самовольное переселение преследуется.

У переселения, санкционированного государством, было две основные цели: активнее осваивать малозаселенные районы империи, добываясь более равномерного размещения населения по стране, и оказать ощутимую пользу безземельным или малоземельным крестьянам – ушедшие получают достаточный земельный надел, а у оставшихся членов сельского общества несколько увеличивается земельный фонд. Переселение разрешалось только из тех сельских обществ, где в целом на душу приходилось менее 5 дес. земли. Добровольные переселенцы получали полагавшийся им хлеб из запасных магазинов, по прибытии на место получали зерно для посева, бревна на строительство жилья и безвозмездную ссу-

ду в 20 руб. сер. при наличии леса или 35 руб. сер. при его отсутствии. Эти льготы не распространялись на крестьян, переселяемых по приговорам сельских обществ за серьезные проступки.

Со времени открытия в Тамбовской губернии нового управления государственной деревней, то есть с июня 1838 г., и до 1850 г. включительно было дано разрешение переселиться в другие губернии 5552 душам, выехало же 5417 душ^{lviii}. Часть крестьян медлила с переездом, надеясь, что представится возможность остаться в родной губернии. В этом смысле показателен пример о злключениях крестьян деревни Петровской Тамбовского округа, длившихся с 1838 по 1842 гг.^{lix} Крестьяне неоднократно обращались в Тамбовскую палату государственных имуществ с просьбой дополнительно наделить их землей, ведь у них на 395 душ приходилось 928 дес., однако всякий раз они получали лишь предложения о переселении в Оренбургскую или Саратовскую губернии. Крестьяне отвечали, что переселиться не могут «не потому, что не пожелали воспользоваться милостивым распоряжением правительства, но потому, что от малоземелья своего пришли в совершенную бедность»^{lx}. В этом была некоторая доля лукавства, так как для переселяющихся выдавались пособия, велико было желание остаться и выхлопотать себе необходимое количество десятин земли. Крестьяне были убеждены, что «землей наделить можно, ее прежде нанимали в оброк (1664 дес.), но в 1829 г. ее отобрали и отдали в оброк купцам, которые с жителей за наем у них некоторого числа десятин берут важный в свою пользу доход»^{lxi}. Видимо, ТПГИ посчитала более удобным не вступать в длительный спор с купцами, а с меньшими хлопотами переселить крестьян. Решение губернской палаты поддержало и министерство государственных имуществ, получившее в 1839 г. прошение от петровских крестьян: было предписано включить их в число 25 тыс. душ, которые в первую очередь будут переселены в Саратовскую и Оренбургскую губернии, если они того пожелают. Кроме того, петровских крестьян наказали на 60 коп. сер. за то, что они отослали свое прошение в МГИ не на гербовой, а на простой бумаге. Неизвестно, чем в конце концов кончилось дело, но в 1842 г. эти крестьяне все еще проживали на прежнем месте.

Судя по документам, из южных уездов переселилось больше казенных крестьян, чем из северных, здесь были лучшими условия для хлебопашества и большей плотность населения. Из Тамбовской губернии уезжали в основном в Саратовскую, Оренбургскую, Тобольскую, Екатеринославскую губернии и на Кавказ^{lxii}.

Кроме экономического эффекта переселение помогало решить некоторые социальные проблемы. Например, переселялись в многоземельные губернии выкупленные государством у однодворцев лично зависимые крестьяне. В Тамбовской губернии такой выкуп начался с конца 40-х гг. XIX в., к 1853 г. осталось лишь 9 однодворцев, имевших по сути крепостных крестьян^{lxiii}. Если в 1847 г. однодворческих крестьян было 1970 душ, то к 1853 г. таковых оставалось в зависимости от однодворцев 50 душ^{lxiv}. Не все выкупленные однодворческие крестьяне переселялись (кстати, за них государство платило по 100 руб. сер. за душу), но большая их часть: в 1847 г. все 229 выкупленных однодворческих крестьян уехали в Оренбургскую губернию, а в 1852 г. из 26 душ 24 отправились в Тобольскую губернию^{lxv}.

Таким образом, с 1838 по 1852 гг. включительно из Тамбовской в многоземельные губернии было переселено всего 8764 душ крестьян, а разрешение на переселение было дано 8778 душам, до 1852 г. уехали все, кто получил разрешение на переселение^{lxvi}. Значит, должностные лица заботились о том, чтобы пожелавшие переселиться как можно быстрее сделали это. Ведь после выбывших переселенцев в пользу оставшихся переходила земля, к 1853 г. от переселившихся осталось 67 690 дес.^{lxvii} В Тамбовской губернии весьма скудно финансировалось переселение крестьян: из переселенческого капитала уезжавшим выдавалось примерно по 8 руб. сер. на душу^{lxviii}. ТПГИ имела контакты с палатами тех губерний, куда переселялись тамбовские государственные крестьяне; но каковы бы ни были новые условия жизни переселившихся, возвращаться им было запрещено. Государство предоставляло им главное – больший, чем у них был раньше, земельный надел, все остальное зависело от самих крестьян.

В первые годы реформирования управления государственной деревней ТПГИ, описывая состояние хозяйства казенных крестьян губернии, сообщала министерству государственных имуществ, что «бедность, в которую государственные крестьяне приведены неурожаем хлеба, лишает всякой возможности исполнить ожидания правительства»^{lxix}. Предотвращение голода стало одним из важнейших направлений попечительной политики государства в казенной деревне.

В Тамбовской губернии самыми «голодными» годами с конца 30-х до начала 50-х гг. XIX в. можно считать 1838 и 1840 гг. Семенов-Тянь-Шанский П.П., живший в конце 30-х гг. в Рязанской губернии, но бывавший и в Тамбовской, записал о голоде 1838 г. следующее: «Урожай 1837 г. был неблагоприятный. Показались обычные в неурожайные годы хлеба: черный плотный из лебеды и серый пушистый из мякины с примесью ржаной муки. Поредели на избах соломенные крыши, отчасти стравливаемые на корм скоту, отчасти сжигаемые на топливо. Некоторые избы заколотились, потому что семьи собирались по

несколько в одной избе, около одного очага, для экономии топлива. Побирались крестьяне, прося милостыню, целыми толпами. В наших русских деревнях суму заставляет надевать только нужда, и притворных и профессиональных нищих между деревенским населением почти не бывает»^{lxx}. О ситуации в Тамбовской губернии в 1840 г. оставил свои заметки чиновник особых поручений Победоносцев: «Людей, просящих милостыню, развелось по городам и селам множество. Большинство питается теперь мякинным хлебом. Одна приправа тяжелой и нездоровой крестьянской пищи – слезы несчастных»^{lxxi}. Два разных свидетеля, а впечатления тождественны друг другу.

Чтобы по возможности избежать голода, надо было постоянно иметь достаточное количество хлеба в неурожайные годы. И после устройства управления государственной деревней продовольственное дело стало пробой попечительства над казенными крестьянами. Закупки зерна из средств продовольственного капитала, запасы зерна на специальных складах, общественные запашки, – все эти меры призваны были улучшить ситуацию с продовольствием в казенных селениях.

С 1827 г. по инициативе главы удельного ведомства Л.А. Перовского среди удельных крестьян были впервые повсеместно введены общественные запашки^{lxxii}. Опыт был признан успешным и повторен уже при проведении реформы государственной деревни. Предполагалось, что общественная запашка может существовать только в том случае, если на это согласятся крестьяне^{lxxiii}. Но, как отмечено в одном дореволюционном сборнике по экономической истории, «крестьяне государственные находились в большой зависимости от административных учреждений МГИ, которое считало нужным опекать их, поощрять и даже наказывать, как малых, неразумных ребят»^{lxxiv}.

Для чиновников на местах в их дальнейших действиях достаточно было рекомендации из столицы, чтобы исполнить совет как приказ, а крестьян можно было так или иначе убедить в необходимости введения общественной запашки. Недаром П.Д. Киселев записал в 1843 г., после его поездки по России, что «общественная запашка ... почитается крестьянами казенною и отяготительной»^{lxxv}.

В Тамбовской губернии общественная запашка существовала еще до введения нового управления казенной деревней, но, какое пространство в десятинах она занимала, неизвестно, остались лишь данные о продаже излишнего урожая зерна озимого и ярового хлеба с общественной запашки^{lxxvi}. Сведения обо всем, что касалось общественной запашки, содержатся в отчетах ТПИ министерству государственных имуществ, начиная с 1840 г.

Таблица 21

Сведения о соотношении размеров крестьянских земель и общественной запашки^{lxxvii}

Год	Земля под общественной запашкой (в дес.)	Число сельских обществ, включенных в общественную запашку	Земля казенных крестьян (в дес.)	Число всех сельских обществ
1840	11 200	142	2 124 733	266
1841	23 085	214	2 127 797	266
1843	25 109	246	2 152 433	266
1844	25 109	246	2 156 205	266
1847	14 476	165	2 161 069	266
1850	8173	144	2 160 248	267

Таким образом, до середины 1840-х гг. размеры общественной запашки возрастали, в нее вовлекалось все большее число сельских обществ. В рассмотренном периоде времени общественная запашка занимала от 0,5 до 1 % всей земли казенных крестьян. Сокращение размеров общественной запашки с середины 40-х гг. объясняется отменой обязательных посевов картофеля и возможностью обеспечить достаточный запас продовольствия при минимальной посевной площади общественной запашки. Урожайность зерновых культур всегда была несколько выше на собственно крестьянских полях, чем на территориях общественной запашки. Для примера возьмем цифры за два урожайных года и один неурожайный (1847 г.).

Данные об урожайности хлеба^{lxxviii}

Год	Общественная запашка		Поля казенных крестьян	
	урожай озимых (в четвертях)	урожай яровых (в четвертях)	урожай озимых (в четвертях)	урожай яровых (в четвертях)
1843	сам-5,5 (47 692)	сам-1,5 (27 556)	сам-5,9 (1 976 050)	сам-2,5 (1 647 468)
1844	сам-4,5 (39 849)	сам-3 (38 645)	сам-4,9 (1 842 224)	сам-3,4 (2 237 138)
1847	сам-2 (8716)	сам-2 (20 547)	сам-2,3 (865 835)	сам-3,7 (2 536 405)

Таким образом, несмотря на небольшие площади, занятые под общественную запашку, и чуть меньший прибавочный продукт с нее по сравнению с размерами урожаев на полях казенных крестьян, учреждение общественной запашки имело несомненный положительный эффект. Хлеб, собранный с общественной запашки, шел в хлебные запасные магазины и выдавался нуждающимся крестьянам при угрозе голода. Как отмечено в одном из отчетов Тамбовской палаты государственных имуществ, эта мера пополняла недостаток урожая и давала возможность «прожить государственным крестьянам зиму без пособия от правительства»^{lxxix}.

Запасные продовольственные магазины для крестьян существовали еще до реформы государственной деревни, а с 1842 г. задача обеспечения казенных крестьян продовольствием возлагалась на министерство государственных имуществ. Сбор в хлебные запасные магазины обеспечивался за счет поступлений с каждой ревизской души по одному четверику ржи и по четыре гарнца ярового хлеба, а также урожая с общественной запашки. Полное количество запасов должно было составлять по 1,5 четверти зерна на душу, то есть примерно по 315 л. Частных запасных магазинов, использовавшихся при небольших местных неурожаях, в Тамбовской губернии было достаточно, чаще всего роль складов выполняли простые амбары: например, в 1852 г. зданий собственно запасных магазинов насчитывалось 87, а амбаров, устроенных под общественные хранилища продуктов – 1520^{lxxx}. Но количество запасных магазинов всех видов было больше числа селений, в которых проживали государственные крестьяне.

Таблица 23

**ДАННЫЕ О КОЛИЧЕСТВЕННОМ СООТНОШЕНИИ ЗАПАСНЫХ МАГАЗИНОВ И
крестьянских селений^{lxxxi}**

Год	Число селений, где жили казенные крестьяне	Число запасных магазинов
1840	1045	1260
1841	1049	1260
1843	1051	1406
1844	1052	1427
1847	1053	1584
1850	1077	1604
1852	1093	1607

Киселев П.Д. справедливо отметил в 1843 г., что «составление хлебных запасов совершается во многих губерниях с желаемым успехом, но постройка магазинов идет медленно, оттого крестьяне стес-

нены, уделяя свои амбары для хранения запасного хлеба»^{lxxxii}. Эту медлительность при строительстве запасных магазинов можно объяснить тем, что возводились они на средства самих казенных крестьян. Так как магазины становились общественными, а не личными, и на их строительство требовалось немало средств, то крестьяне предпочитали хранить запасы в малоприспособленных для этого помещениях: временных амбарах или даже в специальных ямах. Правительство разрешало хранить хлеб в ямах и рассылало в губернии чертежи ям; эти незатейливые склады были дешевы и пожароустойчивы^{lxxxiii}.

При крупных общих неурожаях крестьяне могли найти помощь в центральных хлебных магазинах, в Тамбовской губернии это был Центральный магазин в Моршанске, начавший функционировать после 1844 г. Запасы центрального магазина составлялись за счет зерна, собранного в урожайные годы и дополнительных закупок хлеба^{lxxxiv}. В Моршанском магазине в трех корпусах могло сразу храниться до 15 тыс. четвертей зерна (около 3 150 000 л). Примерно столько там и хранилось, скажем, к 1847 г. там находилось 13 447 четв. озимого и 1600 четв. ярового хлеба, а к 1848 г. – 9328 четв. озимого и 752,5 четв. ярового^{lxxxv}. В неурожайные годы, как в 1850 г., в Центральном Моршанском магазине вообще не оставалось хлеба, он или продавался, или раздавался в ссуду^{lxxxvi}.

Хлеб и из центрального, и из частных запасных магазинов постоянно выдавался нуждающимся крестьянам. Так как в Тамбовской губернии численность казенного крестьянства была довольно значительной, то полного сбора запасов во всех запасных магазинах в сумме всегда не было. Например, в один из самых урожайных годов – 1843 – до полного сбора недоставало по 1,5 четверика на душу (около 39,36 л), а в неурожайный 1850 г. – по 6 четвериков и 1 гарнцу (около 160,72 л)^{lxxxvii}.

Крестьяне часто были недовольны тем, по каким принципам функционировали запасные магазины. В неурожайные годы, когда спрос на запасы возрастал, встречались злоупотребления со стороны должностных лиц. К примеру, в голодный 1840 г. в Лебединском уезде за выдачу хлеба из запасных магазинов с крестьян брали деньги^{lxxxviii}. Или в 1848 г. тамбовский ревизор Патковский, проверяя Борисоглебский округ, передавал жалобы крестьян на то, что «раздача хлеба производилась не иначе, как через задобрение деньгами или вином», беднякам выдавали залежалый и сорный хлеб^{lxxxix}. Хотя чиновники Тамбовской палаты государственных имуществ докладывали в МГИ, что «несмотря на частые неурожай, продовольствием обеспечивают хлебные запасные магазины и огромный капитал продовольствия, собранный с государственных крестьян», но само министерство заметило, подводя итог своей продовольственной политике, что во многих губерниях, в том числе и Тамбовской, не соблюдалась норма запасов в 1,5 четверти на душу. Тамбовская в числе пяти губерний признавалась находившейся по запасам продовольствия в неудовлетворительном состоянии^{xc}.

В ноябре 1839 г. в Тамбовскую палату государственных имуществ из МГИ поступило предложение открыть вспомогательные и сберегательные кассы для крестьян, «займы подстрекут поселян к большему развитию земледелия, а пособия, какие предполагает палата, поощряют их к тунеядству»^{xcii}. Эта мера должна была содействовать развитию «между казенными крестьянами промышленности, предоставить торгующим более свобод, для улучшения земледелия и покупки рогатого скота и так далее»^{xcii}.

Вспомогательные и сберегательные кассы были открыты по распоряжению ТППИ при волостных правлениях в 1844 г.^{xciii} В этом году было учреждено две вспомогательные и две сберегательные кассы, на открытие касс в волостные правления поступило по 1000 руб. сер. из окружных управлений. Кассы вовлекали в торговый оборот денежные средства, вспомогательные предназначались для взаимопомощи среди крестьян, а сберегательные – для сохранения денежных сумм и накопления процентов. Хранить свои вклады в сберегательных кассах могли не только казенные крестьяне, но и отставные солдаты, купцы, мещане, разночинцы^{xciv}. Вклад в сберкассу должен был быть не менее 1 руб. сер., срочный или бессрочный. На вкладчика заводилась книжка, куда вписывались условия хранения вклада. Наследники вкладчика могли получить капитал через определенное количество лет или изымать доход от вклада с 4 % годовых^{xcv}. Суммы сберегательных касс употреблялись для усиления оборотов вспомогательных касс, оставшиеся средства хранились в Коммерческом банке. Воспользоваться услугами касс могли немногие зажиточные крестьяне. Как докладывало в 1847 г. Вановское волостное правление, «крестьяне тогда только решаются получать ссуды, когда уже им представится в деньгах необходимая надобность. Хотя по волостному правлению ссуда производится почти непрерывно, но израсходовать ее всю волостное правление не имеет надежды ближе декабря месяца, так как ссуда производится мелочная: от 10 до 60 руб. сер.»^{xcvi}

Крестьянских вкладов до 1848 г. не было, несмотря на то, что крестьянские кассы работали при волостных правлениях с 1844 г. Объяснение можно найти в рапорте липецкого окружного начальника А.И. Давыдова: «При разъездах моих я принимал меры внушением крестьянам о пользе сего деяния

(учреждение касс), но везде, где еженедельно бывают базары, крестьяне объявили мне, что они никакими оборотами не занимаются, как только продают в базарные дни по мере надобности свой хлеб, домашний скот и птицу и тут же покупают у посторонних продавцов для своего обихода соль, деготь, лыки и прочее, а потому учреждение вспомогательных касс сочли для себя излишним предметом. По безденежности крестьян, желающих брать деньги для своих надобностей найдется много, но, чтобы они выплатили в срок долг, ручаться нельзя, а можно ожидать одного лишь для них разорения по продаже имущества за неплатеж взятой суммы»^{xcvii}. Но большинство окружных начальников находили, что учреждение вспомогательных и сберегательных касс для крестьян – это полезная мера.

К 1850 г. вспомогательных касс в губернии было 8, а сберегательных – 6^{xcviii}. Видимо, был прав лицейский окружный начальник, далеко не все крестьяне могли себе позволить держать деньги в кассах или брать ссуды, поэтому этих банковских учреждений в губернии было не так много. Для «приращения мирских капиталов» ТПГИ решила открыть с 1853 г. вспомогательные и сберегательные кассы еще в 15 волостях^{xcix}. К этому времени в губернии было 62 волости, а кассы существовали при 8 волостных правлениях, то есть в 1853 г. кассы бы работали при 23 правлениях^c. В 1848 г. крестьянские капиталы были учреждены во всех 267 сельских обществах, ведь некоторое количество зажиточных крестьян было в любом сельском обществе. К 1853 г. сумма крестьянских капиталов составляла 48 292 руб. сер., но число вкладчиков неизвестно^{ci}.

Со временем крестьяне все охотнее брали ссуды в кассах, возвращая с 9 %, например, в 1847 г. в ссудах находилось 4723 руб. сер., а в 1850 г. – 8596 руб. сер.^{cii} При открытии же касс в 1844 г. в ссуды было выдано всего 480 руб. сер.^{ciii} Таким образом, все большее число крестьян пользовались услугами касс для ведения и усовершенствования своего хозяйства, вероятно, большинство добивалось определенного успеха, так как большая часть ссуд возвращалась, и с процентами.

В начале 40-х гг. XIX в. по инициативе МГИ на местах стали изучать состояние крестьянского скотоводства. Тамбовская губерния в первой трети XIX в. славилась своими лошадьми, ведь одним из первых в России здесь было учреждено в 1825 г. Лебедянское скаковое общество, а с 1834 г. в Тамбове действовало общество охотников конского бега^{civ}. Но о крестьянском скотоводстве вообще мало что было известно. Так как Тамбовская губерния относилась к числу чисто земледельческих, то и скотоводство было отраслью недостаточно развитой и всецело подчиненной основному занятию большинства крестьян. Поскольку большой падеж скота был не редкостью, а привычным явлением, то особым вниманием МГИ и подведомственных ему органов стало пользоваться состояние ветеринарного дела в губерниях. Квалифицированных специалистов почти не было, поэтому в 1841 г. появились «Врачебные наставления для государственных крестьян», где, в частности, указывалось, как лечить домашних животных^{cv}. С 1841 г. в губернских палатах государственных имуществ появились первые ветеринарные врачи^{cvi}. В Тамбовской губернии ветеринарный врач оставался единственным специалистом до 1843 г., когда в Тамбове открылась Ветеринарная школа, где обучались 12 мальчиков^{cvii}. Курс обучения продолжался три года, мальчики находились на содержании сельских обществ: за них платили по 30 руб. сер. в год. К 1853 г. число учащихся возросло до 22, а ветеринарный врач по-прежнему был один^{cviii}.

Крестьянам внушали, что при первых признаках болезней скота надо обращаться в ТПГИ, которая направит ветеринара в место возможного очага болезни. В 1847 г. ветеринарный врач отправился в командировку по 10-ти северным губерниям для того, чтобы собрать сведения о скотоводстве там и причинах падежа^{cix}. Но наличие большого багажа знаний у ветеринара и, может быть, его учеников мало влияло на статистические сведения по смертности животных – не хватало на столь обширную губернию такого малого числа специалистов. Сравним данные за ряд лет.

Таблица 24

Сведения о падеже скота^{cx}

Год	Число павших животных
1843	5008
1844	2100
1847	5522
1849	1981
1850	2030
1851	1520

Таким образом, тенденции к уменьшению падежа животных с течением времени не наблюдается. Если учесть, что за короткий промежуток времени в 1-2 года поголовье скота резко увеличиться не может, тем более показательна разница в количестве павших животных, например, за 1843 и 1844 гг. или за 1851 и 1852 гг.

Пособия семьям, пострадавшим от падежа скота, выдавались произвольно: например, в 1844 г. пособия получили 44 семьи, а в 1850 г., когда число павших животных было примерно таким же, как в 1844 г., посчитали, что «падеж незначительный», и пособий не получил никто^{сxi}.

Отсутствие большого разнообразия видов животных, используемых в сельском хозяйстве, нивелировало проблемы улучшения пород скота. Поэтому чиновники ТПГИ, описывая состояние скотоводства, отмечали, что улучшения пород скота пока нет (1843 г.), но будет, так как введено «земское губернское коннозаводство»^{сxii}, то есть, подразумевая всех животных, внимание уделяют только лошадям. В конце 40-х гг. в одном из отчетов ТПГИ отмечено, что «скотоводство хотя и ограниченных видов, но хороших пород. Некоторые зажиточные крестьяне занимаются улучшением пород»^{сxiii}.

Определенная стагнация, а не развитие такой отрасли, как скотоводство, оправдывается наличием необходимого числа животных для работ на земле и потребностей в личном хозяйстве. В 1852 г. для нужд казенных крестьян хватало 272 535 лошадей, 195 540 голов крупного рогатого и 688 533 голов мелкого рогатого скота^{сxiv}.

В уже упомянутых «Врачебных наставлениях для государственных крестьян» был ряд рекомендаций по сохранению здоровья самих крестьян: перечислялись симптомы различных болезней, давались советы, как и какими средствами лечить те или иные заболевания при отсутствии медиков. «Врачебные наставления...» доводились до сведения крестьян через приходских священников. Профессиональной медицинской помощи до реформы государственной деревни в казенных селениях Тамбовской губернии не существовало. Спасский уездный штаб-лекарь в 1838 г. так описывал состояние народного здравоохранения: «Полное доверие к заговорам и наговорам, волшебным курениям, магическим действиям. Верят глупым знахарям и безымянным площадным шарлатанам, расстраивающим совершенно их здоровье, нежели истинной образованности. Собственно народной медицины нет, кроме волшебной медицины, другой не знают и никакой другой не верят. Надежды образованного врача тщетны, труды бесполезны»^{сxv}.

Аптеки по одной, максимум – две, были лишь в уездных городах. Богаделен не было до 1844 г., когда появилась первая, построенная на личные средства крестьянина Крюкова в Моршанском уезде и содержавшаяся за счет средств от благотворителей^{сxvi}. Эта богадельня была рассчитана на 20 человек, а в признении к этому времени нуждались 2744 человека^{сxvii}. Долгое время не существовало и больниц для казенных крестьян, больных направляли в ведение приказа общественного призрения, который не мог всем нуждающимся оказать необходимую помощь. Лишь в 1842 г. появляется указ «Об учреждении лечебниц в селениях государственных крестьян»^{сxviii}.

Постройка лечебниц осуществлялась за счет средств хозяйственного капитала. С 1843 г. строилось по одной лечебнице в Моршанском и Усманском округах, но открылась и работала только одна – в Усманском округе с 1844 г. Чиновники ТПГИ отмечали, что лечебница могла бы принести больше пользы, если бы находилась в более центральном округе^{сxix}. Однако желание не означало действия, единственная лечебница просуществовала до 1851 г. В отчете ТПГИ за 1852 г. отмечено, что для государственных крестьян «лечебниц нет»^{сxx}. Единственная лечебница имела стационар примерно на 30 человек, а в госпитализации ежегодно нуждались сотни человек^{сxxi}. Особенно распространены были в Тамбовской губернии диарея, оспа, холера, различные виды горячек^{сxxii}. Иногда по губернии прокатывались волны эпидемий, например в 1830 г., 1847 г. – холера, 1850 г. – гастрическая горячка, 1852 г. – скарлатина.

На медицинские нужды государство выделяло очень мало средств. По подсчетам Н.М. Дружинина, наименьшие суммы ассигнований на здравоохранение были выделены в 1843 г., они раскладывались по 0,01 коп. сер. на душу, наибольшие – в 1851 г.: по 0,5 коп. сер. на душу^{сxxiii}. При таком финансировании трудно было достичь скорых хороших результатов в деле охраны здоровья казенных крестьян, а оно занимало одно из главных мест в числе обязанностей управления государственной деревней.

Киселев П.Д. в 1843 г. отмечал, что «действия медиков не везде еще распространяют пользу»^{сxxiv}.

Это неудивительно, ведь врачей было крайне мало, их деятельность при почти всеобщем недоверии со стороны крестьян не могла охватить всех нуждающихся в оказании медицинской помощи. До 1846 г. о профессиональных врачах, обслуживавших казенных крестьян, нет никаких сведений. Один доктор работал при лечебнице за жалование в 360 руб. сер., выдававшееся из средств хозяйственного капитала, в 1846 г. один, а с 1847 г. два врача работали при окружных управлениях, Тамбовском и Козловском, без жалования^{сххv}. В 1852 г. за здоровье казенных крестьян отвечали три врача: губернский – Волынский, при Тамбовском окружном управлении – Попов, при Козловском окружном управлении – Ситовский^{сххvi}. С начала 40-х гг. XIX в. в городских больницах губернии стали обучаться медицинским навыкам фельдшера 24 человека^{сххvii}. Учиться было непросто, поэтому после испытаний в Тамбовской палате государственных имуществ в звании фельдшера были оставлены лишь 12, которые разъехались для работы по окружным управлениям^{сххviii}. К 1853 г., кроме трех профессиональных врачей, помощь крестьянам оказывали 12 фельдшеров^{сххix}. На 837 701 человек государственных крестьян, проживавших в губернии в 1852 г., такое число медицинских работников не было достаточным, но если учесть, что раньше врачей, в обязанность которых входила забота о здоровье именно казенных крестьян, вообще не было, то любая медицинская помощь оказывалась полезной.

Кроме врачей и фельдшеров, для обслуживания казенных крестьян готовили и узких специалистов, например, акушерок и оспопрививателей. В 1850 г. на Тамбовской учебной ферме у «ученой повивальной бабки» перенимали опыт 10 учениц. Но, по мнению чиновников ТПГИ, и простых повивальных бабок было достаточно – 980, поэтому по другим годам сведений об обучении акушерскому делу нет, и в годовом отчете палаты за 1852 г. уже не упоминается «ученая повивальная бабка»^{сххx}. По-другому дело обстояло с оспопрививанием. Такую опасную болезнь, как оспа, можно легко предотвратить при помощи вовремя сделанной прививки. Первые сведения о массовом оспопрививании детей, составлявших основную часть подвергавшихся опасности заболеть оспой, появляются с 1838 г. Эти данные, зафиксированные в «Инспекторском медицинском объездном журнале» и «Медицинских ведомостях», скорее всего завышены. Трудно предположить, что 49 оспопрививателей, работавших в это время в губернии, которые не были ни врачами, ни настоящими профессионалами, могли обслужить за один год 51 612 человек, как об этом сообщают документы^{сххxi}. Необходимо еще учесть перемены погоды, состояние дорог, удаленность селений друг от друга и то, что население неохотно шло на эту процедуру, противясь официальной медицине. Согласно данным за 1838 г., из примерно 760 тыс. казенных крестьян обоего пола, проживавших в то время в губернии, был привит каждый 15-й, что нереально.

Врачебное отделение Тамбовского губернского правления в 1838 г. рассчитало, что на одного оспопрививателя должно приходиться 950 – 3300 человек^{сххxii}. Киселев П.Д. считал, что каждое сельское общество должно было иметь хотя бы одного оспопрививателя^{сххxiii}. В Тамбовской губернии до 1844 г. оспопрививателей было недостаточно, до 1850 г. – количество оспопрививателей превышало число сельских обществ казенных крестьян, а с 1850 г. у каждого общества был свой оспопрививатель.

Для обучения оспопрививанию брали мальчиков «не малолетних, не подлежащих рекрутской очереди или совсем к военной службе неспособных, но имеющих достаточные умственные данные»^{сххxiv}. Мальчики обучались и содержались на средства мирских обществ. Судя по документам, обучение одного мальчика стоило от 13 до 17 руб. сер. в год. На содержание одного оспопрививателя мирские общества отчисляли от 15 до 18 руб. сер. в год^{сххxv}. Сбор считался «умеренным и для крестьян неотягительным»^{сххxvi}.

Оспопрививатели брали на себя заботу не только о казенных, но и о крепостных крестьянах, так как болезнь не признавала социальных различий. Например, козловский уездный штаб-лекарь докладывал, что в его уезде на одного оспопрививателя в 1838 г. приходилось около 48 тыс. душ казенных крестьян и еще около 35 тыс. душ крепостных крестьян. «Сами помещики, – писал он, – или их управляющие не пекутся об обучении оспопрививанию людей своих»^{сххxvii}. Имевшие же таких специалистов, сведений о привитых в государственные учреждения не давали. И все-таки в первую очередь оспопрививанию подвергались казенные крестьяне.

С 1840 г. в отчетах ТПГИ четко фиксируются данные, касающиеся оспопрививания. Данные для составления таблицы 25 имели официальный характер, поэтому цифры из отчетов ТПГИ близки к реальным результатам.

На каждый год существовал свой план по оспопрививанию, но, как видно из таблицы, он не выполнялся. Объяснялось это тем, что «без уважительных причин не привито было ни одного»¹⁵⁶. В ряде случаев количество запланированных или сделанных прививок превышало число родившихся за год, значит, оспопрививатели занимались не только младенцами, но и детьми младшего и среднего возраста.

Число привитых казенных крестьян колебалось от 3,4 до 5 % в год. При столь невысоких темпах все казенные крестьяне приобрели бы иммунитет к оспе через несколько десятков лет. Ситуацию спасало то, что с конца 30-х гг. XIX в. в губернии не было зарегистрировано эпидемий оспы, в любом случае процент заболевших был бы меньше. После начала массового оспопрививания, с конца 1830-х гг., болезнь практически полностью отступает. Но с конца 1840-х гг. появляются новые случаи заболеваний оспой, что послужило поводом к более внимательному отношению к этой проблеме со стороны властей. После ревизии губернии в 1847 – 48 гг. управляющий ТПГИ А.Я. Мейснер распорядился всем детям до 10 лет, кому еще не была привита оспа, сделать это¹⁵⁷. В 1850 г. управляющих палатой «при разъездах по губернии ... за успехом оспопрививания ... имел постоянное и строгое наблюдение, лично осматривая

во всех без исключения казенных селениях руки у крестьянских детей, не только недавно рожденных, но и у имеющих до 10 лет и более, причем настаивал, чтобы всем, у кого не принялась оспа, она вновь была прививаема, чтобы подобный осмотр исполнялся и другими местными начальствами и чтобы успех оспопрививания обозначался не только в ведомостях, а преимущественно в натуре»¹⁵⁸. Вследствие такого внимания, как отмечено в одном из отчетов ТПГИ, «эта часть приведена к возможно лучшим результатам»¹⁵⁹.

Меры, направленные на сохранение здоровья государственных крестьян, являлись обязательным атрибутом «политики попечительства». Скучность материальных средств, выделяемых на здравоохранение, малое число квалифицированных медиков, антисанитария в крестьянских селениях и прочее, – все это делало достижения медицины в государственной деревне минимальными. Но они были, например, в привитии большинству детей казенных крестьян иммунитета к оспе (наибольший процент смертности от оспы наблюдался у мещан и купцов, которые не подвергались обязательной процедуре оспопрививания, как казенные крестьяне), в оказании первой помощи хотя бы тем крестьянам, которые проживали в центральном селении округа, где находилась лечебница, или недалеко от него, в призрении убогих, калек в богадельнях, которых к 1853 г. было 13 (в этих учреждениях нашли заботу о себе 41 человек, а нуждались в ней – 1503 человека) и так далее¹⁶⁰. И хотя известный путешественник и литератор маркиз де-Кюстин, посещавший Россию в 1839 г., справедливо замечал, что в случае болезни, настигшей человека в этой стране, «самое лучшее – считать, что вы очутились среди дикарей и предоставить все природе», но те меры, пусть в недостаточно большом масштабе, которые проводились в государственной деревне, имели несомненный положительный эффект¹⁶¹.

Еще одно достижение реформы государственной деревни – это создание системы образования для казенных крестьян. Как отмечал известный русский историк Ю.В. Готье, «другой такой широкой попытки довести просвещение в крестьянский мир мы не встретим в дореволюционной России»¹⁶².

В одном из номеров «Журнала министерства государственных имуществ» говорилось о пользе образования для крестьян следующее: «Человек, погруженный в невежество, следует рутине своих отцов и дедов с слепою безответственной привязанностью. Напротив, образование, сообщая новые понятия, располагает человека к ... усовершенствованию и переимчивости лучшего»¹⁶³. Отсутствие у крестьян образованности было преградой для экономического прогресса, для успехов медицины, для изменений в лучшую сторону культурно-бытовых условий жизни. Целями просветительных мероприятий, проводимых в рамках реформы государственной деревни, были: дать как можно большему числу крестьянских детей начальное образование, воспитать подрастающее поколение на нравственно-христианских ценностях, научить практическим навыкам, которые помогли бы усовершенствовать приемы ведения сельского хозяйства или помочь освоить новые ремесла.

Устройство училищ для крестьянских детей, содержание учебных заведений относились на счет общественного сбора, средств из хозяйственного капитала. Часть учеников находилась на содержании сельских обществ, большинство же – «вольнопrixодящие»: например, в 1843 г. из 1185 учеников приходских училищ лишь 159 состояли на «общественном счете», а в 1844 г. из 1837 учеников таких было всего 52¹⁶⁴. На средства училищного капитала, составлявшегося из сборов с крестьян, можно было покупать учебные книги и пособия. Училищный капитал был небольшим, к примеру, в 1844 г. он составлял 15 168 руб. сер., которые распределялись на 65 приходских училищ с 1837 учениками и 69 наставниками¹⁶⁵. Наставники по одному, редко – два на одно училище, получали, по мнению чиновников ТПГИ, «приличное вознаграждение»: в 1840 г. она составляло 17 руб. сер. на каждого, а в 1847 г. – уже по 83 руб. сер.¹⁶⁶ Училищный капитал, с одной стороны, экономии, с другой – не все наставники, священники, назначенные на должность епархиальным начальством, считали необходимым иметь несколько и разных учебных книг. Поэтому один из управляющих ТПГИ – А.Я. Мейснер – после произведенной им в 1847 – 48 гг. ревизии округов приказал удерживать от каждого приходского училища по 15 руб. сер. каждые три месяца в палату государственных имуществ «для выписки книг, иначе, как и доселе, книг никогда в училищах не будет»¹⁶⁷. Вообще же из столицы можно было выписать следующие учебники: «Российский букварь», таблицы для складов, прописи, «Начатки христианского учения» и прочее; книги для чтения: В.Ф. Одоевский и А.П. Заблоцкий-Десятовский «Сельское чтение» с рассказами писателей, иллюстрациями, сведениями о сельском хозяйстве, истории и географии России, «Рассказы о боге, человеке и природе»¹⁶⁸.

До учреждения в селениях казенных крестьян приходских училищ учебные заведения там практически отсутствовали. Есть данные за 1838 г. об одном частном учебном заведении – школе однодворца А. Моисеева в Козлове, где преподавалось чтение и чистописание: из 22 учеников разных сословий лишь двое были однодворцами¹⁶⁹. В селениях же о существовании каких-либо школ не упоминается до

1839 г., когда для учебных заведений, видимо, еще не было построено зданий, и училища назывались не приходскими, а «сельскими училищами у священников»¹⁷⁰. В 1839 г. таких училищ в Тамбовской губернии насчитывалось 55 (236 учеников), в 1840 г. – 71 (334 ученика)¹⁷¹. В 1841 г. было решено сократить количество приходских училищ до 17, чтобы ограничить расходы на жалование наставникам, оставить училища преимущественно в городах, чтобы окружному начальнику удобнее было надзирать за деятельностью этих учебных заведений¹⁷². В 1842 г. училищ стало еще меньше – 15, сократилось и число учеников – 216¹⁷³. Затем ситуация изменяется, вероятно, из МГИ на места пришло разъяснение – надо более заботиться не об удобствах должностных лиц в управлении казенными крестьянами, а о повышении образовательного уровня в крестьянской среде. Ведь П.Д. Киселев записал в 1843 г.: «Я остаюсь в полной уверенности, что бог благословит полезные труды по распространению религиозно-нравственного образования наших поселян, что духовенство и все чины управления будут усердно содействовать сему великому направлению»¹⁷⁴. В последующие годы чиновники ТПИ сетовали только на то, что «отсутствие денежных средств не позволяет открывать новые училища»¹⁷⁵. И все-таки число учебных заведений увеличивалось.

Таблица 26

Сведения о приходских училищах¹⁷⁶

Год	Количество приходских училищ	Число учеников в них
1843	62	1185
1844	65	1837
1847	83	3099
1849	83	3488
1850	85	3631
1851	75	3782
1852	75	3795

Первоначально в приходских училищах готовили только писарей. Для того, чтобы человек мог занять должность волостного или сельского писаря, его учили читать, правильно писать и обращаться с четырьмя правилами арифметики¹⁷⁷. Обязательным условием было добровольное согласие родителей отдать своих сыновей учиться. Потребность в грамотных писарях была столь велика, что после проверки знаний учеников самим управляющим палатой государственных имуществ 65 из них, обучаясь с 1840 по 1841 гг., были выпущены для работы в волостных правлениях во все уезды, кроме Козловского¹⁷⁸. Через несколько лет необходимость в большом количестве писарей для работы в окружных, волостных и сельских управлениях исчезла, так как все вакансии были заполнены (к середине 40-х гг. XIX в. писарских должностей на разных ступенях управления насчитывалось около 1380, а только в 1843 г. на писарей обучалось 1185 мальчиков, не считая прошлых выпусков), однако число учащихся с каждым годом возрастало¹⁷⁹.

С 1850 г. появляются сведения о том, что в приходских училищах стали обучаться и девочки¹⁸⁰. Местное начальство поощряло это, например, вице-инспектор корпуса лесничих генерал-майор Половцов, проверяя одно из сельских училищ, отметил следующее: «Желательно, чтобы в училищах были девочки, через которых впоследствии всего удобнее распространится религиозно-нравственное образование крестьян»¹⁸¹. А управляющий палатой государственных имуществ в 1853 г. направил в сельские приходские училища наставление: «чтобы учились непременно девочки»¹⁸². Число учениц быстро росло: если в 1850 г. на 3579 мальчиков приходилось 52 девочки, то уже в 1852 г. на 3594 мальчиков – 201 девочка¹⁸³. К началу 50-х гг. XIX в. процесс получения начального образования охватил в Тамбовской губернии значительное число детей: из 837 701 казенных крестьян, проживавших в это время в губернии, каждый 221-й был учеником.

Успеху просвещения мешало не только отсутствие достаточного финансирования, но и разногласия между представителями управления казенной деревней и священнослужителями, которые «часто не имеют правильного понятия о системе воспитания крестьян»¹⁸⁴. Определяемые духовным начальством из семинаристов некоторые наставники училищ не признавали над собой власти окружных начальников. Должностные лица из управления государственными крестьянами не могли самостоятельно уволить нерадивого наставника без согласия на то его духовного начальства.

Даже через несколько лет после учреждения училищ для детей казенных крестьян нельзя было тре-

бовать от взрослых полного осознания необходимости разностороннего образования. Должностные лица жаловались, что «произвол родителей отвлекать детей от занятий, когда вздумается и прекращать курс при первых успехах в чтении и письме ограничивается только наставлениями начальства и учителей»¹⁸⁵.

Начальная школа должна была, помимо чтения, письма и счета, научить детей вести праведный образ жизни, дать практические советы, необходимые крестьянину. Таковую, например, программу для учителей составил в конце 40-х гг. XIX в. управляющий ТПГИ А.Я. Мейснер: «Школа первоначального образования умственного должна быть для крестьянских детей и школой опрятности и благоприличия: следить, чтобы дети имели чистое белье, были стрижены, умывали себе лицо и руки, хотя бы раз в две недели мылись в бане. Наставники должны обращаться с детьми как можно мягче, избегая даже самых легких телесных наказаний, чтобы дети больше боялись стыда, неразлучного с наказанием, нежели боли. Меры кроткие предпочитать суровым и строгим. Соблюдать, чтобы все читаемое детьми, было понимаемо ими. Научить, что значит десятина, как ее и квадратную сажень на поле или в лесу отмерить, сколько с души платится всех податей в год. Всем познаниям и поведению давать направление нравственно-христианское»¹⁸⁶. Справедливо считалось, что привычки и навыки, усвоенные в детстве, окажут свое влияние на дальнейшую жизнь. Начальные учебные заведения в Тамбовской губернии воспитывали и эстетические вкусы, ведь при многих училищах разбивались сады и во всех училищах обучали церковному пению¹⁸⁷.

В архивных документах остались только положительные отзывы проверявших в разные годы приходские училища. Например, в 1850 г. состояние училищ и вообще образования в казенных селениях губернии проверяли, как всегда, окружные начальники с помощниками и управляющий палатой, плюс чиновники из министерства просвещения и духовные лица. Они нашли, что и первое и второе имеют «весьма удовлетворительное состояние», некоторые учителя были представлены к награде, 199 учеников за успехи получили похвальные листы, а 238 были награждены книгами¹⁸⁸. При проверке в 1853 г. Кирсановских пригородных сельских училищ ученики «читали все хорошо, арифметические задачи решали охотно и без труда»¹⁸⁹. Наверное все ревизоры училищ были довольны успехами учащихся потому, что большинство детей без труда осваивали элементарные навыки начального образования.

Часть крестьянских детей получала специальное образование. Например, после курса практических занятий некоторые становились оспопрививателями, фельдшерами, акушерками, другие – портными, печниками, столярами и даже живописцами¹⁹⁰. В 1844 г. различным ремеслам обучались 254 мальчика, такое небольшое число можно объяснить тем, что семейное ремесло часто передавалось по наследству и не нуждалось в усовершенствовании, а большинство крестьян довольствовались работой на земле, менять привычки – это не в традициях крестьян. Передовой опыт по ведению сельского хозяйства можно было получить на образцовых фермах у себя в губернии или у соседей: к примеру, в 1843 г. на различных фермах обучалось 6 мальчиков, а в 1844 г. – 20, четверо из которых занимались практикой на Липецкой Центральной учебной ферме, окончательно устроенной в этом году¹⁹¹.

Все созданные для казенных крестьян учебные заведения учреждались прежде всего для практических целей, для распространения знаний, необходимых в сельском быту, следовательно, для блага самих крестьян и на пользу государству. Знаменитая Лебедянская выставка в Тамбовской губернии являлась демонстрационной площадкой для результатов деятельности казенных крестьян, ведь именно они составляли большинство участников сельскохозяйственных выставок. Результаты работы таких выставок показывают, что ремесло как самостоятельный вид деятельности не было широко распространено в казенных селениях государственных крестьян (как, впрочем, и в частновладельческих). Например, в 1847 г. лишь двое государственных крестьян за зимние и летние экипажи получили награды на Лебедянской выставке¹⁹². А в 1849 г. там же только один крестьянин – В. Сапрыкин – был отмечен за изготовленные им модели молотилки, веялки и водяной мельницы¹⁹³. Так что в Тамбовской губернии больше внимания со стороны опекавших государственную деревню властей надо было уделять развитию аграрного сектора экономики.

Киселев П.Д. надеялся, что «при распространении между крестьянами полезных сведений и убеждений о выгодах усовершенствования хозяйства, когда поселяне приобретут более ясные понятия о вещах, более ясные ощущения новых потребностей, родится и желание, и труд к улучшению хозяйственного своего быта»¹⁹⁴. С достижением этой цели станет улучшаться и «народный быт». Как подчеркивалось в одном из отчетов ТПГИ министерству государственных имуществ, крестьяне «с развитием грамотности начинают отвыкать от нерасположения ко всем нововведениям»¹⁹⁵. Особого прогресса в развитии торговли и промыслов в казенных селениях не наблюдалось, так как большинство крестьян руко-

водствовались «практическими понятиями, почерпнутыми из опыта»¹⁹⁶. Чтобы попытаться внедрить в хозяйство государственной деревни элементы технического прогресса, в Тамбовской губернии практиковалась бесплатная раздача или продажа по низким ценам крестьянских орудий труда. Например, окончившим курс на Тамбовской учебной ферме, кроме пособия в 126 руб. сер., давали усовершенствованную борону с железными зубьями¹⁹⁷, или для повышения качества пряжи из льна из 30 новейших самопрялок 21 были розданы крестьянам Спасского округа, затем крестьяне сами изъявили желание купить еще 20 подобных самопрялок¹⁹⁸.

Хотя Тамбовская губерния, по мнению П.Г. Рындзюнского, в отношении развития промышленности у государственных крестьян еще в 30-х гг. XIX в. далеко обогнала типично земледельческие губернии, однако, как отмечалось в «Обзрении Тамбовской губернии» за 1838 г., «мануфактурная промышленность – в посредственном состоянии». Впрочем, последний документ констатировал, что число фабрик год от года росло¹⁹⁹. Действительно, к середине XIX в. в казенных селениях губернии насчитывалось 59 заводов, на которых работало 59 мастеров и 384 рабочих: 10 салотопенных, 28 кожевенных, 1 канатный, 2 поташных, 6 дубления овчин, 12 маслобойных. Произведенная на них продукция оценивалась примерно в 67 450 руб. сер. Стоимость же товаров, изготовленных на промышленных предприятиях казенных крестьян и ремесленниками в государственных деревнях (к 1851 г. обученных различным ремеслам насчитывалось в губернии 3193 человека), составляла в сумме около 141 500 руб. сер.²⁰⁰ В общем товарообороте эта цифра ничтожна, ведь каждый год только по рекам Тамбовской губернии отправлялось казенного товара на сумму около 4 млн. руб. сер.²⁰¹

Промышленные товары постепенно становились популярными в крестьянской среде. К концу 40-х гг. XIX в. казенные крестьяне стали приобретать «платья немецкие из фабричных произведений», в некоторых селениях стали носить вместо лаптей сапоги, а женщины – башмаки²⁰². Но в целом тамбовские крестьяне, как записал один наблюдатель, «остаются в незавидном положении, не делаются зажиточными, ... не имеют того вида и лоска в своем житье-бытье, каковым отличаются поселяне подмосковных губерний, как народ промышленный»²⁰³.

Внешний вид тамбовских казенных селений тоже оставлял желать лучшего: почти все жилые постройки – это черные и курные избы, отсутствие планомерного расположения зданий, что повышало их по-

жароопасность, необлагороженный вид сел и деревень. Как отмечал П.Д. Киселев в своих разосланных по губерниям замечаниях по управлению государственными имуществами, «состояние крестьянских строений и расположение усадеб еще далеко от необходимого порядка и благоустройства. Постройка бань в одной связи с усадьбами – главная причина пожаров. Вековая привычка строиться по произволу, без предостороженностей против пожаров, небрежность в исправлении ветхих строений, неопрятное содержание домов, – все это должно измениться, но не вдруг и не крутыми мерами, а постепенно и не иначе, как советами и убеждениями»²⁰⁴. Принуждения со стороны властей в том, чтобы перестраивать дома, в Тамбовской губернии скорее всего не было, так как за 12 лет с начала преобразований в государственной деревне было возведено очень мало каменных домов: в 1852 г. в казенных селениях было 100 763 дома, из них каменных – 224, деревянных на каменном фундаменте – 1990, на каменных столбах – 1448, на деревянных столбах – 15 319, без фундаментов – 81 782, 65 домов были покрыты несгораемыми крышами²⁰⁵.

Для того, чтобы все необходимые материалы для строительства пожароустойчивых домов были доступны для казенных крестьян, в губернии были учреждены общественные кирпичные заводы, в 1844 г. их насчитывалось 110, они производили 7 млн. кирпичей в год²⁰⁶. Но большинство крестьян не спешили перестраивать или заменять свои жилища. Кроме того, для крестьян было тяжело поддерживать общественные кирпичные заводы, выделяя для работы на них необходимых в хозяйстве людей. Поэтому в 1849 г. эти заводы почти везде прекратили свое существование, в губернии у самих казенных крестьян и без общественных было «довольно частных кирпичных заводов»²⁰⁷.

Пожар был одним из главных бедствий для крестьян и властей. Так как большинство построек были деревянными, то в случае несчастья погорельцев могло быть много, а это – большие затраты не только для крестьян, но и для государства. В Тамбовской губернии погорельцам на семью выдавали пособие в 29 руб. сер. и по 13 руб. сер. на лес, если его не было в природе. Пожары часто возникали от «огнедействующих строений»: бань, кузниц, сушилен, овинов, поэтому рекомендовалось строить их поодаль от жилых домов. Крестьянам предписывалось промежутки между дворами засаживать деревьями, в селениях с недостаточным количеством воды устраивать специальные пруды, во вновь построенных селе-

ниях делать широкие улицы²⁰⁸. Из ТПГИ на места отправлялись рекомендации о том, какие расстояния могут уберечь от распространения огня: от дома до дома – не менее 3 саженой (6,39 м), ширина улиц – от 10 до 14 саженой (от 21,3 м до 29,82 м)²⁰⁹.

Крестьяне воспринимали пожар как стихийное бедствие, неизбежность, с которой бесполезно бороться. «При пожаре, – отмечал управляющий ТПГИ А.Я. Мейснер, – крестьяне или разбегаются по домам, или толпятся без толку вокруг пожара, не принимая мер к гашению»²¹⁰. Этот дух непротивления предлагалось искоренить местному начальству, которое должно было в селениях при пожарах распорядиться народом.

К 1844 г. во всех сельских обществах уже были в наличии «огнегасительные орудия»²¹¹. Все противопожарные меры, предпринимаемые властями и исполняемые казенными крестьянами, привели к положительным результатам: число уничтожаемых пожарами домов год от года уменьшалось. Например, в 1847 г. сгорело 1544 дома, в 1851 г. – уже 830, а в 1852 г. – только 432²¹².

Устройство насосов, водоподъемных колес, бурение артезианских колодцев, очистка речек и ручьев, наведение мостов и плотин, установка указательных столбов при селениях и табличек с надписями на общественных домах имели чисто практический характер и должны были приучить казенных крестьян к новым правилам общежития, где порядку отведена главная роль.

Тамбовская палата государственных имуществ предложила в селениях казенных крестьян вдоль домов прокладывать тротуары и сажать деревья, это предложение получило одобрение МГИ²¹³. К 1845 г. далеко не все селения ощутили преимущества тротуаров над сплошным бездорожьем: из 1052 селений они были проложены в 139; зато деревьев было посажено достаточно: 236 648 (примерно по 225 на одно селение)^{сxxxviii}. Эта инициатива ТПГИ принесла селениям не только практическую пользу, но и эстетичный вид.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин отмечал, что опекуновое управление на государственных крестьян сначала «сделает сильное впечатление, что, привыкши как вольные люди располагать сами своими занятиями и промыслами произвольно, а частью за вредным образом, всякий и самый благодетельный надзор сначала покажется им тягостным»^{сxxxix}. Действительно, до реформы государственной деревни для благополучия казенных крестьян не было сделано ничего, они рассматривались лишь в качестве налогоплательщиков и должников казны. А через вводимую попечительную систему государство общалось с казенными крестьянами как со «свободными сельскими обывателями» при помощи советов, убеждений, показательных примеров. Часть проводимых в государственной деревне мероприятий имела для крестьян обязательный характер, но ни одна из мер не привела к явно негативным результатам.

Таким образом, система попечительства имела необычайно широкие масштабы и охватывала многие стороны жизни государственной деревни: земельное обеспечение, продовольственный вопрос, агрономические мероприятия, образование, медицинское обслуживание, благоустройство и прочее. Финансирование со стороны государства для реализации всех попечительных мероприятий было недостаточным, средства предоставляла сама казенная деревня, что, с одной стороны, изымало дополнительные суммы из крестьянского бюджета, но, с другой – приучало рассчитывать на собственные силы и распоряжаться финансами самостоятельно. Крестьянам внушали, что они должны быть заинтересованы в сохранении казенных земельных и лесных угодий, что при малоземелье необходимо как можно более рационально использовать пространства крестьянских наделов. Для этого предлагалось усовершенствовать приемы ведения сельского хозяйства, применять на практике новые агрономические знания, перенимать передовой опыт по разведению полезных и выгодных культур, развивать огородничество и садоводство. В Тамбовской губернии проблема малоземелья решалась через частичное перераспределение земельных угодий между казенными крестьянами, за счет некоторых пространств казенного земельного фонда и путем переселения нуждающихся в многоземельные губернии.

Общественная запашка не была слишком обременительна для казенных крестьян Тамбовской губернии, так как занимала ничтожные пространства от общего числа крестьянских земель. Эта мера существовала как страховка в случае недостаточного количества продуктов у крестьян, поскольку собранный с запашки урожай уходил в запасные магазины. В качестве помощи крестьянам учреждались вспомогательные кассы, где под небольшой процент можно было взять ссуду; а также сберегательные кассы для накопления крестьянских капиталов. Хотя тех и других касс в губернии было немного, но число

желавших воспользоваться услугами этих учреждений год от года возрастало, платежеспособность крестьян росла, так как ссуды возвращались, а капиталы увеличивались.

Тамбовская губерния чисто земледельческая, поэтому другие отрасли здесь были недостаточно развиты по сравнению с промышленными районами. Скотоводство как вспомогательная составляющая сельского хозяйства так же воспринималась и крестьянами, прогресса в развитии этого вида деятельности практически не было; ветеринарное дело пока не получило должного распространения, так как крайне мало в губернии работало специалистов в этой области. Зато число промышленных заведений в селениях казенных крестьян постепенно увеличивалось, росло число мастеров и работников. Хотя крестьяне очень консервативны, но такое новшество, как приходские школы, посчитали полезным, о чем говорит увеличение год от года числа «вольноприходящих» учеников. Ведь начальная школа давала полезные для будущей жизни хлебопашца знания и навыки, помимо того учила азам элементарных наук и воспитывала в нравственно-христианских ценностях. Кроме начального образования, в гораздо меньшем количестве в губернии существовало и специальное образование: на учебных фермах готовили агрономов, в ремесленных школах – специалистов-промысло-виков, в больницах – медиков.

В области здравоохранения особое внимание было уделено предотвращению эпидемий. Так как профессиональных врачей было крайне мало, а фельдшеры могли оказать помощь лишь при легких формах заболеваний и повреждений, так как не было необходимых лекарств, и крестьяне привыкли обходиться собственными силами или положась на природу и бога, то скорых успехов медицины в среде казенных крестьян губернии ждать не приходилось. Из-за недостатка средств и отсутствия должного количества специальных помещений ограниченные масштабы имело призрение нуждающихся в нем.

Большинство недостатков в попечительных мероприятиях объяснимы тем, что почти все они являлись первым опытом по улучшению условий жизни и деятельности государственных крестьян. Из всех попечительных мер могла быть извлечена практическая польза как крестьянами, так и властями.

Итак, основной задачей МГИ было извлечь из государственной деревни необходимые налоги и феодальный оброк, применяя прежде всего меры внеэкономического принуждения. Несмотря на все предпринятые меры, платежеспособность казенных крестьян оставалась на довольно низком уровне, недоимки государственной деревни не были ликвидированы, а через некоторое количество лет потребовалось применение старой традиционной меры – единовременного сложения долга под видом «царской милости». Но это было связано не с неудачами фискальной политики П.Д. Киселева, а с громадной задолженностью казенной деревни, образовавшейся еще до реализации реформы.

С точки зрения П.Д. Киселева, избранная для государственной деревни административная система нуждалась в усовершенствованиях и добросовестных исполнителях. Явные недостатки, с которыми необходимо было бороться – это невежество крестьян и недостаток честных чиновников. Крестьянству требовалось воспитательное влияние со стороны просвещенной администрации, а представители администрации нуждались в систематическом надзоре.

Реализация мероприятий по реформированию внешней и внутренней жизни государственной деревни была направлена не на экономическую эксплуатацию крестьян, а на повышение их благосостояния в широком смысле этого слова. В этом состояла принципиальная разница между прежним удельным управлением и работой МГИ.

А результаты проведения в Тамбовской губернии «политики попечительства» по отношению к казенным крестьянам можно свести к следующему утверждению: всего – мало, но до реформы не было и этого.

Заключение

Реформа государственной деревни прошла через три основных этапа: сначала на основе многочисленных предшествовавших проектов была составлена, обсуждена и окончательно сформулирована программа предстоящего преобразования; затем в соответствии с намеченными основными принципами была разработана и утверждена серия законопроектов, начиная с административных актов 1837 – 1841 гг. и кончая указами и положениями, издававшимися в период 19-летнего управления П.Д. Киселева; наконец, с помощью созданного административного аппарата программа, воплощенная в юридических документах, была реализована на практике, стала действительностью крестьянской жизни. С исторической точки зрения, последний этап является основным и решающим: какие бы принципиальные положения ни были провозглашены программой реформы, какие бы юридические нормы ни были опубликованы в соответствии с этими принципами, оценка реформы определяется не столько декларациями и законами, сколько практическими последствиями проведенных преобразований.

Важнейшей стороной всякой реформы является реорганизация управленческой службы – бюрократии. Согласно бюрократической традиции, подробно регламентировать организацию и работу новых учреждений, предусмотреть все детали и облечь в юридическую форму все отношения, возникающие в сфере административной власти, означает обеспечить законность и порядок управления. Поэтому источником прогрессирующего обеднения государственной деревни считалось несовершенство бюрократического аппарата, а главным средством для поправления дел – создание хорошей администрации. Все остальное – разрешение аграрного вопроса, видоизменение податной системы, развитие земледелия, промышленности, социальной сферы и культуры – должно было как бы приложиться в порядке текущего управления.

Проекты П.Д. Киселева не противоречили и не отклонялись от уже существовавших законов. Проводимая реформа должна была послужить лишь обеспечению подлинной действенности этих законов и восполнению имевшихся в них пробелов. С помощью преобразований, а не коренной ломки власть пыталась улучшить положение казенной деревни. Ведь крестьянство – саморазвивающаяся каста, являющаяся одновременно основой жизнеобеспечения всего общества, поэтому, несмотря на свое внутреннее неприятие государства, должно было им управляться и использоваться в своих интересах.

Всегда усматривается связь между восторженно-романтическими ожиданиями бюрократии и отсутствием быстрого успеха проводимых сверху реформ. П.Д. Киселев как один из наиболее талантливых представителей бюрократии своего времени считал, что причины плачевного состояния государственной деревни объясняются недостатком покровительства и надзора со стороны администрации. Он хотел многое исправить путем циркулярных распоряжений, был склонен проводить установленные им меры настойчиво и властно, как последователь просвещенного абсолютизма.

Сельское хозяйство России и крестьяне рассматривались властью в качестве объекта воздействия и как социальный слой, нуждающийся в изменении собственной природы. Большинство правящего слоя неизменно видело в российском крестьянстве помеху развитию страны и главную причину ее отсталости – некое царство дикости, населенное обездоленными и невежественными людьми. Поэтому при проведении реформы приоритетным признавалось создание соответствующей администрации. А мо-

дернизация любых частей государственного аппарата, в России особенно, приводит к бюрократизации. Реформируя, существенно изменяя что-либо, власть пыталась совместить несовместимое: облегчить по сути крепостное состояние общества, сохраняясь в неприкосновенности, даже укрепляя себя. А чтобы укрепиться, приходилось опираться на мощную бюрократию. Разветвленная бюрократия в силу своей неповоротливости объективно тормозит многие начинания. Но администрация не могла ограничиваться отрицательным влиянием в отношении казенных крестьян потому, что земли, на которых жили крестьяне, признавались имуществом государственным, а это имущество составляло предмет управления, поскольку являлось источником доходов в казну при хорошем управлении.

В результате проведения реформы удалось укрепить в практике государственной жизни взгляд на государственных крестьян, как на свободных сельских обывателей, живущих на казенной земле, а не крепостных казны. Государство по отношению к своим крестьянам стало не приказчиком, а работодателем. Реформа унифицировала систему административного воздействия на население государственной деревни. Многочисленные прослойки крестьянства, подчинявшиеся различным положениям и актам, слились теперь в единое целое и стали объектом единообразного и упорядоченного управления. В сознании современников твердо укрепилось представление о принципиальной разнице между государственными и помещичьими крестьянами.

Юридический статус государственных крестьян был выгоднее, чем статус крепостных. Законодательные акты реформы защищали права казенных крестьян. Прямых свидетельств тому, что реформированная государственная деревня стала образцом для частных владельцев, в документах найдено не было. Но то, что она для власти превратилась в точку опоры для разрешения общекрестьянского вопроса, несомненно. Преобразования в казенной деревне неразрывно связаны с усилиями власти выйти из хозяйственного кризиса, начиная реформирование экономики с государственного сектора. Изучение событий и отношений в государственной деревне способствует более глубокому пониманию подготовки и проведения в жизнь реформы 19 февраля 1861 г. Существует историческая связь и преемственность между этими двумя реформами. Усматривается и обратная зависимость во времени, когда уже советское государство, живя по законам плановой экономики и отвергнув рыночные принципы развития, воссоздаст в колхозах и совхозах казенное крестьянство, возродив государственную крепостную систему.

Россия всегда была страной острейших и непримиримых противоречий: между богатством и бедностью, образованностью и невежеством, могуществом и слабостью. В этих условиях невероятно тяжело найти какие-либо компромиссы. Оттого многие мысли инициаторов реформы государственной деревни так и не были осуществлены. Крестьянское самоуправление находилось в полном подчинении царской администрации. Всякая инициатива, исходившая от населения, отклонялась как выражение недоверия к правительству. Выборные органы крестьянского управления не были отражением волеизъявления свободных общественных сил. Сословный крестьянский суд находился в зависимости от волостных и сельских властей. «Политика попечительства», призванная помогать и оберегать, стала поводом для вмешательства властей в личную жизнь крестьян.

Проведением реформы не удалось остановить рост малоземелья государственной деревни в Тамбовской губернии, вызываемого увеличением численности сельского населения, но уже не захватами казенных земель помещиками. В губернии так и не было закончено измерение и межевание земель. Хотя нужно учесть, что особенности местного землевладения, связанного с разнообразием социальных групп, представленных в черноземном регионе, объективно не позволяли сделать это быстро. Реформа не решила проблему недоимочности государственной деревни, но платежеспособность казенных крестьян Тамбовской губернии все же возросла. Недостаточное финансирование не позволило в широком объеме осуществить социальные программы реформы. Тем не менее «политика попечительства» способствовала распространению грамотности среди государственных крестьян, уменьшению количества смертей от эпидемий, обеспечению продовольственных запасов и введению прочих полезных новшеств. Именно благодаря проведению реформы государственной деревни в Тамбовской губернии получили массовое применение посадка картофеля и ведение садоводства (тамбовские картофель и яблоки до сих пор ценятся даже за пределами своей территории).

Очевидна связь реформы П.Д. Киселева не только с мерами, рожденными манифестом от 19 февра-

ля 1861 г., но и другими преобразованиями эпохи Александра II. Например, учреждения, ответственные за здравоохранение, призрение, народное просвещение, пути сообщения, общее благоустройство и другое, введенные реформой П.Д. Киселева, несли в себе зачатки будущих земств.

Невозможно было, начав осторожные преобразования в государственной деревне, сразу добиться революционных успехов. Серьезную роль в порядке осуществления и в торможении киселевской реформы сыграли менталитет крестьян и привычный им образ жизни, с чем приходилось властям как считаться, так и пытаться преодолеть. Глубокие традиции, с одной стороны, – существования крестьянского мира, с другой – практики бюрократических институтов, позволяли провести в жизнь реформу, не расшатывавшую основ государственного управления, а укреплявшую их. С этой точки зрения реформа П.Д. Киселева может быть названа консервативной. Однако, учитывая несомненные положительные результаты, достигнутые в государственной деревне, и то, что реформа работала на перспективу, выбирая эволюционный путь развития, ее надо считать прогрессивной.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Документы Государственного архива Тамбовской области

- Ф.2. Тамбовское наместническое правление, Тамбовское губернское правление.
Оп. 60. Д. 31. Об учинении распоряжения об окружных начальниках. 1838 г.
Д. 726. О шайке неблагонамеренных людей. 1838 г.
Д. 969. Сведения о размещении войск в Российской империи. 1838 г.
Оп. 61. Д. 831. Разрешение на ссылку в Сибирь однодворцев. 1840 г.
Д. 1047. О ревизии книг Лебедянского уездного суда за 1838 г.
Оп. 140. Д. 716. О выборах сельских заседателей в судебные учреждения за 1839 г.
Д. 717. О выборах сельских заседателей в судебные учреждения за 1840 г.
Оп. 142. Д. 10. О мерах, принятых правительством для прекращения распространения холеры в 1831 г.
Ф. 4. Тамбовский наместник. Канцелярия Тамбовского губернатора.
Оп. 1. Д. 1033. Прошение однодворца о завладении его домом другим однодворцем. 1837 г.
Д. 1035. Возвращение однодворцам отобранной земли. 1837 г.
Д. 1044. Устройство в Моршанском уезде хлебного запасного магазина. 1838 г.
Д. 1061. Переписка с МГИ о размежевании земель двух деревень. 1838 г.
Д. 1070. Переписка с ТПГИ о возвращении мещанину отобранной у него обществом села мельницы. 1838 г.
Д. 1075. Сведения о списках казенных крестьян. 1838 г.
Д. 1097. Статистические сведения об экономическом положении уездов на 1838 г.
Д. 1114. Ход рассмотрения уголовных дел за 1839 г. Т. 1.
Д. 1115. Ход рассмотрения уголовных дел за 1838 г. Т. 2.
Д. 1116. Ход рассмотрения уголовных дел за 1838 г. Т. 3.
Д. 1122. Статистические сведения об экономическом положении на 1839 г.
Д. 1126. Общественные работы крестьян в неурожайные годы. 1840 – 1845 гг.
Д. 1136. Дела о земельном споре однодворцев с помещиком 1840 – 1841 гг.
Д. 1150. Урожай 1841 г.
Д. 1298. Материалы к отчету губернатора за 1854 г.

- Д. 1439. Материалы к отчету губернатора за 1856 г.
Ф. 12. Тамбовская Казенная палата.
Д. 1058 – 1061. Переселение крестьян. 1832 – 1839 гг.
Д. 1533. Книга регистрации исходящих бумаг Казенной палаты за 1835 г.
Д. 1545. Ведомости о приходе денежных средств с крестьян взамен запашки общественных полей. 1837 г.
Д. 1546. Сбор денежных средств на продовольствие за 1836 – 1838 гг.
Д. 1550. Денежные средства на продовольствие. 1836 г.
Д. 1551. Отправка денежных средств в Петербургскую сохранную казну. 1836 г.
Д. 1557 – 1563. Дела о самовольной порубке 1836 – 1838 гг.
Д. 1573. Сравнительная ведомость дохода с оброчных статей за 1836 – 1837 гг.
Д. 1595. Резолюции Казенной палаты на документы Сената и департамента государственных имуществ. 1837 – 1838 гг.
Д. 1600. Инструкция о губернском комитете для приуготовительных распоряжений по приему государственных имуществ. 1838 г.
Д. 1605. Переписка с ТПИ о предоставлении копий указов Сената за 1841 г.
Ф. 15. Тамбовская палата государственных имуществ.
Оп. 1. Д. 26. Делопроизводство Шацкой уездной комиссии для проверки недоимок по казенным селениям за 1837 г.
Д. 37. Поземельное владение Борисоглебского уезда. 1837 г.
Д. 38. Поземельное владение Моршанского уезда. 1837 г.
Д. 39. Поземельное владение Козловского уезда. 1837 г.
Д. 41. О выдаче участков. 1837 г.
Д. 43. О поземельном владении. 1837 г.
Д. 45. Журналы. 1837 г.
Д. 46. Молокане. 1837 г.
Д. 47. Распоряжения по приему. 1837 г.
Д. 48. Личный состав конторы. 1837 г.
Д. 49. Донесения. 1837 г.
Оп. 2. Д. 2. Просьба однодворцев. 1838 г.
Д. 3. О личных дачах общего владения. 1838 г.
Д. 5. О принятии решенных дел. 1838 г.
Д. 6. Опись наряда лесного отдела. 1838 г.
Д. 7. Об открытии Тамбовской палаты государственных имуществ. 1838 г.
Д. 8. Предписания V Отделения. 1838 г.
Д. 9. Прошение о возвращении со службы. 1838 г.
Д. 10. Неисправный платеж оброчных денег. 1838 г.
Д. 11. О казенных статьях. 1838 г.
Д. 12. Циркулярные предписания. 1838 г.
Д. 13. Предписания V Отделения. 1838 г.
Д. 14. Отдать в оброк землю. 1838 г.
Д. 15. Дополнительная книга. 1838 г.
Д. 16. Приходно-расходная книга. 1838 г.
Д. 18. Проезд министра. 1838 г.
Д. 19. Инструкция. 1838 г.
Д. 20. Журнал конторы. 1838 г.
Д. 21. Предписания министра. 1838 г.
Д. 22. Рапорта. 1838 г.
Д. 23. Денежные документы. 1838 г.
Д. 25. Ведомость о земельных статьях. 1838 г.
Д. 29. Сведения для размежевания. 1838 г.
Д. 30. О завладении статьи. 1838 г.
Д. 31. Предписания V Отделения. 1838 г.
Д. 33. Донесение Козловского окружного начальника. 1838 г.
Д. 34. О поземельном владении. 1838 г.

- Д. 35. О торгах. 1838 г.
 Д. 36. Предложение начальника губернии. 1838 г.
 Д. 37. Отставные военные. 1838 г.
 Д. 38. Размежевание. 1838 г.
 Д. 39. Книга о казенных оброчных статьях. 1838 г.
 Д. 40. Отдача в оброчное содержание. 1838 г.
 Д. 41. О наделении землею экономических крестьян. 1838 г.
 Д. 41а. Поземельные владения Моршанского уезда. 1838 г.
 Д. 41б. Поземельные владения Елатомского уезда. 1838 г.
 Д. 43. Оброчный циркуляр. 1838 г.
 Д. 44. О чиновниках. 1838 г.
 Д. 45. Журнал. 1838 г.
 Оп. 3. Д. 1. Незаконное присвоение земли. 1839 г.
 Д. 3. Об уравнивании землею сел экономических и однодворческих. 1839 г.
 Д. 4. Просьба отставных солдат о наделении их землей. 1839 г.
 Д. 8. О недоимках. 1839 г.
 Д. 9. Определение и увольнение чиновников. 1839 г.
 Д. 10. Переписка по предписаниям. 1839 г.
 Д. 11. Размежевание дачи. 1839 г.
 Д. 12. О казенных мельницах. 1839 г.
 Д. 13. Наряд приходным документам. 1839 г.
 Д. 26. Сведения о казенных поселянах. 1839 г.
 Д. 27. Предписания I департамента. 1839 – 1840 гг.
 Д. 30. Открытие школ.
 Оп. 4. Д. 1. Отчет ТПГИ за 1840 г.
 Д. 6. Распоряжения управляющего ТПГИ. 1840 г.
 Д. 42. О заготовке хлеба для казенных крестьян. 1840 г.
 Оп. 5. Д. 13. Отчеты за 1841 г.
 Оп. 6. Д. 48. Учебная образцовая ферма у Липецка. 1842 г.
 Оп. 7. Д. 13. Заготовка хлеба для центрального магазина в Моршанске. 1843 – 1845 гг.
 Д. 21. Устройство хлебного запасного магазина. 1843 г.
 Д. 42. Отчет палаты за 1843 г.
 Оп. 8. Д. 31. Отчет за 1844 г.
 Д. 76. Отчет по лесному отделению за 1845 г.
 Оп. 11. Д. 21. Отчет за 1847 г.
 Оп. 12. Д. 90. Отчет по лесному отделению за 1848 г.
 Д. 109а. Замечания о результатах ревизии 1847 – 1848 гг.
 Оп. 14. Д. 51. Отчет за 1850 г.
 Д. 94. Отчет палаты за 1850 г.
 Оп. 16. Д. 21. Отчет за 1852 г.
 Д. 88. Отчет за 1852 г.
 Д. 106. Отчет по лесному отделению за 1852 г.
 Оп. 18. Д. 87. Отчет по лесному ведомству за 1854 г.
 Оп. 86. Д. 14. Наряд о поземельном владении Борисоглебского уезда. 1837 г.
 Д. 17. Наряд о поземельном владении Елатомского уезда. 1837 г.
 Д. 18. Наряд о поземельном владении Кирсановского уезда. 1837 г.
 Д. 19. Наряд о поземельном владении Козловского уезда. 1837 г.
 Д. 21 – 22. Наряд о поземельном владении Лебедянского уезда. 1837 г.
 Д. 23 – 24. Наряд о поземельном владении Липецкого уезда. 1837 г.
 Д. 25. Наряд о поземельном владении Спасского уезда. 1837 г.
 Д. 26. Наряд о поземельном владении Тамбовского уезда. 1837 г.
 Д. 28. Наряд о поземельном владении Темниковского уезда. 1837 г.
 Д. 29 – 30. Наряд о поземельном владении Усманского уезда. 1837 г.

- Д. 31. Наряд о поземельном владении Шацкого уезда. 1837 г.
Д. 32. Наряд об измеренных землях Козловского уезда. 1837 г.
Д. 33. Сведения об оброчных статьях. 1837 г.
Д. 34. Наряд о казенных лесах. 1837 г.
Д. 36. О самовольных порубках леса, о переселении крестьян. 1837 г.
Д. 36а. О приеме чиновников. 1837 г.
Д. 37. О службе. 1837 г.
Д. 38. К сведению и руководству. 1838 г.
Д. 38а. Проект учреждения управления государственными имуществами. 1838 г.
Д. 39. Дела с рекрутского стола. 1838 г.
Д. 40. Наряд квитанций из уездных казначейств о деньгах казенных крестьян, собранных за общественную запашку полей. 1838 г.
Д. 42. Взыскание недоимок. 1383 г.
Д. 43. Торги. 1838 г.
Д. 44. Торги. 1838 г.
Д. 45. Наряд к руководству. 1839 г.
Д. 45а. Проект об управлении государственными имуществами. Ч. 3 – 4. 1839 г.
Д. 47. Циркулярные распоряжения. 1840 г.
Д. 49. Окладная книга оброчных земельных статей. 1840 г.
Д. 50. Посредническая комиссия по полюбовному размежеванию общих и частных дач. 1840 г.
Д. 50а. Об отпуске леса крестьянам. 1840 г.
Д. 51. Поверка дач Усманского уезда. 1840 г.
Д. 52. Приход-расход. 1840 г.
Д. 53. Приход-расход хлеба. 1840 г.
Д. 57. Приход-расход. 1840 г.
Д. 57а. О правах владельцев на землю. 1840 г.
Д. 58. Наряд о ведомостях самовольной порубки лесов. 1840 г.
Д. 59. Циркулярные распоряжения. 1841 г.
Д. 60. Разности в хозяйственном описании. 1841 г.
Д. 60а. О лесных пожарах. 1841 г.
Д. 61. Инструкция о порядке движения сумм хозяйственного капитала. 1841 г.
Д. 62. Переписка по административным вопросам с вышестоящими учреждениями. 1841 г.
Д. 63. Размежевание казенных крестьян с частными лицами. 1841 г.
Д. 64. Отобрание казенных земель у титулярного советника. 1841 г.
Д. 65. Приход-расход хлеба. 1841 г.
Д. 77. Недостатки по управлению государственными имуществами. 1843 г.
Д. 175. Сельские училища. 1853 г.
Д. 183. Школа садоводства. 1854 г.
Д. 188. Обучение в училище садоводства. 1855 г.
Оп. 93. Д. 608. Карта Кирсановского уезда. 1838 г.
Д. 609. Межевая книга. 1838 г.
Д. 609а. Каталог карт губернии. 1839 г.
Д. 611а. Каталог планов. 1839 г.
Д. 612. План дачи. 1839 г.
Д. 613. Межевая книга. 1839 г.
Д. 614а. Каталог карт. 1839 г.
Д. 615. Карта Козловского уезда. 1840 г.
Оп. 94. Д. 1 – 3. О доставке сведений по государственным крестьянам для приуготовительной комиссии. 1837 г.
Д. 5. Проект положения о кадастрации государственных имуществ. 1837 г.
Д. 6. Дело о приходе денег за паспорта. 1837 г.
Ф. 20. Тамбовская удельная контора царской фамилии.
Оп. 1. Д. 112. Передача в казну удельных крестьян. 1837 г.

- Ф. 30. Врачебное отделение Тамбовского губернского правления.
Оп. 17. Д. 1. Предписания. 1838 – 1844 гг.
Д. 2. Инспекторский медицинский объездной журнал. 1838 г.
Д. 6. Предписания департамента казенных врачебных заготовлений. 1838 г.
Д. 9. Оспопрививатели. 1838 г.
Д. 14. Вольные аптеки. 1838 г.
Д. 15. Скоропостижно умершие Борисоглебского уезда. 1838 г.
Д. 16. Скоропостижно умершие Елатомского уезда. 1838 г.
Д. 17. Скоропостижно умершие Моршанского уезда. 1838 г.
Д. 18. Скоропостижно умершие Спасского уезда. 1838 г.
Д. 19. Скоропостижно умершие Тамбовского уезда. 1838 г.
Д. 20. Скоропостижно умершие Шацкого уезда. 1838 г.
Д. 29. Заразные болезни. 1838 – 1839 гг.
Оп. 21. Д. 1. Казенные врачебные заготовления. 1845-1846 гг.
Ф. 39. Тамбовская губернская посредническая комиссия и уездные посредники по полюбовному размежеванию Тамбовской губернии.
Оп. 1. Д. 2. Переписка с посредником, ТПГИ, землевладельцами о размежевании деревни Барашевой Елатомского уезда. 1840 – 1868 гг.
Д. 3. Переписка с посредником, ТПГИ, землевладельцами о размежевании села Данилова. 1840 – 1847 гг.
Ф. 63. Тамбовский губернский статистический комитет.
Оп. 1. Д. 1. Статистические сведения. 1836 г.
Д. 16. Численность душ разных сословий на 1 ноября 1847 г.
Ф. 65. Департамент министерства юстиции.
Оп. 1. Д. 2568. Дела в уездных судах об убийствах в Елатомском и Темниковском уездах. 1837 г.
Д. 2608. Дела в уездных судах об убийствах в Елатомском и Кирсановском уездах. 1838 г.
Д. 2610. Самовольная порубка леса в Борисоглебском уезде. 1838 г.
Д. 2612. Отмежевание однодворческих земель от помещичьих в селе Тынково. 1838 г.
Д. 2648. Жалоба однодворца на действия ТПГИ. 1839 г.
Д. 2674. Ссылка в Сибирь однодворца. 1841 г.
Д. 2677. Действия Тамбовской посреднической комиссии при размежевании земель. 1840 г.
Д. 2686. Отделение земель казенных крестьян от помещичьих в деревне Куровщина Борисоглебского округа. 1840 г.
Д. 2687. Отделение земли казенных крестьян от помещичьих в пустоши Пуравлинская Елатомского уезда. 1840 г.
Д. 2692. Отделение земель казенных крестьян от помещичьих села Глазок Козловского уезда. 1841 г.
Д. 8708. Ведомость Тамбовской посреднической комиссии по размежеванию земель. 1842 г.
Ф. 67. Тамбовская палата гражданского суда.
Оп. 1. Д. 246. Дело о размежевании земли в деревне Грушевке. 1839 г.
Ф. 68. Тамбовская палата уголовного суда.
Оп. 1. Д. 80. Журнал присутствия, протоколы. 1838 г.
Д. 84. Ведомость о возрасте подсудимых. 1840 г.
Д. 90. Отчет Тамбовской палаты уголовного суда. 1842 г.
Д. 81. Протоколы. 1839 г.
Д. 83. Протоколы. 1840 г.
Ф. 105. Дирекция народных училищ Тамбовской губернии.
Оп. 33. Д. 9. Об учебных заведениях, не состоящих в ведении министерства народного просвещения. 1838 г.
Оп. 35. Д. 11. Об училищах, не состоящих в ведомстве министерства народного просвещения. 1840 г.

Законодательные акты

Второе полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830 – 1884. Т. III, XI – XVIII, XXIV – XXVI, XXXI.

Периодическая печать

Журнал министерства государственных имуществ. 1842. Ч. VI.
«Тамбовские губернские ведомости» за 1838 – 1843, 1845 – 1849, 1852 – 1853, 1856 гг., № 1 – 52.

список литературы

Мемуары и заметки современников

- 1 Болотов А. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков / А. Болотов – М., 1993. Т. 1 – 3.
- 2 Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел / П.А. Валуев. – М., 1961. Т. 1.
- 3 Дюма А. Путевые впечатления в России / А. Дюма. – М., 1993. Т. 1 – 2.
- 4 Маркиз де-Кюстин А. Николаевская Россия / А. де-Кюстин. – М., 1990. – 286 с.
- 5 Русские мемуары. 1826 – 1856. – М., 1990. – 734 с.

Энциклопедические издания

- 1 Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1890 – 1907. Т. 1 – 82.
- 2 Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. – М., 1994, 1996. Т. 1 – 2.

Монографии и прочие исторические публикации

1. Административные реформы в России XVIII – XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. – М., 1990. – 45 с.
2. Алексеев В.П. Секретные комитеты при Николае I / В.П. Алексеев // Великая реформа. – М., 1911. Т. 2. – С. 194 – 208.
3. Богословский М.М. Государственные крестьяне при Николае I / М.М. Богословский // История России в XIX в. – СПб., – Т. 1. – С. 236 – 260.
4. Буганов В.И. Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии / В.И. Буганов, А.Н. Медушевский // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 203 – 210.
5. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – 431 с.
6. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М., 1961.
7. Герасимова Ю.И. Рецензия на книгу В. Сливовской «Николай I и его время, 1825 – 1855» / Ю.И. Герасимова // История СССР. – 1966. – № 6. – С. 176 – 178.
8. Готье Ю.В. Государственные крестьяне при Николае I и реформа П.Д. Киселева / Ю.В. Готье. – М., 1910.
9. Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России / Ю.В. Готье. – Сергиев Посад, 1915. – 208 с.
10. Громько М.М. Культура русского крестьянства XVIII-XIX вв. как предмет исторического исследования / М.М. Громько // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 39 – 60.
11. Дмитриев С.С. Возникновение сельскохозяйственных выставок в России / С.С. Дмитриев // Во-

просы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М., 1961. – С. 172 – 180.

12. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин. – М., Л., 1946, 1958. Т. 1 – 2.

13. Дружинин Н.М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г. / Н.М. Дружинин // Вопросы истории. – 1954. – № 7. – С. 56 – 76.

14. Дружинин Н.М. Ответ крестьянства на реформу Киселева / Н.М. Дружинин // Из истории общественного движения и международных отношений. – М., 1957. – С. 405 – 436.

15. Дружинин Н.М. Социально-политические взгляды П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин // Вопросы истории. – 1946. – № 2 – 3. – С. 33 – 54.

16. Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России / Н.М. Дружинин. – М., 1987. – 421 с.

17. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – М., 1883. – 263 с.

18. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Тамбов, 1993. – 443 с.

19. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф Киселев и его время / А.П. Заблоцкий-Десятовский. – СПб., 1882. Т. 1 – 4.

20. Зябловский Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии / Е.Ф. Зябловский. – СПб., 1815. Ч. 1 – 3.

21. Император Николай I в совещательных собраниях. Из современных записок статс-секретаря барона Корфа. – СПб., 1896.

22. «И пыль веков от хартий отряхнув...» Хрестоматия по истории Тамбовского края. – Тамбов., 1993. – 387 с.

23. История крестьянства в России с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. Т. 1 – 3.

24. Кабузан В.М. Государственные крестьяне в России в XVIII – 50-х гг. XIX вв. Численность, состав и размещение / В.М. Кабузан // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 68 – 83.

25. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. / В.М. Кабузан. – М., 1971. – 190 с.

26. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий) / В.М. Кабузан. – М., 1963. – 230 с.

27. Камкин А.В. Рецензия на книгу «История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.» / А.В. Камкин // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 160 – 163.

28. Кеппен П. Общее народонаселение России в 1838 г. / П. Кеппен // Санкт-Петербургские ведомости. – 1840. – № 222 – 226.

29. Кизеветтер А.А. XIX век в истории России / А.А. Кизеветтер. – Ростов-на-Дону, 1905. – 45 с.

30. Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII-XIX вв. / А.А. Кизеветтер. – Ростов-на-Дону, 1904. – 42 с.

31. Кизеветтер А.А. История России в XIX в. / А.А. Кизеветтер. – М., 1911 – 1912. Ч. 2. – 202 с.

32. Ключевский В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. – М., 1987 – 1989. Т. 1 – 5.

33. Князьков С.А. Граф П.Д. Киселев и реформа государственных крестьян / С.А. Князьков // Великая реформа. – М., 1911. – С. 209 – 233.

34. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства) / И.Д. Ковальченко. – М., 1959. – 275 с.

35. Ковальченко И.Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX в. / И.Д. Ковальченко // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 74 – 93.

36. Ковальченко И.Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма / И.Д. Ковальченко. – М., 1988. – 222 с.

37. Ковальченко И.Д. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XIX вв. Опыт количественного анализа / И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов. – М., 1974. – 413 с.

38. Ковальченко И.Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма / И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунская. – М., 1988. – 222 с.

39. Комов Н. Земельные отношения и землеустройство в России / Н. Комов, А. Родин, В. Алакоз. – М., 1995. – 509 с.
40. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. / А.А. Корнилов. – М., 1993. – 446 с.
41. Корф М.А. Восшествие на престол Николая I / М.А. Корф. – СПб., 1857. – 238 с.
42. Кравченко В.В. Рецензия на книгу Д. Сондерса «Россия в век реакции и реформы. 1801 – 1881 гг.» / В.В. Кравченко, В.В. Тимофеев // Вопросы истории. – 1993. – № 10. – С. 188 – 189.
43. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914 / М. Леонтович. – М., 1995. – 548 с.
44. Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825 – 1861 гг. / Я.И. Линков. – М., 1952. – 277 с.
45. Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. / Б.Г. Литвак. – М., 1957. – 126 с.
46. Менталитет и аграрное развитие России XIX-XX вв. – М., 1996. – 439 с.
47. Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. / Ю.А. Мизис. – Тамбов, 1990. – 105 с.
48. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М., 1998. – 572 с.
49. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия России первой половины XIX столетия / С.В. Мироненко. – М., 1990. – 235 с.
50. Нифонтов А.С. Россия в 1843 г. / А.С. Нифонтов. – М., 1949. – 315 с.
51. Очерки экономического строя России. – СПб., 1905. – 115 с.
52. Полевой К. Столетие России с 1745 до 1845 гг. / К. Полевой. – СПб., 1846. Ч. 1 – 2.
53. Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826 – 1857 гг. / М.А. Рахматуллин. – М., 1990. – 302 с.
54. Рашин А.Г. Население России за 100 лет / А.Г. Рашин. – М., 1956. – 352 с.
55. Реформы в России XVI – XIX вв. – М., 1992. – 224 с.
56. Рожкова М.К. Сельское хозяйство и положение крестьянства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. / М.К. Рожкова. – М., 1959. – С. 5 – 61.
57. Рожкова М.К. Торговля / М.К. Рожкова // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959. – С. 246 – 275.
58. Рожкова М.К. Экономическая политика правительства // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. / М.К. Рожкова. – М., 1959. – С. 359 – 379.
59. Рындзюнский П.Г. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. / П.Г. Рындзюнский // История СССР. – 1963. – № 4. – С. 95 – 117.
60. Рындзюнский П.Г. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842 – 1844 гг. / П.Г. Рындзюнский // Исторические записки. – 1955. – № 54. – С. 315 – 326.
61. Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность (ремесло и мелкотоварное производство) / П.Г. Рындзюнский // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959. – С. 62 – 117.
62. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX вв. / В.И. Семевский. – СПб., 1888.
63. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в царствование Николая I / В.И. Семевский. – СПб., 1888.
64. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 3 – 31; 1993. – № 2. – С. 3 – 28, № 6. – С. 79 – 110.
65. Тайны истории. – М., 1994. – 238 с.
66. Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты / Г.И. Чулков. – М., 1991. – 286 с.
67. Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России / В.П. Яковлева. – Йошкар-Ола, 1997. – 212 с.

Введение

¹ Ходский Л.В. Земля и земледелец / Л.В. Ходский. – СПб., 1891. – Т. 2, гл. VII – XI; Благовещенский Н. Четвертное право / Н. Благовещенский. – СПб., 1894.

² Семевский В.И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX вв. / В.И. Семевский. – СПб., 1888. – Т. 2.

³ Вешняков В.И. Исторический обзор разных названий государственных крестьян / В.И. Вешняков // ЖМГИ. – 1857. – Т. 52, 53, 55; Смирнов А. Историческое обозрение управления государственных крестьян / А. Смирнов // ЖМГИ. – 1861. – Т. 81.

⁴ Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф Киселев и его время / А.П. Заблоцкий-Десятовский. – СПб., 1882. – Т. 1 – 4.

⁵ Семевский В.И. Указ. соч.; Иконников В.С. Граф П.Д. Киселев и его время / В.С. Иконников // Русская старина. – 1882; Полиевктов М.И. Николай I / М.И. Полиевктов. – 1917.

⁶ Морозов Н.А. Граф Киселев / Н.А. Морозов // Устои. – 1882, январь.

⁷ Энгельман И.Е. Граф П.Д. Киселев и его время. Сочинение А.П. Заблоцкого-Десятовского / И.Е. Энгельман. – СПб., 1882.

⁸ Покровский М.Н. Россия в конце XVIII в. / М.Н. Покровский // История России в XIX в. – СПб.: Издательство Гранат; Рожков Н. Тридцатые годы. Из русской истории. (См.: Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Петроград, 1918. С. 65 – 70).

⁹ Богословский М.М. Государственные крестьяне при Николае I / М.М. Богословский // История России в XIX в. – СПб.: Изд-во Гранат; Кизеветтер А.А. История России в XIX в. / А.А. Кизеветтер. – М., 1912; Кизеветтер А.А. XIX в. в истории России / А.А. Кизеветтер. – Ростов-на-Дону, 1905; Князьков С.А. Граф П.Д. Киселев и реформа государственных крестьян / С.А. Князьков // Великая реформа. – М., 1911; Готье Ю.В. Граф П.Д. Киселев / Ю.В. Готье. – М., 1912; Готье Ю.В. Государственные крестьяне при Николае I и реформа Киселева / Ю.М. Готье. – М., 1910; Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России / Ю.М. Готье. – Сергиев Посад, 1915.

¹⁰ Кавелин С.П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян / С.П. Кавелин // Труды общества межевых инженеров. – М., 1912. – Вып. 2.

¹¹ Зайцев К.И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян / К.И. Зайцев // Труды студентов экономического отделения Санкт-Петербургско-го Политехнического института. – СПб., 1912.

¹² Токарев С.В. Крестьянские «картофельные бунты» в России в 40-х гг. XIX в. / С.В. Токарев. – Киров, 1939.

¹³ Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825 – 61 гг. / Я.И. Линков. – М., 1952; Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. / Б.Г. Литвак. – М., 1967; Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826 – 57 гг. / М.А. Рахматуллин. – М., 1990; Дружинин Н.М. Ответ крестьянства на реформу П.Д. Киселева. В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. – М., 1957; Рындзюнский П.Г. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842 – 44 гг. / П.Г. Рындзюнский // Исторические записки. – 1955. – № 54.

¹⁴ Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства) / И.Д. Ковальченко. – М., 1959.

¹⁵ Рожкова М.К. Сельское хозяйство и положение крестьянства; Рожкова М.К. Экономическая политика правительства / М.К. Рожкова // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959.

¹⁶ Булыгин И.А. К вопросу о сущности реформ в России эпохи позднего феодализма // Реформы в России XVI – XIX вв. / И.А. Булыгин. – М., 1992.

¹⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин. – М., 1946, 1958. – Т. 1 – 2.

¹⁸ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России / Н.М. Дружинин. – М., 1987.

¹⁹ Дружинин Н.М. Социально-политические взгляды П.Д. Киселева / Н.М. Дружинин // Вопросы истории. – 1954. – № 2 – 3.

²⁰ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия России первой половины XIX столетия / С.В. Мироненко. – М., 1990; Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России / В.П. Яковлева. – Йошкар-Ола, 1997; Буганов В.И. Административные реформы в России и проблема их изучения в современной западной историографии / В.И. Буганов, А.Н. Медушевский // Отечественная история. – 1992. – № 3.

²¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – Т. 1 – 3; Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв. – М., 1996; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М., 1998.

Часть I

ТАМБОВСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

ПЕРЕД РЕФОРМОЙ

Глава 1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНИИ

¹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVII – первой половине XIX вв. / В.М. Кабузан. – М., 1971. – С. 143 – 145.

² Там же. – С. 27.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 2.

⁴ Кабузан В.М. Указ соч. – С. 143 – 145.

⁵ Кеппен П. Общее народонаселение России в 1838 г. / Кеппен П. // Санкт-Петербургские ведомости. – 1840. – № 222 – 226. – С. 22; Рашин А.Г. Население России за сто лет / А.Г. Рашин. – М., 1956. – С. 28.

⁶ «И пыль веков от хартий отряхнув...». Хрестоматия по истории Тамбовского края. – Тамбов, 1993. – С. 83.

⁷ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Тамбов, 1993. – С. 286.

⁸ По материалам ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 2.

⁹ Там же. – Л. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – Л. 5.

¹² Там же. – Л. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 112. – Л. 1.

¹⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 6.

¹⁷ Там же. – Л. 7.

¹⁸ Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 29. – Л. 3.

¹⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 8 – 9.

²⁰ Там же. – Л. 10.

²¹ Там же. – Л. 11 – 12.

²² Там же. – Л. 12.

²³ Там же. – Л. 13.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. – Л. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. – Л. 15.

³¹ Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 31. – Л. 3.

³² Там же. – Л. 69 – 70, 103 – 104.

- ³³ Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 25. – Л. 64.
³⁴ Там же. Д. 31. – Л. 84.
³⁵ Там же. – Л. 101 – 104.
³⁶ Князьков С.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 212.
³⁷ Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. – М., 1996. – Т. 2. – С. 455.
³⁸ Князьков С.А. Указ. соч. – С. 213.
³⁹ Там же. – С. 215.
⁴⁰ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. – С. 155.
⁴¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 369.
⁴² По материалам ГАТО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 49. – Л. 70 – 72, 84.
⁴³ Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв. – М., 1996. – С. 53.
⁴⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 7.
⁴⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 409; ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 8.
⁴⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 4 – 6.
⁴⁷ Ковальченко И.Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX вв. / И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов. – М., 1974. – С. 214.

Глава 2 СОСТОЯНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ КАЗЕННОЙ ДЕРЕВНИ

- ¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 3.
² Там же.
³ Там же. – Л. 15.
⁴ Там же.
⁵ Там же. – Л. 17.
⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 409.
⁷ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 27.
⁸ Там же. Оп. 2. Д. 28. – Л. 1.
⁹ Там же. Оп. 86. Д. 14. – Л. 32.
¹⁰ Там же. – Л. 37.
¹¹ Там же. – Л. 38 – 39.
¹² Там же. Оп. 2. Д. 28. – Л. 58.
¹³ Там же. Оп. 16. Д. 21. – Л. 2.
¹⁴ По материалам ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 28. – Л. 143 – 144.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же.

Глава 3 ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

- ¹ Там же. Д. 11. – Л. 17 – 20.
² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 412.
³ Там же.
⁴ Там же. – С. 411.
⁵ Там же.
⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 4 – 6.
⁷ Там же. – Л. 5.
⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 412.
⁹ Там же. – С. 413.
¹⁰ Там же.
¹¹ Там же. – С. 411.
¹² ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 8.
¹³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 412.

- ¹⁴ Там же. – С. 411.
¹⁵ Там же. – С. 415.
¹⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 8.
¹⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 415.
¹⁸ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 12. – Л. 127 – 128; Д. 31. – Л. 65 – 67, 101 – 102; Оп. 86. Д. 36. – Л. 55-65.
¹⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 31. – Л. 31, 101 – 102; Оп. 86. Д. 36. – Л. 55 – 65.
²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 31. – Л. 65 – 66, 101 – 102.
²¹ Там же. Д. 25. Л. 35; Д. 31. – Л. 65 – 66, 101 – 102.
²² Там же.
²³ Там же. – Л. 65 – 66, 101 – 104.
²⁴ Яхшиян О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Менталитет и аграрное развитие России XIX – XX вв. – С. 93.
²⁵ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 18. – Л. 1 – 5.
²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 45. – Л. 217.

Часть II

РЕФОРМА: ЗАМЫСЕЛ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Глава 1 В ПРЕДДВЕРИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- ¹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – С. 241.
² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 168.
³ Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. – СПб., 1882. – Т. 1. – С. 8; Семевский В.В. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая / В.В. Семевский. – СПб., 1888. – С. 22.
⁴ Цитируется по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 283; Император Николай I в совещательных собраниях. Из современных записок статс-секретаря барона Корфа. – СПб., 1896. – С. 106 – 107.
⁵ Цитируется по: Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. – Т. 2. – С. 13.
⁶ Там же. – С. 11 – 16.
⁷ Ковальченко И.Д. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма / И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунская. – М., 1988. – С. 22.
⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 310.
⁹ Там же. – С. 346 – 348.
¹⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1178.
¹¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 369.
¹² По материалам ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1097. – Л. 5 – 6, 14 – 15, 25 – 26, 36 – 38; Д. 1122. – Л. 2, 14, 20, 22, 47, 85.
¹³ Там же. Ф. 15. Оп. 86. Д. 14. – Л. 15.
¹⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков / А.Т. Болотов. – М., 1993. – Т. 2. – С. 332.
¹⁵ Там же. – Т. 2. – С. 347 – 356, 403 – 409, 411 – 441, 446 – 447.
¹⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 11. – Л. 23 – 25.
¹⁷ Там же. – Л. 578 – 581.
¹⁸ Там же. – Л. 21.
¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1097. – Л. 5 – 6, 8 – 9, 11 – 12, 14 – 15, 17 – 18, 20 – 21, 23 – 26, 28 – 29, 31 – 34, 36 – 38; Д. 1122. – Л. 2, 14, 20, 22, 47, 85.
²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 142. Д. 31. – Л. 3 – 4, 16, 127 – 132; Линков Я.И. Указ. соч. – С. 28 – 29.
²¹ Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. – Т. 1. – С. 477.
²² Там же. – С. 19 – 21.
²³ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 18. – Л. 1.
²⁴ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 478 – 483.
²⁵ Там же. – С. 479.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. – С. 480.

- ²⁸ Князьков С.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 210.
²⁹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 6. Д. 48.
³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 18; Оп. 16. Д. 88. – Л. 65.
³¹ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 24; Оп. 8. Д. 31. – Л. 36; Оп. 16. Д. 88. – Л. 75.
³² ВПСЗ (второе полное собрание законов Российской империи). – Т. XI. – № 9119.
³³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 419.
³⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 94. Д. 5. Проект положения о кадастрации государственных имуществ.
³⁵ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 3; Оп. 11. Д. 21. – Л. 87; Оп. 14. Д. 94. – Л. 112; Оп. 16. Д. 88. – Л. 107, 132.
³⁶ Цитируется по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 509.
³⁷ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 2. – Л. 144 – 145.
³⁸ См.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. – Т. 2. – С. 57 – 59, 61 – 65.

Глава 2 ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕФОРМЫ

- ¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 505.
² ВПСЗ. – Т. III. – № 10907; Т. XII. – № 9846.
³ Там же. – Т. XII. – № 10834.
⁴ Там же. – Т. XIII. – № 11189; ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 38а. Проект учреждения управления государственными имуществами.
⁵ ГАТО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1. – Л. 24.
⁶ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 36.
⁷ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 55.
⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 570.
⁹ ВПСЗ. – Т. XIV. – № 12165.
¹⁰ Там же. – Т. XIV. – № 12166.
¹¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 31. – Л. 54.
¹² Там же. – Л. 135 – 144; Оп. 16. Д. 88. – Л. 52 – 55.
¹³ Там же. – Л. 55.
¹⁴ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 8. Д. 31. – Л. 56, 135 – 144; Оп. 14. Д. 94. – Л. 70 – 71; Оп. 16. Д. 88. – Л. 55, 107, 121, 132, 410.
¹⁵ Там же. Оп. 6. Д. 48. – Л. 30 – 33.
¹⁶ Там же. – Л. 30 – 38, 72 – 75, 101 – 103, 128 – 131.
¹⁷ Там же. – Л. 43 – 46.
¹⁸ Там же. – Л. 172 – 176.
¹⁹ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 60; Оп. 5. Д. 13. – Л. 67, Оп. 7. Д. 42. – Л. 81; Оп. 8. Д. 31. – Л. 133 – 134; Оп. 11. Д. 21. – Л. 345; Оп. 14. Д. 94. – Л. 535; Оп. 16. Д. 88. – Л. 350.
²⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 588.
²¹ Там же. – Т. 2. – С. 8.

Глава 3 СОЗДАНИЕ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ И КАЗЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

- ¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1600.
² Там же. – Л. 5.
³ Там же. – Л. 7.
⁴ Там же. – Л. 3; Ф. 15. Оп. 2. Д. 7. – Л. 152.
⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 7. – Л. 152, 158.
⁶ Там же. Оп. 1. Д. 49. – Л. 54.
⁷ Там же. – Л. 55.
⁸ Там же. – Л. 56.
⁹ Там же. – Л. 58.
¹⁰ Там же. – Л. 59.
¹¹ Там же.

- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. – Л. 60.
- ¹⁵ Там же. Ф.12. Оп. 1. Д. 1600. – Л. 17; Ф.15. Оп. 94. Д. 2. – Л. 260.
- ¹⁶ Там же. Ф.15. Оп. 94. Д. 1. – Л. 11.
- ¹⁷ Там же. – Л. 207.
- ¹⁸ Там же. Д. 49. – Л. 62.
- ¹⁹ Там же. Д. 45. – Л. 217.
- ²⁰ Там же. Д. 49. – Л. 92.
- ²¹ Там же. – Л. 99.
- ²² Там же. – Л. 62.
- ²³ Там же. – Л. 84.
- ²⁴ Там же. Оп. 86. Д. 14. – Л. 3.
- ²⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 1. – С. 409.
- ²⁶ ГАТО. Ф.15. Оп. 1. Д. 49. – Л. 83.
- ²⁷ Там же. Д. 47. – Л. 6.
- ²⁸ Там же. Д. 49. – Л. 99.
- ²⁹ Там же. – Л. 144 – 145.
- ³⁰ Там же. – Л. 70 – 72, 84.
- ³¹ Там же. Л. 92; Д. 45. – Л. 194.
- ³² Там же. – Л. 234.
- ³³ Там же. Д. 47. – Л. 45.
- ³⁴ Там же. Д. 49. – Л. 235.
- ³⁵ Там же. – Л. 93.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. – Л. 5.
- ³⁸ Линков Я.И. Указ. соч. – С. 28 – 29; ГАТО. Ф. 2. Оп. 142. Д. 31. – Л. 3 – 4, 16, 127 – 132.
- ³⁹ Линков Я.И. Указ. соч. С. 27 – 28.
- ⁴⁰ ВПСЗ. – Т. XIII. – № 11189; ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 7. – Л. 1; Оп. 86. Д. 38а.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 7. – Л. 71.
- ⁴² Там же. – Л. 12.
- ⁴³ Там же. – Л. 1, 3, 14, 28.
- ⁴⁴ Там же. – Л. 3.
- ⁴⁵ Там же. – Л. 10 – 11.
- ⁴⁶ Там же. – Л. 14, 28, 104, 106; Д. 21. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Д. 13. – Л. 22 – 24, 26 – 27.
- ⁴⁸ Там же. – Л. 2.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 22 – 24, 26 – 27.
- ⁵⁰ Там же. Д. 7. – Л. 1.
- ⁵¹ Там же. – Л. 77 – 78, 80, 86, 112.
- ⁵² По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 2. Д. 7. – Л. 77 – 78; Оп. 4. Д. 1. – Л. 86 – 93; Оп. 5. Д. 13. – Л. 91 – 96; Оп. 7. Д. 42. – Л. 102 – 106; Оп. 8. Д. 31. – Л. 179 – 183.
- ⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 7. – Л. 1; Оп. 4. Д. 1. – Л. 86; Оп. 5. Д. 13. – Л. 91; Оп. 7. Д. 42. – Л. 1; Оп. 8. Д. 31. – Л. 2; Оп. 11. Д. 21. – Л. 1; Оп. 12. Д. 109а. – Л. 1.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 43.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 41; Оп. 5. Д. 13. – Л. 43.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 7. – Л. 30, 70.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 31.
- ⁵⁸ Там же. Д. 11. – Л. 329.

Часть III

ПРОВЕДЕНИЕ В ГУБЕРНИИ ГЛАВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ РЕФОРМЫ

Глава 1 ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЗИМАНИЯ ПОДАТЕЙ И ОТБЫВАНИЯ ПОВИННОСТЕЙ

- ¹ Князьков С.А. Указ. соч. – Т. 2. – С. 211.
- ² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 149.
- ³ Богословский М.М. Указ. соч. – Т. 1. – С. 259.
- ⁴ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. – Т. 3. – С. 368.
- ⁵ ГАТО. Ф. 15. Оп. 14. Д. 94. – Л. 155; Оп. 8. Д. 31. – Л. 87.
- ⁶ Там же. Оп. 12. Д. 109а. – Л. 2.
- ⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 155.
- ⁸ Там же. – Л. 18.
- ⁹ Там же. – Л. 645.
- ¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 31. – Л. 101 – 104.
- ¹¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 135.
- ¹² ГАТО. Ф. 15. Оп. 94. Д. 5. – Л. 1 – 53.
- ¹³ Там же. – Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 40.
- ¹⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 143; ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 53.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 31. – Л. 101 – 102.
- ¹⁷ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 25; Д. 5. – Л. 24; Оп. 7. Д. 42. – Л. 37; Оп. 8. Д. 31. – Л. 58.
- ¹⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 143.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 11. Д. 21. – Л. 19.
- ²⁰ Там же. – Л. 20.
- ²¹ Там же. – Л. 21.
- ²² Там же. – Л. 1 – 2, 55.
- ²³ Там же. Оп. 86. Д. 77. – Л. 4.
- ²⁴ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 22.
- ²⁵ Проект Положения об устройстве оброчной подати с государственных крестьян. – СПб., 1842. – С. 151 – 188, 248, 258, 276.
- ²⁶ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 25 – 26, 40; Д. 5. – Л. 25, 40; Оп. 7. Д. 42. – Л. 15, 38; Оп. 8. Д. 31. – Л. 59, 86; Оп. 11. Д. 21. 84, 104; Оп. 14. Д. 94. – Л. 125 – 126; Оп. 16. Д. 88. – Л. 83, 102; Рожкова М.К. Торговля // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – С. 266; Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). – С. 37.
- ²⁷ В кн.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. – С. 127.
- ²⁸ Там же. – С. 130.
- ²⁹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 3. Д. 30. – Л. 15, 32, 41 – 43.
- ³⁰ Там же. – Л. 355 – 377.
- ³¹ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 100.
- ³² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. / И.И. Дубасов. – М., 1883. – Вып. 1. – С. 50 – 53.
- ³³ Цитируется по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 91 – 92.
- ³⁴ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 1, 3, 86 – 93; Оп. 5. Д. 13. – Л. 1 – 2, 91 – 96; Оп. 7. Д. 42. – Л. 1 – 3, 102 – 106; Оп. 11. Д. 21. – Л. 100 – 102; Оп. 14. Д. 94. – Л. 138, 147, 152, 154; Оп. 16. Д. 88. – Л. 110, 117, 122, 124.
- ³⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 91.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1. – Л. 41.
- ³⁷ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 87.
- ³⁸ Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел / П.А. Валуев. – М., 1961. – Т. 1. – С. 19 – 22.
- ³⁹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 16. Д. 88. – Л. 136.
- ⁴⁰ По материалам ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 9; Ф. 4. Оп. 1. 23 – 26, 28 – 29, 31 – 34, 36 – 38; Д. 1122. – Л. 2, 14, 20, 47, 85.
- ⁴¹ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 25; Оп. 5. Д. 13. – Л. 24; Оп. 7. Д. 42. – Л. 37; Оп. 8.

- Д. 31. – Л. 58; Оп. 11. Д. 21. – Л. 82; Оп. 14. Д. 94. – Л. 120; Оп. 16. Д. 88. – Л. 99.
- ⁴² Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. – С. 159.
- ⁴³ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – ЛЛ. 13-15; Оп. 5. Д. 13. – Л. 11 – 13, 40; Оп. 7. Д. 42. – Л. 14 – 18, 66, 68; Оп. 8. Д. 31. – Л. 22, 25, 30 – 32, 78 – 79, 86, 113 – 116; Оп. 11. Д. 21. – Л. 16 – 19; Оп. 14. Д. 94. – Л. 18 – 20, 155; Оп. 16. Д. 88. – Л. 8 – 14, 125.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 25. – Л. 95.
- ⁴⁵ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 7. Д. 42. – Л. 14; Оп. 8. Д. 31. – Л. 22; Оп. 16. Д. 88. – Л. 8.
- ⁴⁶ ВПСЗ. – Т. XX. – № 13275.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 61. – Л. 3 – 5.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 25, 55.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 25.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 18.
- ⁵¹ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 8. Д. 31. – Л. 38; Оп. 11. Д. 21. – Л. 71; Оп. 14. Д. 94. – Л. 98; Оп. 16. Д. 88. – Л. 82.
- ⁵² Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 12; Оп. 7. Д. 42. – Л. 68.
- ⁵³ ВПСЗ. – Т. XV. – № 13275.
- ⁵⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 21. – Л. 92.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1551. – Л. 1.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 27; Оп. 8. Д. 31. – Л. 43.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 27.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 74 – 75.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 64; Оп. 16. Д. 88. – Л. 75.
- ⁶⁰ ВПСЗ. – Т. XXVI. – № 25398.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 11. Д. 21. – Л. 15; Оп. 14. Д. 94. – Л. 17.
- ⁶² Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 12; Оп. 11. Д. 94. – Л. 17.
- ⁶³ ВПСЗ. – Т. XVIII. – № 16568.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 16. Д. 88. – Л. 127.
- ⁶⁵ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 14. Д. 94. – Л. 31; Оп. 16. Д. 88. – Л. 22.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 15, 43 – 44.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 53.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 127.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 16; Оп. 5. Д. 13. – Л. 14; Оп. 7. Д. 42. – Л. 21; Оп. 8. Д. 31. – Л. 35; Оп. 11. Д. 21. – Л. 27; Оп. 14. Д. 94. – Л. 31; Оп. 16. Д. 88. – Л. 22.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 25. – Л. 65.
- ⁷¹ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 17.
- ⁷² ВПСЗ. – Т. XXVI. – № 25390; Т. XXVIII. – № 27432; Т. XXXI. – № 30198.
- ⁷³ По материалам ГАТО Ф. 15: Оп. 5. Д. 13. – ЛЛ. 16, 41, 59 – 60; Оп. 7. Д. 42. – Л. 22, 73 – 74; Оп. 11. Д. 21. – Л. 23, 177 – 178.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 25. – Л. 33.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 135. – Л. 59 – 60; Оп. 7. Д. 42. – Л. 73 – 74; Оп. 11. Д. 21. – Л. 177 – 178.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 2. Д. 12. – Л. 113, 115.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 138.
- ⁷⁸ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 49; Оп. 11. Д. 21. – Л. 40; Оп. 16. Д. 88. – Л. 32.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 82; Оп. 2. Д. 12. – Л. 94.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 42; Оп. 16. Д. 88. – Л. 32.
- ⁸¹ Там же. Оп. 16. Д. 106. – Л. 105 – 108.
- ⁸² Там же. Оп. 86. Д. 37. – Л. 1.
- ⁸³ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 16; Оп. 7. Д. 42. – Л. 22.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 88.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 86. Д. 77. – Л. 4.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 126.
- ⁸⁷ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. – Т. 3. – С. 375.
- ⁸⁸ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 2. Д. 31. – Л. 101 – 102; Оп. 8. Д. 31. – Л. 22; Оп. 16. Д. 88. – Л. 7.

Глава 2 РЕАЛИЗАЦИЯ «ПОЛИТИКИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА»

- ¹ ГАТО. Оп. 86. Д. 77. – Л. 14.
- ² Рындзюнский П.Г. Указ. соч. – С. 325.
- ³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 128.
- ⁴ Там же. – С. 496.
- ⁵ Там же. С. 494 – 496; ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 36; Оп. 8. Д. 31. – Л. 56.
- ⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 57; Оп. 8. Д. 31. – Л. 56.
- ⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 497; ГАТО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 31. – Л. 1.
- ⁸ ГАТО. Оп. 8. Д. 31. – Л. 27, 88 – 89; Оп. 14. Д. 94. – Л. 156.
- ⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 2; Оп. 5. Д. 13. – Л. 1 – 2; Оп. 7. Д. 42. – Л. 1 – 2; Оп. 8. Д. 31. – Л. 2 – 3; Оп. 11. Д. 21. – Л. 99; Оп. 14. Д. 94. – Л. 151; Оп. 16. Д. 88. – Л. 121.
- ¹⁰ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 2.
- ¹¹ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 57.
- ¹² Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 71; Оп. 16. Д. 88. – Л. 55.
- ¹³ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 73.
- ¹⁴ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 50.
- ¹⁵ Болотов А.Т. Указ. соч. – Т. 3. – С. 377.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1. – Л. 24.
- ¹⁷ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 5, 24; Оп. 5. Д. 13. – Л. 5, 23; Оп. 7. Д. 42. – Л. 6, 37; Оп. 8. Д. 31. – Л. 8, 57; Оп. 11. Д. 21. – Л. 35, 52, 357; Оп. 14. Д. 94. – Л. 41, 71; Оп. 16. Д. 88. – Л. 31, 57, 362.
- ¹⁸ Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). – С. 51, 53.
- ¹⁹ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 35 – 36; Оп. 5. Д. 13. – Л. 36; Оп. 7. Д. 42. – Л. 46; Оп. 8. Д. 31. – Л. 68; Оп. 11. Д. 21. – Л. 32; Оп. 14. Д. 94. – Л. 36 – 39; Оп. 16. Д. 88. – Л. 26 – 29.
- ²⁰ Цитируется по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 41 – 42.
- ²¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 61. – Л. 3 – 5.
- ²² Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 50.
- ²³ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 93.
- ²⁴ ВПСЗ. – Т. XXII. – № 21790; ГАТО. Ф. 15. Оп. 11. Д. 21. – Л. 103.
- ²⁵ ГАТО. Ф. 15. Оп. 16. Д. 88. – Л. 131.
- ²⁶ ВПСЗ. – Т. XVIII. – № 17381.
- ²⁷ Там же. – Т. XVIII. – № 17381.
- ²⁸ ГАТО. Ф. 15. Оп. 16. Д. 88. – Л. 127.
- ²⁹ Там же. Оп. 86. Д. 188. – Л. 1 – 5.
- ³⁰ Там же. Оп. 8. Д. 183. – Л. 9 – 10.
- ³¹ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 74 – 76.
- ³² Там же. – Л. 78.
- ³³ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 105.
- ³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 30. – Л. 74, 79 – 105.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 89.
- ³⁷ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 42; Оп. 14. Д. 94. – Л. 106 – 107; Оп. 16. Д. 88. – Л. 95.
- ³⁸ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 62.
- ³⁹ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 112.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 93.
- ⁴¹ Там же. – Л. 95.
- ⁴² Там же. Оп. 86. Д. 60а. – Л. 19.
- ⁴³ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 41 – 42.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 86. Д. 60а. – Л. 16.
- ⁴⁵ Там же. Д. 77. – Л. 6.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 64.

- ⁴⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 103.
- ⁴⁸ Там же. – Л. 100.
- ⁴⁹ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 6, 27 – 28; Оп. 16. Д. 88. – Л. 143 – 144; Д. 21. – Л. 1 – 2; Д. 106. – Л. 5, 51, 59.
- ⁵⁰ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 9. Д. 76. – Л. 31 – 32, 77 – 79; Оп. 12. Д. 90. – Л. 63 – 65; Оп. 14. Д. 51. – Л. 79 – 81; Оп. 16. Д. 106. – Л. 93 – 95; Оп. 18. Д. 87. – Л. 32, 51 – 53, 76, 103, 106 – 107, 147 – 148, 173 – 174, 214 – 216, 249, 268, 276 – 277, 316, 352 – 354.
- ⁵¹ Там же. Оп. 9. Д. 76. – ЛЛ. 37 – 42; Оп. 12. Д. 90. – Л. 23 – 24; Оп. 14. Д. 51. – Л. 31 – 33.
- ⁵² Там же. Оп. 9. Д. 76. – Л. 16; Оп. 12. Д. 90. – Л. 8; Оп. 14. Д. 51. – Л. 15; Оп. 16. Д. 106. – Л. 27.
- ⁵³ Там же. Оп. 16. Д. 106. – Л. 27.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 9. Д. 76. – Л. 16, 75 – 76; Оп. 12. Д. 90. – Л. 8, 61 – 62; Оп. 14. Д. 51. – Л. 15, 77 – 78; Оп. 16. Д. 106. – Л. 27, 89 – 90, 105 – 108.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. – Л. 1 – 24.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 86. Д. 77. – Л. 9.
- ⁵⁷ Там же. Д. 47. – Л. 13 – 14.
- ⁵⁸ ВПСЗ. – Т. XXV. – № 23791.
- ⁵⁹ Рахматуллин М.А. Указ. соч. – С. 33 – 36; Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 143 – 145; ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 6; Оп. 5. Д. 13. – Л. 5; Оп. 7. Д. 42. – Л. 6; Оп. 8. Д. 31. – Л. 8; Оп. 11. Д. 21. – Л. 55; Оп. 14. Д. 94. – Л. 4; Оп. 16. Д. 88. – Л. 143 – 144.
- ⁶⁰ Рожкова М.К. Сельское хозяйство и положение крестьянства / М.К. Рожкова // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – М., 1959. – С. 21.
- ⁶¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 9.
- ⁶² Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 4.
- ⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 8.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 12. Д. 109а. – Л. 14.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 106.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 8, 12.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 128 – 129; Оп. 16. Д. 88. – Л. 104.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 88.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 6; Оп. 11. Д. 21. – Л. 86; Оп. 14. Д. 94. – Л. 135.
- ⁷¹ Там же. Оп. 2. Д. 21. – Л. 86 – 89.
- ⁷² Там же. Д. 33. – Л. 1 – 2, 37 – 38, 70.
- ⁷³ ВПСЗ. – Т. XVIII. – № 16718, Т. XXX. – № 29811; ГАТО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 31. – Л. 8.
- ⁷⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1. – Л. 6; Оп. 8. Д. 31. – Л. 9.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 132.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 2. Д. 41. – Л. 1 – 67.
- ⁷⁷ Там же. – Л. 51.
- ⁷⁸ Там же. – Л. 2.
- ⁷⁹ По материалам ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1059. – Л. 8 – 12; Д. 1060. – Л. 858 – 862; Ф. 15: Оп. 2. Д. 43. – Л. 37; Оп. 3. Д. 8. – Л. 1 – 88, 94 – 133, 140 – 191, 197 – 200, 204 – 225, 238 – 253, 324 – 341, 363 – 387, 391 – 468, 473 – 516, 597 – 620, 636 – 717, 720 – 821; Оп. 86. Д. 60а. – Л. 6, 13, 22, 28.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 37 – 38.
- ⁸¹ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 322 – 324; Оп. 16. Д. 88. – Л. 310 – 311.
- ⁸² Там же. Л. 40; Оп. 16. Д. 88. – Л. 37 – 38.
- ⁸³ Там же. – Л. 105 – 106.
- ⁸⁴ Там же. – Л. 106.
- ⁸⁵ Там же. – Л. 107.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 40.
- ⁸⁷ Русские мемуары. 1826 – 56. – М., 1990. – С. 445 – 446.
- ⁸⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – М., 1883. Вып. 1. – С. 61.
- ⁸⁹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар института Российской истории РАН // Отечественная история. – 1994. – № 4 – 5. – С. 65.
- ⁹⁰ ВПСЗ. – Т. XVI. – № 14959; Т. XXV. – № 24618.

- ⁹¹ Очерки экономического строя России. – СПб., 1906. – С. 40.
- ⁹² ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 77. – Л. 6.
- ⁹³ Там же. Д. 40. – Л. 13 – 14.
- ⁹⁴ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 2, 6, 18; Оп. 5. Д. 13. – Л. 2, 5, 17; Оп. 7. Д. 42. – Л. 2, 6, 24; Оп. 8. Д. 31. – Л. 3, 8, 36; Оп. 11. Д. 21. – Л. 1, 55, 64, 99; Оп. 14. Д. 94. – Л. 4, 89, 151.
- ⁹⁵ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 7. Д. 42. – Л. 24, 27; Оп. 8. Д. 31. – Л. 36, 43; Оп. 11. Д. 94. – Л. 64, 72.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 41.
- ⁹⁷ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 65.
- ⁹⁸ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 7, 18; Оп. 5. Д. 13. – Л. 6, 18; Оп. 7. Д. 42. – Л. 8, 26; Оп. 8. Д. 31. – Л. 11, 39; Оп. 11. Д. 21. – Л. 53, 55; Оп. 14. Д. 94. – Л. 74, 80; Оп. 16. Д. 88. – Л. 58, 65, 110.
- ⁹⁹ Там же. Оп. 86. Д. 77. – Л. 5.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 2. Д. 21. – Л. 85.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 4. Д. 42. – Л. 5 – 6, 18 – 30, 32 – 41.
- ¹⁰² Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 65.
- ¹⁰³ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 90.
- ¹⁰⁴ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 19; Оп. 5. Д. 13. – Л. 18; Оп. 7. Д. 42. – Л. 27; Оп. 8. Д. 31. – Л. 42; Оп. 11. Д. 21. – Л. 62; Оп. 14. Д. 94. – Л. 88; Оп. 16. Д. 88. – Л. 73.
- ¹⁰⁵ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – М., 1883. Вып. 1. – С. 62.
- ¹⁰⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 232.
- ¹⁰⁷ Там же. – С. 232 – 233; ГАТО. Ф. 15. Оп. 16. Д. 88. – Л. 130.
- ¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 15. Оп. 3. Д. 26. – Л. 21.
- ¹⁰⁹ Там же. – Л. 25.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 32; Оп. 8. Д. 31. – Л. 59.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 26. – Л. 31.
- ¹¹² Там же. – Л. 31 – 32.
- ¹¹³ Там же. – Л. 149.
- ¹¹⁴ Там же. – Л. 32.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 126.
- ¹¹⁶ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 103 – 104.
- ¹¹⁷ Там же. – Л. 121.
- ¹¹⁸ Там же. – Л. 103 – 104.
- ¹¹⁹ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 84; Оп. 14. Д. 94. – Л. 126.
- ¹²⁰ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 59.
- ¹²¹ Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М., 1961. – С. 173 – 174.
- ¹²² ВПСЗ. – Т. XVI. – № 14727.
- ¹²³ Там же. – Т. XVI. – № 14821, 14974; Т. XXIV. – № 23156.
- ¹²⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 31. – Л. 50.
- ¹²⁵ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 117; Оп. 16. Д. 88. – Л. 98.
- ¹²⁶ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 80 – 81.
- ¹²⁷ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 7. Д. 42. – Л. 31; Оп. 8. Д. 31. – Л. 49; Оп. 11. Д. 21. – Л. 81; Оп. 14. Д. 94. – Л. 116; Оп. 16. Д. 88. – Л. 96 – 97.
- ¹²⁸ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 49 – 50; Оп. 14. Д. 94. – Л. 116.
- ¹²⁹ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 41.
- ¹³⁰ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 76.
- ¹³¹ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 31, 96.
- ¹³² Там же. Ф. 30. Оп. 17. Д. 29. – Л. 46.
- ¹³³ Там же. Ф. 15. Оп. 14. Д. 94. – Л. 54.
- ¹³⁴ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 50.
- ¹³⁵ ВПСЗ. – Т. XVII. – № 15642.
- ¹³⁶ ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 32, 54; Оп. 8. Д. 31. – Л. 47; Оп. 11. Д. 21. – Л. 103.
- ¹³⁷ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 80.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 95.

- ¹³⁹ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 30; Оп. 8. Д. 31. – Л. 46 – 47; Оп. 11. Д. 21. – Л. 69; Оп. 14. Д. 94. – Л. 96 – 97; Оп. 16. Д. 88. – Л. 81.
- ¹⁴⁰ Линков Я.И. Указ. соч. – С.28; ГАТО. Ф. 15. Оп. 11. Д. 21. – Л. 69; Оп. 14. Д. 94. – Л. 96 – 97; Оп. 16. Д. 88. – Л. 81.
- ¹⁴¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 77. – Л. 9.
- ¹⁴² Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 67; Оп. 14. Д. 94. – Л. 92 – 94.
- ¹⁴³ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 77, 410.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 32, 54.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 92 – 94.
- ¹⁴⁶ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 77, 79, 410 – 411.
- ¹⁴⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 94 – 95.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 30. Оп. 17. Д. 2. – Л. 4 – 5; Д. 29. – Л. 9, 19, 25, 29, 46, 77, 80, 85.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 9. – Л. 14.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 15. Оп. 86. Д. 77. – Л. 9.
- ¹⁵¹ Там же. Оп. 2. Д. 45. – Л. 313.
- ¹⁵² Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 23; Оп. 5. Д. 13. – Л. 22; Оп. 7. Д. 42. – Л. 34; Оп. 8. Д. 31. – Л. 54; Оп. 11. Д. 21. – Л. 67; Оп. 14. Д. 94. – Л. 93; Оп. 16. Д. 88. – Л. 78, 411.
- ¹⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 21. – Л. 31.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 30. Оп. 17. Д. 9. – Л. 24, 33.
- ¹⁵⁵ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 4, 6, 23, 59; Оп. 5. Д. 13. – Л. 4, 5, 22, 66; Оп. 7. Д. 42. – Л. 5, 6, 34, 80; Оп. 8. Д. 31. – Л. 6, 8, 54, 131; Оп. 11. Д. 21. – Л. 34, 35, 67, 420; Оп. 14. Д. 94. – Л. 40, 41, 93, 595; Оп. 16. Д. 88. – Л. 31, 78, 376, 411.
- ¹⁵⁶ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 95.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 12. Д. 109а. – Л. 15.
- ¹⁵⁸ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 96.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 41, 411.
- ¹⁶¹ Маркиз де-Кюстин А. Николаевская Россия / А. де-Кюстин. – М., 1990. – С. 71.
- ¹⁶² Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. – С. 158.
- ¹⁶³ ЖМГИ. – 1842. – Ч. VI, отд. VI. – С. 88.
- ¹⁶⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 42. – Л. 40; Оп. 8. Д. 31. – Л. 60 – 61.
- ¹⁶⁵ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 60 – 61.
- ¹⁶⁶ Там же. Оп. 4. Д. 1. – Л. 27; Оп. 11. Д. 21. – Л. 47.
- ¹⁶⁷ Там же. Оп. 2. Д. 109а. – Л. 7.
- ¹⁶⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 251.
- ¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 105. Оп. 33. Д. 9. – Л. 5 – 6.
- ¹⁷⁰ Там же. Ф. 15. Оп. 4. Д. 1. – Л. 26.
- ¹⁷¹ Там же. – Л. 26, 67 – 68.
- ¹⁷² Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 25.
- ¹⁷³ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 87 – 88.
- ¹⁷⁴ Там же. Оп. 86. Д. 77. – Л. 8.
- ¹⁷⁵ Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 47.
- ¹⁷⁶ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 7. Д. 42. – Л. 39, 40, 87, 88; Оп. 8. Д. 31. – Л. 60, 61, 149, 150; Оп. 11. Д. 21. – Л. 45, 46, 339, 340; Оп. 14. Д. 94. – Л. 60, 61, 126, 513 – 523; Оп. 16. Д. 88. – Л. 45, 46, 74, 324, 333, 410.
- ¹⁷⁷ Там же. Оп. 2. Д. 21. – Л. 31.
- ¹⁷⁸ Там же. Оп. 5. Д. 13. – Л. 41; Оп. 4. Д. 1. – Л. 41; Оп. 86. Д. 59. – Л. 1.
- ¹⁷⁹ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 40, 87 – 88; Оп. 8. Д. 31. – Л. 91 – 92.
- ¹⁸⁰ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 513 – 523.
- ¹⁸¹ Там же. Оп. 86. Д. 175. – Л. 3.
- ¹⁸² Там же. – Л. 5.
- ¹⁸³ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 60 – 61, 126, 513 – 523; Оп. 16. Д. 88. – Л. 324 – 33.
- ¹⁸⁴ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 159.
- ¹⁸⁵ Там же. – Л. 65.
- ¹⁸⁶ Там же. Оп. 12. Д. 109а. – Л. 7 – 8.
- ¹⁸⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 66.
- ¹⁸⁸ Там же. – Л. 64 – 65.

- ¹⁸⁹ Там же. Оп. 86. Д. 175. – Л. 3.
¹⁹⁰ Там же. Оп. 7. Д. 42. – Л. 40.
¹⁹¹ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 84.
¹⁹² Там же. Оп. 11. Д. 21. – Л. 79.
¹⁹³ Дружинин Н.М. Социально-экономическая история России. – С. 272.
¹⁹⁴ Цитируется по: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 236.
¹⁹⁵ ГАТО. Ф. 15. Оп. 14. Д. 94. – Л. 104.
¹⁹⁶ Там же.
¹⁹⁷ Там же. – Л. 114.
¹⁹⁸ Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 92 – 93.
¹⁹⁹ Рындзюнский П.Г. Мелкая промышленность // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. – С. 93; ГАТО. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 8.
²⁰⁰ ГАТО. Ф. 15. Оп. 14. Д. 94. – Л. 120 – 122.
²⁰¹ Там же. Ф. 2. Оп. 60. Д. 969. – Л. 5 – 6.
²⁰² Там же. Ф. 15. Оп. 11. Д. 21. – Л. 78 – 79.
²⁰³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 357.
²⁰⁴ ГАТО. Ф. 15. Оп. 86. Д. 77. – Л. 6.
²⁰⁵ По материалам ГАТО. Ф. 15: Оп. 4. Д. 1. – Л. 7; Оп. 7. Д. 42. – Л. 8; Оп. 8. Д. 31. – Л. 12; Оп. 11. Д. 21. – Л. 53; Оп. 14. Д. 94. – Л. 74 – 76, 364 – 356; Оп. 16. Д. 88. – Л. 58 – 59, 410.
²⁰⁶ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 12.
²⁰⁷ Там же. Оп. 14. Д. 94. – Л. 76.
²⁰⁸ Там же. Оп. 2. Д. 25. – Л. 78.
²⁰⁹ Там же. Оп. 12. Д. 109а. – Л. 8.
²¹⁰ Там же. – Л. 16.
²¹¹ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 45.
²¹² Там же. Оп. 16. Д. 88. – Л. 130.
²¹³ Там же. Оп. 8. Д. 31. – Л. 13.
²¹⁴ Там же. – Л. 78, 91 – 92.
²¹⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т. 2. – С. 507.

Таблица 25

Сводная таблица по оспопрививанию в губернии¹⁵⁵

Округ	1840 г.		1841 г.		1843 г.		1844 г.		1847 г.		1850 г.		1852 г.	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Елатомский	1735	8	3105	14	2463	21	275 8	27	265 8	23	365 3	23	263 2	23
Липецкий	5342	18	6313	18	3870	24	682 3	36	550 3	52	614 2	42	283 1	42
Тамбовский	4500	2	6998	11	4000	26	597 7	30	423 4	36	457 4	36	543 0	36
Козловский	3768	11	4402	11	6551	53	689 6	50	498 5	53	590 9	37	509 3	37
Усманский	3379	8	4168	8	2147	24	405 4	27	357 2	28	513 4	29	385 9	29
Кирсанов- ский	1892	15	2492	14	1700	16	239 1	24	278 1	28	255 9	20	211 1	20
Борисоглеб.	3705	10	3825	9	5323	22	539 0	29	579 8	41	500 3	35	454 3	35
Моршан-	2583	18	2679	18	1171	20	163	20	310	27	365	24	345	24

ский							5		4		2		4	
Спасский	1344	12	1688	12	2400	21	347 5	26	198 8	29	306 8	21	274 5	21
Итого	28 242	102	35 670	115	29 595	227	39 399	269	34 623	317	39 698	267	32 698	267
Не привиты	8621		1647		1399		135 0		242 4		169 9		248 9	
Родившие- ся	44 705		24 036		47 272		37 858		37 194		21 976		34 578	
Всех гос. кр.	823 992		847 316		868 049		891 967		826 310		807 101		837 701	
<p>Примечание. А – это число привитых детей, Б – число оспопрививателей в округе.</p>														

30
44
46

156
157
186